

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»

на правах рукописи

Чичко Татьяна Вячеславовна

**ВОСТОЧНАЯ ТОРЕВТИКА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(КОНЕЦ VI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IX ВВ.).**

07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
профессор, доктор исторических наук
Иванов Владимир Александрович

Уфа – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ТОРЕВТИКИ В ПРИКАМЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ	18
1.1. <i>Создание первых частных коллекций, систематизация и типологизация восточного серебра во второй половине XIX – 30-х гг. XX вв.</i>	18
1.2. <i>Изучение восточной торевтики в Прикамье и Приуралье в 30-х – 80-х гг. XX в.</i>	21
1.3. <i>Изучение восточной торевтики в Прикамье и Приуралье на современном этапе (начало 90-х гг. XX в. – до настоящего времени)</i>	29
ГЛАВА 2. КАТЕГОРИИ И ТИПЫ ВОСТОЧНОЙ ТОРЕВТИКИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ	43
2.1 <i>Восточные сосуды</i>	45
2.2. <i>Категории и типы металлических украшений в памятниках материальной культуры средневекового населения Прикамья и Южного Приуралья</i>	64
ГЛАВА 3. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ и ПРИКАМЬЯ	94
3.1. <i>Пути проникновения восточной торевтики на территорию Южного Приуралья и Прикамья в эпоху раннего средневековья</i>	95
3.2. <i>Военно-политическая ситуация в Передней и Средней Азии и евразийской степи в эпоху раннего средневековья</i>	126
3.3. <i>География предметов восточной торевтики в Прикамье и Приуралье в контексте внутренних миграций второй половины I тыс. н.э.</i>	159

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	180
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	204
ПРИЛОЖЕНИЯ	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Материальная культура Южного Приуралья и Прикамья эпохи раннего средневековья предстает как явление спонтанное, внутренних корней не имеющее. Одной из наиболее ярких и отличительных её черт являются предметы восточного импорта. Под термином «восточный импорт» подразумеваются различные категории археологических находок, обнаруженных в археологических памятниках (в составе кладов, могильниках) на территории Южного Урала – это, прежде всего, восточная посуда и металлические украшения костюма. Сразу же необходимо оговориться, что применительно к данным категориям материальной культуры Прикамско-Приуральского населения в науке употребляется термин *торевтика*. Существует несколько определений этого термина¹, исходя из которых, мы можем использовать его применительно к металлическим изделиям, входящим в комплекс материальной культуры населения Прикамья и Южного Приуралья – это металлические украшения костюма и восточная посуда.

Проблема восточного металлического импорта на Урале не новая. Внимание исследователей она начала привлекать еще с XIX в., когда в регионе, в массовом количестве, стала известна восточная посуда, входившая в

¹ Торевтика – (греч. *toreutikos* – искусный в рельефной работе по металлу, от *toreuo* – вырезаю, чеканю), искусство рельефной обработки художественных изделий из металла. Чаще всего торевтикой называют обработку изделий путём чеканки или тиснения. Иногда термином "торевтика" обозначают и отделку литых изделий.

Торевтика – (франц. *toreutique*, от греч. *toreuto* – "вырезаю, выдалбливаю") – в Древней Греции этот термин использовали в качестве синонима сфиротехники (от греч. *sphugon* – "молоток, пятка молотка" и *technē* – "ремесло, умение") – выколачивания объемных фигур из листов меди и бронзы. В современном значении – выколотка. Именно так изготавливали огромные составные статуи, полые внутри, которые из-за их размеров было невозможно отлить из бронзы. Торевтикой называли технику "опускания фона" с целью создания рельефного декора металлических сосудов (дифовка). Латинское название: *ars clusoria* ("техника окружения, запирающая"). В русском языке имеется близкий термин: ковка (родств. лат. *cardo* – "бю, колочу"). Близкое по смыслу определение, хотя и иной этимологии, – кузнечное ремесло. Ныне термин торевтика используют для обозначения всех техник холодной обработки металла – биговки, буклирования, оброчной работы, пуансирования, резьбы, репуссе, канфарения, таушировки, тиснения, торсирования, чеканки, штамповки.

Торевтика (*toreutikh, caelatura*) – производство скульптурных художественных предметов из металла, в противоположность валянию из камня, глины, воска и дерева; преимущественно словом торевтика обозначается обработка металлов острыми стальными инструментами, каковы чеканка, а также тиснение по формам и выбивка при помощи пунсонов.

Торевтика (от греч. *toreuo* – вырезаю, чеканю), искусство ручной рельефной обработки художественных изделий из металла – чеканки, тиснения, отделки литых изделий.

состав многочисленных кладов. Большая часть подобных кладов происходит с территории Прикамья. Некоторое их количество известно и в Южном Приуралье, в частности, на территории современного Башкортостана. Первоначально, исследования по данной проблеме велись в нескольких направлениях, среди которых, одной из наиболее важных была проблема хронологической и географической атрибуции данной категории находок. В этой связи большое значение имела работа Я.И. Смирнова, которая положила начало подлинному изучению памятников восточной торевтики¹. Впервые Я.И. Смирнов выделил группу, собственно, сасанидской торевтики, а также группу серебряных сосудов, которые, обладая определенным набором технических, стилистических и иконографических признаков, выходят за рамки сасанидского художественного искусства, хотя автор и не дал своей атрибуции для этой группы. Работу эту впоследствии продолжили Л.И. Ремпель, Г.А. Пугаченкова, Н.Н. Забелина, К.В. Тревер, И.А. Орбели, В.Г. Луконин, Б.И. Маршак, В.П. Даркевич. В результате, среди массы произведений восточной торевтики исследователями была выделена группа сосудов, отнесенных к позднеиранской и среднеазиатской художественной традиции².

Среди массы предметов восточного импорта была выделена группа изделий, которую отнесли к византийской художественной традиции³. Большая часть восточной посуды на сегодняшний день хронологически и географически атрибутирована. Это позволило исследователям выделить еще одно направление в проблеме изучения восточной торевтики – проблеме причин и факторов ее проникновения в столь массовом количестве в Прикамско-Приуральский регион. Этот вопрос затрагивали все исследователи, кто в своих работах касался проблемы восточного серебра. Как правило, первоначально исследователи, констатируя наличие находок в регионе, делали вывод о непосредственных торговых связях между населением уральского ре-

¹ Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб, 1909. – 18 с.

² Более подробно: см. ниже.

³ Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. - М.-Л., 1940. - . № 1. - С. 139 - 158.

гиона и стран Востока и Византии. Таким образом, в науке возникла проблема торговых путей, по которым восточная торевтика попадала в Прикамско-Приуральский регион. Несмотря на то, что этот вопрос не раз рассматривался исследователями, он по-прежнему актуален. Современное состояние науки позволяет нам говорить о том, что поступление и массовое распространение восточной торевтики в Прикамье и Южном Приуралье напрямую связано с появлением новых археологических культур и изменением этнокультурной карты региона. За всем этим стоит появление нового населения – носителей кушнаренковской и караякуповской археологических культур, с характерным для них комплексом материальной культуры, одним из главных признаков которой являются восточные сосуды и металлические украшения костюма, не имеющие местного происхождения. И в этом контексте на первый план выходит проблема культурных и военно-политических связей местного прикамско-приуральского населения с населением Передней и Средней Азии, поскольку ни восточная (сасанидская и византийская) «парадная» посуда, ни поясные наборы «геральдических» и тюркских типов не являлись предметами торговли. Сасанидские сосуды находились в сфере официального прокламативного искусства, сюжеты которого отражали наиболее важные политические и идеологические особенности сасанидского государства, а потому выступали, как правило, в качестве дипломатических даров. Наборный пояс для кочевника представлял собой регалию, торговать которой для менталитета кочевника было немислимо по определению. В этом контексте военно-политическая ситуация Евразии, оказавшая свое влияние на динамику, интенсивность, ассортимент и маршруты проникновения восточной торевтики в регион, выходит на передний план как один из основных факторов этого процесса.

Таким образом, в настоящее время типология поясной гарнитуры Волго-Камья и Приуралья может осуществляться по двум трудно сопоставимым между собой схемам: «иерархической» схеме Р.Д. Голдиной или «горизон-

тальной шкале» А.В. Богачева. С точки зрения хронологизации археологических комплексов обе эти схемы, как мы могли убедиться, друг другу не противоречат. Однако в контексте нашей темы, подразумевающей выявление типологического содержания поясных наборов Прикамья и Приуралья, какая-то типологическая унификация исследуемого материала необходима.

Объект исследования: материальная культура населения Прикамья и Приуралья второй половины I тыс. н.э.: восточные сосуды, металлические украшения костюма, и другие категории материальной культуры средневекового населения Прикамья и Южного Урала, не имеющие местного происхождения.

Предмет исследования: процесс формирования характерных признаков материальной культуры населения региона в указанный период и степень влияния на этот процесс событий этнополитической истории населения степной Евразии во второй половине I тыс. н.э. (эпоха Тюркских, Хазарского каганатов, Ранней Волжской Булгарии).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца VI – начала IX вв. – время наиболее массового притока восточного импорта в прикамско-приуральский регион. Так же это тот хронологический период, в рамках которого наблюдается значительное изменение этнокультурной карты, когда в регионе наблюдается устойчивое преобладание угорского этноса, с характерными для него признаками материальной культуры.

Территориальные рамки исследования продиктованы местом расположения археологических памятников, содержащих предметы восточного импорта (восточные сосуды и металлические украшения), и связанных с ними кушнаренковской и караякуповской культур Приуралья, и неволинской и ломоватовской археологических культур Прикамья. В административном отношении Прикамье – это территория Пермского края, расположенная в восточной части Восточно-Европейской равнины, в Предуралье, и западных склонах Среднего и Северного Урала. Традиционно выделяют Верхнее При-

камье – в раннем средневековье территория распространения в ломоватовской археологической культуры, и Среднее Прикамье – территория распространения неволинской культуры. Приуралье – это территория окраинной части Восточно-Европейской равнины, прилегающая к западному склону Урала, главным образом, в бассейне рек Камы и Печоры. Территория лесостепного Приуралья – ареал распространения кушнаренковской и караякуповской культур раннего средневековья, – соответствует западной и юго-западной части современной республики Башкортостан в бассейне среднего и нижнего течения рек Белой и Дёмы.

Степень изученности темы. Восточная торевтика всегда привлекала внимание исследователей. Но поскольку в науке традиционно принято подразумевать под термином «восточная торевтика» восточную посуду (сасанидского, византийского и среднеазиатского производства эпохи раннего средневековья), изготовленную, преимущественно из драгоценных металлов, то, соответственно объектом исследования становилась эта категория материальной культуры.

Авторы, изучающие восточные сосуды, как правило, ставили перед собой задачи относительно её датировки и территории происхождения. Этому было посвящено не мало научных работ, которые носили как информационный, так и исследовательский характер. Вопросы хронологической и географической атрибуции восточных сосудов, были раскрыты в фундаментальных исследованиях Я.И. Смирнова¹, К.В. Тревер и В.Г. Луконина², И.А. Орбели³, Б.И. Маршака⁴, В.П. Даркевича⁵.

¹ Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. - СПб, 1909. – 18 с.

² Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание государственного Эрмитажа. – М.: «Искусство», 1987. – 155 с.

³ Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. – М. – Л.: Изд-во АСADEMIА, 1935. – 85 с.

⁴ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 191 с.

⁵ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

Одним из дискуссионных вопросов в проблеме восточной торевтики являлся вопрос о причинах и факторах ее массового присутствия в Прикамье и Приуралье, и связанная с ним проблема путей проникновения восточной посуды в регион. Эти вопросы решались в науке по-разному, и имеют обширную историографию. Однако, единого мнения на сегодняшний день так и не сложилось. В качестве основных путей поступления византийской посуды в регион выделялся прямой пути из Византии в Прикамье через донские степи (Л.А. Мацулевич¹). На основе находок сасанидских монет и серебряной посуды выделял путь из Закавказья в Прикамье – с одной стороны, и из Средней Азии в Прикамье – с другой, В.В. Кропоткин². Несколько по-иному рассматривал этот вопрос В.П. Даркевич³, который на основе изучения серебряной посуды, изготовленной в постсасанидский период, писал о её поэтапном поступлении в регион в хронологический период с VIII по XIII вв. посредством торговой деятельности в пределах Волжско-Каспийской системы. О поэтапной торговле писал и В.Ю. Лещенко⁴, который выделил два пути поступления восточной посуды в регион, действовавшие в разное время – конец VII – VIII вв. торговый путь из Средней Азии в Волжскую Болгарию через плато Усть-Урт в низовья Волги, и, далее на Каму; и IX – X вв. – сухопутный торговый путь из Хорезма в Волжскую Болгарию, плато Усть-Урт, территорию современного Башкортостана – на Каму. Идея поэтапного поступления восточной торевтики в прикамско-приуральский регион поддерживалась и американским исследователем Т. Ноонаном⁵, который в качестве основного пути рассматривал Волжский торговый путь, а процесс поступления восточной посуды и монет изучал в контексте исторических событий и

¹ Мацулевич Л. А. Византийский антик в Прикамье // МИА. – 1940. – № 1. – С. 139 – 158.

² Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. – М.: Изд-во Наука, 1967. – 135 с.

³ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

⁴ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. / Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1971. – 22 с.

⁵ Noonan Th. S. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // Archivum Eurasia Med II Aevi. – Wiesbaden, 1982. II. – P 269 – 302.

политической ситуации, сложившейся в период раннего средневековья на территориях Восточной Европы, Кавказа, Передней и Средней Азии.

По результатам исследования географии нахождения восточных монет и сасанидской торевтики в Волго-Камье к выводу о существовании Степного торгового пути, на время заменившего Волжский, приходит В.Ю.Морозов¹. Он также рассматривает это явление в контексте военно-политических событий в Прикаспийских областях в конце VII в.

Аналогичным образом обстоит дело и с решением вопроса о посреднике, участвовавшем в поступлении восточной торевтики в Прикамье и Приуралье. В качестве такого посредника авторы видят Волжскую Болгарию (А.И. Воцинина², В.Ю. Лещенко³), хазар (В.В. Кропоткин⁴, В.П. Даркевич⁵, Т. Ноонан⁶).

Несколько по-иному рассматривают вопрос о поступлении восточной посуды в прикамско-приуральский регион современные исследователи, среди которых в первую очередь необходимо отметить В.Г. Иванова, который рассмотрел процесс её поступления в прикамско-приуральский регион в контексте исторических событий Восточной Европы в раннем средневековье⁷.

Автор настоящего исследования трактует понятие «восточная торевтика», подразумевая под ним помимо восточной посуды металлические украшения костюма средневекового населения прикамско-приуральского региона

¹ Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественного изделий в Поволжье и Прикамье // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* – Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1996. – С. 148 – 164.

² Воцинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI – VII вв. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) // *СА.* – 1953. – XVII. – С. 194.

³ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. / Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1971. – С. 19.

⁴ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. – М.: Изд-во Наука, 1967. – С. 116.

⁵ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – С. 136.

⁶ Noonan Th. S. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // *Archivum Eurasia Med II Aevi.* – Wiesbaden, 1982. II. – P. 275.

⁷ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. / А.Г. Иванов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН», 1997. – 309 с.

– носителей кушнаренковской, караякуповской, неволинской и ломоватовской культур раннего средневековья. В этой связи необходимо отметить, что данная категория находок имеет свою историю изучения, и также не раз выступала в качестве объекта исследования. И одной из наиболее важных проблем здесь является проблема их хронологии, типологии и классификации, которая была разработана такими исследователями, как В.Б. Ковалевская¹, Р.Д. Голдина², А.В. Богачев³, Н.Б. Крыласова⁴.

Несмотря на то, что проблема восточной торевтики имеет обширную историографию (она освещается в отдельной главе), вопрос об обстоятельствах её поступления в прикамско-приуральский регион остается открытым, поскольку при его изучении была использована не вся совокупность имеющихся на сегодняшний день артефактов, а кроме того, исследователи, как правило, оставляли без внимания обстоятельства этнополитической истории евразийского пространства, которые, выступили в качестве основного фактора поступления восточной торевтики в прикамско-приуральский регион, определили ее ассортимент и маршруты поступления, и оказали непосредственное влияние на характер и динамику контактов местного населения с окружающими народами.

Цель исследования. На основе изучения, распространенных в Прикамье и Приуралье предметов восточной торевтики проследить историю культурных связей населения региона во второй половине I тыс. н.э. и степень влияния событий этнополитической истории евразийских степей на формирование облика материальной культуры местного населения.

Задачи исследования.

¹ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки // Свод археологических источников. Вып. Е1-2. – М.: Наука, 1979. – 112 с.

² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – С. 34 – 63.

³ Богачёв А.В. Процедура-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV – VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара: Изд-во Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1992. – С. 40 – 161.

⁴ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 260 с.

– Выявить основные категории восточного импорта в памятниках Южного Урала и Прикамья.

– На основе типологического анализа основных категорий восточного импорта выявить направления торговых и этнокультурных контактов прикамско-приуральского населения в эпоху раннего средневековья.

– На основе анализа археологического картографирования кладов восточной торевтики выделить основные пути проникновения восточного импорта в прикамско-приуральский регион.

– На основе анализа исторической и политической ситуации, сложившейся в эпоху раннего средневековья в Передней и Средней Азии и территории евразийской степи выделить основные факторы поступления восточного импорта в прикамско-приуральский регион.

Источниковая база исследования имеет в своей основе широкий круг источников, которые можно разделить на две большие группы. Прежде всего, это **археологические материалы**, являющиеся наиболее массовой и значимой категорией источников по средневековой истории Прикамья и Южного Приуралья. К данной категории относятся клады и материалы погребений, содержащие в себе предметы личных украшений и принадлежности конского снаряжения.

В энциклопедической и научной литературе даются следующие определения клада. «Клад – спрятанные, чаще всего зарытые в землю вещи, не взятые владельцем и позднее случайно обнаруженные. Являются ценным историческим источником».¹ Клады представляют собой «наборы предметов (монеты, бронзовые изделия, драгоценные металлы, редко керамика), спрятанные в земле или другом недоступном месте. В соответствии с их особенностями различают несколько видов кладов: клад может содержать вещи личного пользования, владелец которых спрятал их для сохранности и не забрал назад; клад торговца состоит, как правило, из предметов, не бывших в

¹ Советский энциклопедический словарь. - М., 1989. - С. 591.

употреблении, готовых для продажи; клад мастера-литейщика обычно включает вышедшие из употребления, сработавшиеся или бракованные изделия, часто куски металла, предназначенные в переплавку или отливку заново, и другие виды кладов».¹ Или: «Клады – археологические памятники, представляющие собой наборы орудий труда, вооружения, различных предметов быта, украшений из бронзы, железа, серебра, золота».²

В основу работы были положены данные по составам кладов, обнаруженных, главным образом на территории Прикамья и Южного Приуралья, содержащих 115 пунктов находок восточной посуды. Все находки восточной посуды на Урале в свое время были датированы и атрибутированы.³ Поэтому в задачи исследования не входит ее детальный анализ с целью установления даты и места производства. В данном случае мы будем опираться на исследования, которые были проведены ранее. Анализ материалов состава кладов позволяет выделить основные направления культурных контактов прикамско-приуральского населения в эпоху раннего средневековья. Но это не единственный тип источников, раскрывающий данную проблему, и, кроме того, не дающий исчерпывающей информации.

Второй категорией археологических источников являются материалы погребений. Это, прежде всего, предметы убранства костюма (прежде всего, наборные пояса). В этой связи необходимо отметить, что костюм в традиционном обществе выполнял не только утилитарную, но и магическую функцию, а также являлся социально маркирующим элементом. Детали украшения костюма выполняли функцию оберега. Поэтому в каждой этнической среде вырабатывалась своя система символов и знаков, ставшая в последующем основной составляющей этнического костюма. Однако очень часто отдельные элементы костюма, оставаясь прежними по своему содержанию, из-

¹ Археология Южного Урала. - Стерлитамак, 1992. - С. 9.

² Башкирская энциклопедия. - Т. 3. - Уфа, 2007. - С. 418.

³ Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. - СПб, 1909. – 18 с.; Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. - М.-Л., 1935. – 85 с.; Маршак Б.И. Согдийское серебро. - М., 1971. – 191 с.; Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. – 198 с.; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. – 155 с.

меняли внешний облик. Происходило это под влиянием нескольких факторов, в числе которых можно назвать и такой фактор как мода. Здесь уместно будет вспомнить высказывание В.Б. Ковалевской, исследовавшей поясные наборы, известные из погребений эпохи раннего средневековья на протяжении евразийской степи: «...поясные наборы подвержены общеевропейской моде. Выделенные ареалы типов свидетельствуют о принадлежности не столько к определенной этнической, ... сколько к определенной хронологической группе или тому или иному ремесленному центру».¹ О моде на различные типы серег в разные исторические периоды раннего средневековья пишет и Д.А. Стащенко.² Поэтому, в результате сравнительно – типологического анализа убранства костюма также можно выявить основные направления этнокультурных связей. В работе исследованы наборные пояса, происходящие из погребений кушнаренковской и караякуповской культур (пряжки 121 экз.; накладки 275 экз.; наконечники ремней 71 экз.) на территории Южного Предуралья; ломоватовской (пряжки 139 экз.; накладки 937 экз.; наконечники ремней 42 экз.) и неволинской (пряжки 253 экз.; накладки 3204 экз.; наконечники ремней 200 экз.) культур Верхнего и Среднего Прикамья.

Методология и методы исследования. Методологической основой работы является принцип историзма, в основе которого лежит анализ вопросов формирования и динамика развития торговых путей и этнокультурных контактов между прикамско-приуральским населением и населением Передней и Средней Азии и Византии в эпоху раннего средневековья. В работе использовались общенаучные и специальные методы. Из общенаучных, применялись статистический, историко-генетический и сравнительно-исторический методы. Статистический метод позволяет определить удельный вес восточного импорта в материальной культуре средневекового населения прикамско-приуральского региона, а также выявить количественное

¹ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки. // САИ. - 1979. - Вып. Е 1-2. - С. 8.

² Стащенко Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // КЕС, 1998. - С. 213 - 231.

соотношение сасанидских, византийских и среднеазиатских изделий, с целью определения степени интенсивности торговых и этнокультурных контактов в различные хронологические периоды раннего средневековья. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы применялись для решения различных вопросов, связанных с изучением происхождения отдельных элементов материальной культуры их истоков и значения, а также для выявления основных направлений политических и культурных контактов.

К специальным методам относятся: типологический метод, который применяется, главным образом для анализа различных типов украшений и принадлежностей конского снаряжения, для выявления соотношения этих типов с той или иной культурой; метод картографирования, который позволяет наметить основные пути продвижения восточного импорта в прикамско-приуральский регион и особенности его распределения и концентрации на территории различных археологических культур.

Научная новизна исследования заключается в том, что имеющийся археологический материал, отражающий направление и интенсивность культурных связей населения Прикамья и Приуралья во второй половине I тыс. н.э., проанализирован и интерпретирован в историко-культурологическом контексте. Полученные археологическими методами факты присутствия и распространения образцов восточной торевтики в материальной культуре населения региона – состав, количество, хронология, география распространения интерпретированы в контексте этнополитической истории Евразии рассматриваемого времени.

Научно-практическая значимость работы и внедрение её результатов. Результаты исследований дают возможность широким слоям населения, главным образом, школьникам и студентам познакомиться с особенностями материальной культуры населения Прикамско-Приуральского региона в раннем средневековье и рассматривать процесс её формирования в контексте общеисторического развития. Разработки автора по данной тематике исполь-

зованы при составлении спецкурса «Этнокультурная история Урало-Поволжья в эпоху раннего средневековья» для студентов исторического факультета Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой. Выводы по работе могут использоваться в лекционных курсах по археологии Южного Урала, истории Башкортостана и истории средневекового Востока. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы так же при создании обобщающих и специальных работ по истории Урало-Поволжья.

Основные положения, выносимые на защиту.

- Облик материальной культуры населения Прикамья и Приуралья во второй половине I тыс. н.э. (неволинская, ломоватовская, кушнарниковская, караякуповская культуры) определялся комплексом предметов «дальнего импорта», которые, будучи широко распространенными в регионе, создают впечатление этнокультурной близости (если не общности) населения, использовавшего эти предметы в своем быту и отправлении религиозных культов.
- Исходные территории комплекса предметов «дальнего импорта» находились далеко за пределами Южного Урала и Прикамья, и маршрут их поступления в регион – Степной торговый путь, альтернативный Великому Волжскому (Волго-Камскому) торговому пути – оставался стабильным на всем протяжении рассматриваемого периода.
- Интенсивность поступления импортных изделий в регион и отчасти их ассортимент объективно регулировались военно-политической обстановкой на юге Евразии, в государствах, расположенных на трассе Великого шелкового пути, и у кочевников Великого пояса евразийских степей.
- География распространения находок «дальнего импорта», и, реконструируемая на их основе трасса степного торгового пути показывают, что посредниками в их распространении среди населения прикамско-

приуральского региона выступали носители кушнаренковской и караякуповской культур (древние мадьяры).

Апробация исследования. Основные положения работы нашли своё отражение в опубликованных статьях. По тематике диссертации были сделаны выступления на международных, российских и региональных конференциях в гг. Уфа (1996 г., 2010 г.), Болгар (1998 г), Самара (1998 г, 2000 г., Курган (2012 г.), Пермь (2012 г.), Стерлитамак (2011 г.). По теме исследования опубликованы 22 научные статьи, три из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложения, содержащим таблицы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ТОРЕВТИКИ В ПРИКАМЬЕ И ПРИУРАЛЬЕ.

Проблема культурных связей населения Южного Приуралья и Прикамья была поставлена в науке в середине XIX в., тогда, когда в регионе стали частыми находки средневековой восточной посуды и монет. С этого времени востоковеды стали обращаться к проблемам торговых, культурных и этнических контактов народов Урала со странами Востока. В этом направлении велась большая научная работа, в результате которой исследователями был разработан и поставлен ряд вопросов и путей их решения. Историографию проблемы культурного контактирования раннесредневекового прикамско-приуральского населения условно можно поделить на три хронологических периода: 1) вторая половина XIX в. – 30-е гг. XX в.; 2) 30-е – 80-е гг. XX в.; 3) с начала 1990-х гг. – до настоящего времени.

1.1. Создание первых частных коллекций, систематизация и типологизация восточного серебра во второй половине XIX – 30-х гг. XX вв.

В отечественной археологии в целом, этот период ознаменован появлением различных археологических обществ, местных музеев и изданий, частных коллекций, складыванием её основных направлений. Это время зарождения региональной археологии Кавказа, Средней Азии, Урала и Сибири. Именно тогда происходит накопление источниковой базы, когда в научный оборот вводится археологический материал, полученный в результате целенаправленного изучения археологических памятников территории Прикамья, и восточная посуда, обнаруженная в составе кладов. На этом этапе шел процесс накопления находок восточных изделий в различных коллекциях. Одновременно стали появляться и первые публикации этих находок, которые изначально носили информативный характер, проводились первые целенаправленные археологические обследования памятников. На первых порах исследователи не ставили перед собой широких задач относительно восточного

импорта, поскольку они обладали небольшим количеством материала. Этим отличались работы Де Бросса и Х. Кёлера.

Впервые систематизация восточных сосудов была проведена И. Толстым и Н. Кондаковым¹. В своей работе И. Толстой и Н. Кондаков дали подробную информацию о 58 известных на то время восточных сосудах, которые были разделены на группы. К первой группе были отнесены изделия, изготовленные в Византии. Ко второй – относились сосуды, определённые авторами как сасанидские. Третью группу составляли сосуды, обозначенные как «позднейшие сосуды различного происхождения». Авторы определили географическую атрибуцию, но не дали точной датировки восточным сосудам. Все учтённые в работе предметы импорта входили в состав коллекции Императорского Эрмитажа, и частных коллекций гр. Строганова, кн. М.А. Оболенского, собрания Теплоуховых и др., и тогда впервые в науке был поставлен вопрос об обстоятельствах поступления в Прикамье восточной и византийской посуды, и ее использовании местным населением. По мнению авторов, эти изделия попадали на территорию Прикамья в результате непосредственной торговли со странами Востока и Византией, а столь массовое их количество объяснялось необходимостью использования в культовых целях.

По мере накопления и расширения источниковой базы у исследователей стали возникать различные задачи, связанные с хронологической и географической атрибуцией восточной посуды. Так, возник вопрос о контактах населения Прикамья со странами Востока. Первоначально большое место в системе этих контактов отводилось Волжской Болгарии, на что оказала влияние традиция, заложенная ещё раннесредневековыми арабскими авторами, сообщавшими об арабо-болгарской торговле.

Большой вклад в разработку данной проблемы внесли А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, которые создали большую коллекцию древностей, включавшую многочисленные ювелирные изделия, как восточного, так и местного и бол-

¹ Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб, 1890. - Вып. третий. Древности времён переселения народов. - 158 с.: илл.

гарского происхождения, датированные ими в пределах X – XIV вв. А.Е. и Ф.А. Теплоуховы создали знаменитую коллекцию предметов, получивших название «чудские изделия», в которой насчитывалось более 400 различных изделий времени существования в Прикамье ломоватовской культуры. На основе изучения материалов, вошедших в коллекцию, авторы поставили ряд вопросов относительно системы мировоззрения народов Прикамья, их этнической принадлежности, культурных и торговых связей, и пр. Так, Ф.А. Теплоухов уделял внимание вопросам торговых контактов средневекового населения Прикамья со странами Востока.¹ В этой связи он указывал на наличие устойчивой торговли с Востоком на протяжении длительного периода времени, посредством волжских болгар. Теплоуховы занимались и обследованием археологических памятников. Результатом их работы стал, так называемый, «Археологический дневник», в котором описали около двух десятков поселений, относящихся ко времени существования в регионе ломоватовской культуры.

Свой вклад в разработку проблемы внёс А.А. Спицин, который, на основе изучения и систематизации коллекции Теплоуховых и других частных коллекций древностей Прикамья и Южного Приуралья, опубликовал работу, посвященную периодизации камских материалов.² Так же как и А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, А.А. Спицин занимался изучением и исследованием памятников ломоватовской культуры, где им были раскопаны могильники VI – VII вв. и VII – IX вв., а также памятников на р. Сылве на территории Среднего Прикамья, получивших в последствие название неволинской культуры. В результате деятельности А.А. Спицина коллекция «древних вещей» значительно пополнилась. А.А. Спицин в своих теоретических исследованиях уделял так же внимание вопросам торговли с Востоком, в связи с чем, говорил о том, что ведущие позиции в ней занимали персы и арабы, а позднее и болга-

¹ Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и её торговые пути // Пермский край. Т. III. - Пермь, 1894. – С. 247 – 290.

² Спицин А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. - СПб, 1902. - № 26. – С. 152 – 165.

ры, которые сбывали свои товары – предметы роскоши, ткани, украшения – в обмен на пушнину населению Прикамья.¹ Кроме того, по мнению А.А. Спицына, большая часть привозных товаров попадала, прежде всего, на р. Иньву, где находились наиболее значимые торговые пункты.²

Огромный вклад в изучение проблемы восточных связей внёс Я.И. Смирнов, составивший каталог восточного серебра, найденного на Урале в составе кладов.³ В каталог Я.И. Смирнова вошли все известные на тот период времени находки восточной и византийской торевтики на Урале. Большая часть материалов, вошедших в каталог Я.И. Смирнова, была атрибутирована, что позволило исследователям поставить перед собой новые задачи, связанные со временем, путями и причинами проникновения восточной торевтики на Урал, а также формами его использования.

Таким образом, в этот период был собран разнообразный фактический материал в виде отдельных находок восточной посуды, вошедшей в состав частных коллекций, который позволил уже тогда наметить основные направления решения проблемы взаимодействия населения Прикамья со странами Востока и Волжской Болгарией. Большое значение в данный период имело введение в научный оборот новых археологических источников, а также определение географической и хронологической атрибуции восточной посуды.

1.2. Изучение восточной торевтики в Прикамье и Приуралье в 30-х – 80-х гг. XX в.

В это время в истории изучения культурного и военно-политического контактирования в раннем средневековье можно выделить несколько направлений.

¹ Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР, 1893. - Вып. 1. – 136 с.

² Спицын А.А. Подготовительные материалы ко второму (не опубликованному) выпуску «Древностей Оки и Камы» // РО НА ИИМК РАН, рег. III – 1918.

³ Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. - СПб, 1909.

1) Продолжается источниковедческая работа по изучению восточных сосудов. В это время продолжают находки кладов с восточными сосудами на территории Прикамья и Приуралья. В связи с этим вводятся в научный оборот новые находки восточного серебра, чему посвящены работы К.В. Тревер¹, Р.Р. Фасмера², О.Н. Бадера³, Р.Б. Ахмерова⁴, А.И. Воцининой⁵, А.П. Смирнова⁶, В.Ю. Лещенко, В.А. Оборина⁷ и др. Так, например, в этот период стало известно о золотом сасанидском сосуде из Молотовской области, который в 1944 г. поступил в Государственный исторический музей⁸, в 1937 г. был найден серебряный кувшин вблизи дер. Красная Поляна Гафурийского района Башкирской АССР⁹, в 1939 г. был обнаружен Афанасьевский клад¹⁰, в 1954 г. – блюдо из с. Суды Пермской обл.¹¹, в 1967 г. – серебряное блюдо из д. Аниковской Чердынского района Пермской области¹², и пр.

Введение в научный оборот большого количества находок восточной посуды расширило возможности исследователей в работе по изучению восточного импорта, которая в это время ведётся по нескольким направлениям.

Прежде всего, всесторонне изучаются письменные источники, содержащие сведения относительно племен, проживающих на территории Восточ-

¹ Тревер К.В. Новые Сасанидские блюда Эрмитажа. - М. - Л., 1937. – 41 с.

² Фасмер Р.Р. Завалишинский клад куфических монет VIII – IX вв. // ИГАИМК. - VII, 2. – 1931. – 20 с.; Фасмер Р.Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР, отделение общественных наук, 6-7. 1933. – С. 473 – 484.

³ Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье // На Западном Урале. - Пермь, 1952. – С. 186 – 191.

⁴ Ахмеров Р.Б. Могильник близ г. Стерлитамака // СА. - 1955. – XXII. – С. 153 - 176; Ахмеров Р.Б. Серебряный кувшин из Башкирии // СА. - 1963. - № 4. – С. 152 - 158.

⁵ Воцинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI – VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) // СА. - 1953. - XVII. – С. 183 – 196.

⁶ Смирнов А.П. Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области // КСИИМК. – М. – Л., 1947. – С. 40 - 48; Смирнов А.П. Новая находка восточного серебра в Приуралье. – М., 1957. – 32 с.

⁷ Лещенко В.Ю., Обороин В.А. Новые находки восточного серебра в Прикамье // СА. - 1966. - № 3. – С. 241 – 244.

⁸ Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье // На Западном Урале. - Пермь, 1952. – 186 – 191.

⁹ Ахмеров Р.Б. Серебряный кувшин из Башкирии // СА. - 1963. - №4. - С. 152 - 157.

¹⁰ Даркевич В.П., Черников В.Ф. Новое в изучении среднеазиатской торевтики (Афанасьевский клад) // КСИА. - 1971. - Вып. 128. - С. 106-116.

¹¹ Лещенко В.Ю. Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи // СА. - 1966. - №2. - С. 317 - 319.

¹² Лунегов И.А. Сасанидское блюдо из Прикамья // СА. - 1968. - № 4. - С. 256 - 258.

ной Европы, и являющихся основными потребителями восточного импорта, а, соответственно, и хорошо знакомыми, по мнению авторов того времени, с представителями мусульманского мира. В основном это арабоязычные географические и исторические сочинения IX – XII вв. – Ибн ал-Факиха, Ибн Руста, ал-Гарнати и др., где содержатся сведения о финно-угорском и тюркоязычном населении Восточной Европы.

Продолжается работа по систематизации материала, начало которой положил в свое время Я.И. Смирнов. В этой связи особого внимания заслуживает альбом серебряных и золотых сасанидских изделий и монет, изданный в 1935 г. И.А. Орбели и К.В. Тревер.¹ В альбом вошли 85 пунктов серебряных, золотых и бронзовых изделий и 24 монеты, изготовленные в сасанидской Персии, и обнаруженные в составе кладов на территории Урала, Кавказа, Средней Азии, Индии. Все изделия, вошедшие в альбом, авторы отнесли к сасанидской художественной традиции, объединив их термином «сасанидский металл». Эта работа расширила возможности исследователей, которых интересовала проблема восточного импорта на Урале.

В 1940 г. – вышла статья Л.А. Мацулевича «Византийский антик в Прикамье»², посвящённая византийской торевтике, выделенной среди всех образцов восточных изделий, найденных на территории Прикамья. В ней Л.А. Мацулевич осветил широкий круг вопросов: определил время изготовления византийских изделий; классифицировал византийские серебряные сосуды, обнаруженные в Прикамье; определил время и пути их проникновения в Прикамско-Приуральский регион, в связи с чем отметил наличие прямого пути из Византии в Прикамье через степные реки и волоки, подразумевая в данном случае, видимо, Донские степи.

В разработке проблемы торговых связей населения Восточной Европы со странами Востока большое значение придавалось исследованию нумизма-

¹ Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М. - Л., 1935. – 85 с.

² Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1940. – С. 139 – 158.

тического материала, который являлся основным показателем интенсивных торговых отношений. Заслуга в разработке этого направления принадлежит В.В. Кропоткину, который составил сводную таблицу монет, найденных на территории СССР¹. Несмотря на то, что работа посвящена монетам византийского происхождения, в ней содержатся сведения о сасанидских монетах, обнаруженных в составе кладов в Прикамье вместе с византийскими. Исследования В.В. Кропоткина в этой области продолжались и в последующие годы. Многие его работы были посвящены публикации и изучению новых византийских, сасанидских и куфических монет и сосудов, найденных на территории Восточной Европы.² В своих исследованиях В.В. Кропоткин затрагивал вопросы хронологии сосудов и монет, места их изготовления и чеканки, времени и путей их проникновения на территорию СССР, вопросам денежного обращения на исследуемой территории. В.В. Кропоткин уделяет пристальное внимание изучению надписей и клейм на монетах и сосудах. На основе топографии кладов, и анализе надписей и клейм, автор определяет торговые пути, которыми восточный и византийский импорт поступал на территорию Восточной Европы. В этой связи он говорит о существовании торговых путей в Прикамье из Закавказья, с одной стороны, и из Средней Азии – с другой.³

В.В. Кропоткин затронул ещё один важный вопрос, в проблеме торговых контактов – вопрос о посреднике, принимающем участие в торговле между населением Восточной Европы и стран Востока. В качестве такого посредника автор выделяет Хазарский каганат и территории, находящиеся вблизи от него. В качестве главного фактора поступления восточного импорта в прикамско-приуральский регион В.В. Кропоткин называет торговый фактор.

¹ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. - Вып. Е 4-4. - М., 1962. – 93 с.

² Кропоткин В.В. Византийский сосуд из Южного Приуралья // Славяно-русские древности. - М., 1962. – С. 65 - 67; Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. - Т. IX.- М., 1971. – 76 – 96.

³ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. - М., 1967. – 135 с.

Решение вопроса о причинах и факторах поступления восточного импорта на Урал, привело к разнице во мнениях. Так, К.В. Тревер полагала, что этот процесс непосредственно связан с развитием торговых отношений государств Ближнего Востока с Волжской Болгарией.¹ В.Н. Чернецов и О.Н. Бадер связывали начало притока восточного импорта на Урал с разного рода контактами (торговыми и пр.) финно-угорских племен.²

Таким образом, в период с 30-х до конца 60-х гг. XX в. востоковедами, археологами и нумизматами в научный оборот был введен материал, характеризующий экономические и культурные взаимоотношения между странами Востока и Восточной Европы. Так географическая атрибуция восточной керамики позволила установить те страны, которые являлись участниками торговых и культурных контактов эпохи раннего средневековья. Хронологическая атрибуция – выявила периоды зарождения и активизации связей со странами Востока. Топография кладов и находок позволила наметить основные направления торговых путей.

2) В 70-е – 80-е годы XX вв. появляется много специальной литературы, по отдельным вопросам, рассматриваемой проблемы: работы В.Ю. Лещенко, В.П. Даркевича, Б.И. Маршака, К.В. Тревер, В.Г. Луконина и многих других ученых, касающиеся истории культурных связей и, прежде всего, торговых водных и сухопутных путей. Продолжается источниковедческая работа в области определения хронологической и географической атрибуции восточной посуды, поскольку, с того момента, как были изданы монументальные труды Я.И. Смирнова, и И.А. Орбели и К.В. Тревер, коллекции музеев пополнились новыми находками, многократно увеличился сравнительный материал в других областях художественного ремесла и в нумизматике. В этой связи проблемы атрибуции восточного импорта по-прежнему вызывали разногласия. И если вопросы хронологии и места производства сасанидской и византийской посуды

¹ Тревер К.В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. - М. - Л., 1937. – 41 с.

² Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. - 1. - М. - Л., 1937. – С. 113 - 134; Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье // На Западном Урале. - Пермь, 1952. – 186 – 191.

были решены, то вопросы относительно времени и места производства сосудов постсасанидского периода оставался открытым.

Большая заслуга в разработке этого направления принадлежит Б.И. Маршаку, который на основе типологического анализа, из всей массы материала VI – IX вв. выделил несколько художественных школ в рамках согдийского производства серебряных изделий.¹ А поскольку до того момента пока ещё не были достаточно хорошо разработаны методы исследования торевтики, позволяющие определить наиболее точную хронологическую и географическую атрибуцию, то большое значение Б.И. Маршак уделял именно методике работы.

Работу по атрибуции восточного импорта продолжил В.П. Даркевич, который нашел в классификации Б.И. Маршака определённые недостатки, и разработал свою классификацию памятников восточной торевтики, изготовленной за пределами Сасанидского Ирана.² Помимо проблемы классификации, в своей работе В.П. Даркевич раскрыл вопросы о времени, путях и причинах поступления восточного художественного импорта в районы Прикамья, Южного Приуралья и Западной Сибири. На основе составленной классификации, В.П. Даркевич выделил основные этапы в истории связей Восточной Европы со странами Ближнего Востока в период с VIII по XIII вв. Появление восточного импорта на территории Восточной Европы, и на Урале, в частности, связывал с торговлей, которая велась в рамках Волжско-Каспийской системы. Правда В.П. Даркевич отрицал прямые торговые связи, и говорил о поэтапной торговле, а основным посредником в ней видел хазар.

Поскольку типологии восточных сосудов В.П. Даркевича и Б.И. Маршака более детально будут рассматриваться в основной части работы, автор оставляет за собой право не останавливаться на них подробно в настоящем разделе.

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. - М., 1971. – 191 с.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. - М., 1976. – 198 с.

В этот период продолжалась работа по исследованию и установлению достоверности собственно сасанидских художественных изделий и монет.¹ В своей работе К. В. Тревер и В.Г. Луконин подвергли анализу серебряные сасанидские сосуды, входившие в коллекцию государственного Эрмитажа. Авторы подробно изучили сюжеты на сосудах, в результате чего выделили основные этапы в развитии сасанидского искусства. Большое значение имел технический и технологический анализ предметов коллекции, который проводился «как часть общей программы исследования сасанидских памятников крупнейших музеев мира и были опубликованы П. Мейерсом в монографии “*Silvei Vessels of the Sasanian Period*”».² Ещё одной заслугой монографии К.В. Тревер и В.Г. Луконина является публикация полного каталога сасанидских изделий, найденных на территории восточной Европы. Большое значение в работе имело изучение надписей на сасанидских сосудах. В результате анализа надписей, произведенного исследователями, было выявлено, что все они были сделаны за пределами хронологического и географического диапазона сасанидской Персии, что позволяет нам сделать соответствующие выводы относительно времени, обстоятельств и факторов поступления сасанидских сосудов в прикамско-приуральский регион.

Своего рода обобщением всех исследований по проблеме восточного импорта на Урале стало диссертационное исследование В.Ю. Лещенко.³ В работе В.Ю. Лещенко был проанализирован и разделён на основные хронологические группы вещевой состав кладов; была прослежена связь между кладами и древними поселениями по материалам полевого обследования в Верхнем и Среднем Прикамье; были освещены вопросы использования серебряной импортной утвари на Урале; рассматривалось происхождение и датировка привозных серебряных изделий, а также хронология, пути и причи-

¹ Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III – V вв. Очерки по истории культуры. - М., 1969. – 240 с.; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание государственного Эрмитажа: Художественная культура Ирана III – VIII вв. - М., 1987. – 155 с.

² Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа: Художественная культура Ирана III – VIII веков. - М., 1987. - С. 8.

³ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1971. – 22 с.

ны их поступления в регион. В процессе поступления восточной торевтики в Прикамье В.Ю. Лещенко выделил два этапа: конец VII – VIII вв и IX – X вв. В первый период поступления действовал торговый путь из Средней Азии в Волжскую Болгарию через плато Усть-Урт и Прикаспийскую низменность в низовья Волги, а затем – вверх по Каме. Во второй период поступления действовал сухопутный торговый путь из Хорезма в Волжскую Болгарию через плато Усть-Урт, через казахстанские, оренбургские и башкирские степи. Посредником в торговле, по мнению В.Ю. Лещенко, выступала Волжская Болгария, а главной артерией поступления импорта в Прикамье являлась Кама.

Византийской и Сасанидской торевтике на Урале посвящена работа Т. Ноонана.¹ В ней автор проанализировал составы кладов, содержащих византийский и сасанидский импорт, и рассмотрел ряд вопросов с ним связанных. В частности, Т. Ноонан рассмотрел вопрос о времени и обстоятельствах поступления торевтики в регион, акцентируя внимание на её поэтапном проникновении. Так же в работе были рассмотрены вопросы о путях, по которым торевтика поступала на Каму и посредниках, участвовавших в этом процессе. В работе автор также приводит сводную таблицу всех находок восточной торевтики, которые были сделаны на территории бывшего СССР. Ещё одна работа Т. Ноонана посвящена хорезмийским находкам в составе кладов, найденных на Урале, где автор также рассматривает вопросы о времени, путях и обстоятельствах её проникновения.²

Таким образом, можно отметить, что в период до 90-х гг. были заложены основы для изучения истории культурных и экономических отношений прикамско-приуральского населения со странами Востока в раннем средневековье, что стало возможным благодаря хронологическому и географическому атрибутированию, и разработанной классификации восточных сосу-

¹ TH. S. Noonan Russia, the Near East, and the Steppe in the early medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Otto Harrassowitz. - Wiesbaden, 1982, II. P. 269 – 302/

² TH. S. Noonan Khwarazmian coins of the eighth century from Eastern Europe: the post – sasanian interlude in the relations between Central Asia and European Russia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Otto Harrassowitz. - Wiesbaden, 1985 (1987), IV. – P. 243 – 257.

дов. Это также позволило обозначить и раскрыть проблемы культурного и экономического контактирования в сасанидский и постсасанидский период в контексте посреднической торговли.

1.3. Изучение восточной торевтики в Прикамье и Приуралье на современном этапе (начало 90-х гг. XX в. – до настоящего времени).

В 90-х гг. XX в. исследователи продолжали интересоваться проблемой восточного импорта на Урале. В этой связи, можно отметить публикацию В.Ю. Морозова «Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье»¹. Основной акцент в статье автор ставит на изучение сасанидских монет, раскрывая вопросы о времени, путях и обстоятельствах их поступления в Прикамско-Приуральский регион.

Византийскому импорту на Южном Урале посвятили свою публикацию Е.А. Круглов и М.Ф. Обыдённов.² В работе авторы рассматривают вопрос об особенностях торговой политики Византийской империи, и пытаются выявить обстоятельства появления византийских художественных изделий в Приуралье. Более широкий хронологический диапазон имеет ещё одна работа Е.А. Круглова и М.Ф. Обыдённова «Урал и антично-византийская цивилизация», в которой авторы раскрывают проблему торговых и культурных контактов античных и византийских государств с населением Урала с VI в. до н.э. по VIII в. н.э.³

Восточному серебру на Урале посвящена глава в научно-популярной книге М.Ф. Обыдённова и Е.А. Круглова «Сокровища и клады восточной России».⁴ В работе в популярной форме были изложены основные моменты, посвященные вопросу обстоятельств нахождения кладов, их количеству, и составу.

¹ Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. - Самара, 1996. – 148 – 164.

² Круглов Е.А., Обыдённов М.Ф. Византийский импорт в Приуралье // Вестник Башкирского университета. - Уфа, 1996. - № 1. – С. 52 – 62.

³ Круглов Е.А. Обыдённов М.Ф. Урал и антично-византийская цивилизация. - Уфа, 1998. – 34 с.

⁴ Обыдённов М.Ф., Круглов Е.А. Сокровища и клады Восточной России. - Уфа, 1998. – 113 с.

Основная проблема, которая решалась (и решалась не безуспешно) предшествующими исследователями, это проблема времени и путей поступления сасанидского серебра в Прикамье и Приуралье. И для XIX – первой половины XX вв. такой подход был вполне оправданным, поскольку сама идея этнической принадлежности археологических культур региона эпохи средневековья находилась тогда еще в самом начале своей разработки. Однако в последней четверти XX столетия вопрос о связях предметов сасанидского импорта с этнокультурной картой региона был поставлен: Р.Д. Голдиной, которая рассматривает клады, содержащие сасанидские и византийские сосуды и монеты, как одну из составляющих материальной культуры племен ломоватовской культуры Верхнего и Среднего Прикамья.¹

В контексте этнокультурных и экономических связей чепецкого населения в раннем средневековье рассматривает проблему восточного импорта А.Г. Иванов.² Вновь возвращаясь к проблеме восточной торевтики, автор изучил состав некоторых кладов, найденных в Прикамье, и определил хронологию и пути их распространения в регионе. Свои исследования А.Г. Иванов строил на фоне исторических процессов, происходивших в Восточной Европе в раннем средневековье. Более подробно концептуальные позиции работ Р.Д. Голдиной и А.Г. Иванова будут приведены в тексте исследования, поэтому автор оставляет за собой право не останавливаться на них в данном разделе.

Таким образом, можно отметить, что в современной историографии вопросы этнокультурного контактирования продолжают свое развитие. Кроме того, необходимо отметить, что за последнее время коллекция произведений восточных сосудов пополнилась еще одним экземпляром. Так, в 1989 г. в Березовском районе Пермского края при исследовании Верх-Саинского могильника был обнаружен серебряный сосуд, который представлял собой ча-

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 118 - 120.

² Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. - Ижевск, 1997. – С. 49 – 62.

шу, изготовленную из тонкого металла. И.Ю. Пастушенко датирует чашу второй половиной VII – началом VIII вв., и отнес ее к хорезмийской художественной традиции.¹

Последним по времени исследованием кладов восточного (византийского) импорта в Прикамье является глава из монографии Р.Д. Голдиной, И.Ю. Пастушенко и Е.М. Черных, посвященной комплексу археологических памятников – могильник, поселение и серия кладов первой половины VII в. – у с. Бартым на р. Сылве. Анализ находок из местонахождений сосудов и монет, открытых случайно в течение 1925 – 1957 гг. позволил авторам конкретизировать датировку бартымской стадии неволинской культуры и обозначить наиболее вероятный путь поступления изделий восточного импорта в Прикамье.²

Таким образом, к настоящему времени в науке накоплен и введен в научный оборот фактический материал, позволяющий ставить и решать новые проблемы, относительно проблемы восточной торевтики на Урале, используя современные методологические подходы.

Исследователи, занимавшиеся, историей восточных сосудов на Урале, рассматривали их, как правило, вне общего контекста формирования и развития материальной культуры населения региона во второй половине I тыс. н.э. Кроме, пожалуй, Р.Д. Голдиной, которая в одной из своих работ коснулась факта присутствия восточной посуды среди ломоватовских древностей.³

Вместе с тем, необходимо отметить, что хронология средневековых древностей региона и нюансы его этнокультурной истории тесно связаны (и определяются) появлением и распространением здесь и других образцов торевтики (хронологически синхронным восточным сосудам), среди которых,

¹ Пастушенко И.Ю. Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2011. - №1 (14). - С. 100 // Эл. ресурс http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a14/98-102.pdf.

² Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. - Т. 13. - Ижевск-Пермь, 2011. - С. 120 - 147.

³ Голдина Р.Д. Ломоватоская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 118 - 122.

по частоте встречаемости, и широте распространения и выразительности на первом месте стоят наборные пояса.

Как наиболее распространенная, и выразительная категория материальной культуры населения региона в рассматриваемый период, пояса тоже являются объектом анализа исследователей, но который имеет, уже, свою историографию. Исходя из этого тезиса в историографии периода 30-х – 80-х гг. XX в. можно выделить еще одно направление. И наиболее важным в этом направлении является вопрос выделения типологии металлических поясных украшений середины – второй половины I тыс. н.э.

Первый опыт типологического описания поясной гарнитуры Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. н.э. был предпринят В.Б. Ковалевской в 1972 г. на материалах могильников с территории современного Башкортостана. Основная задача, которую ставила перед собой исследовательница, заключалась в выявлении аналогий деталям поясной гарнитуры с территории Башкортостана, уточнении их хронологии и установлении направлений торговых связей средневекового населения региона.¹ Всего исследовательницей были проанализированы 770 экземпляров деталей поясных наборов, происходящих из комплексов, датированных периодом с IV по IX вв. н.э. Из приводимой автором статистики следует, что 20,5 % рассматриваемого материала происходили из комплексов IV – V вв.; 57,7% – из комплексов VI – VII вв. и 19,6% – из комплексов VIII – IX вв. То есть, исходя из существующей на сегодняшний день номенклатуры археологических культур Южного Приуралья, абсолютное большинство рассматриваемого материала происходит из памятников бахмутинской и кушнаренковской культур. Сравнивая поясную гарнитуру с территории Башкортостана с аналогичными изделиями из других памятников Евразии, В.Б. Ковалевская пришла к выводу о правомерности хронологического определения тех археологических комплексов, из которых происходит рассматриваемый ею материал. Другая

¹ Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV – IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии древней истории угров. - М., 1972. - С. 95 - 118.

задача, которую решала исследовательница в рассматриваемой работе, заключалась в выявлении связей средневекового населения Башкортостана с сопредельными территориями. Подсчитывая процент аналогий пряжкам, автор выяснила, что данная территория в IV – V вв. была связана с сармато-аланским миром Северного Причерноморья. В VI – VII картина меняется в сторону усиления связей с Северным Кавказом, на втором месте оказывается Поволжье. Направление этих связей с запада на восток, т.е. на территорию Башкортостана пряжки попадали с юго-запада, и затем часть их проникала дальше на восток – в Казахстан и Сибирь. В VIII – IX вв., по мнению автора, связи с более удаленными территориями заменяются связями с более близкими – Средним Поволжьем и Прикамьем. Причем третий из выделенных хронологических периодов, как считает В.Б. Ковалевская, знаменуется усилением тюркского влияния на характер материальной культуры средневекового населения Башкортостана.

В рассматриваемой статье В.Б. Ковалевская не излагала принципы типологии деталей средневековой поясной гарнитуры, отсылая читателя к подготовленным ею двум томам свода археологических источников «Поясные наборы Евразии IV – IX вв.», первый из которых увидел свет в 1979 г.¹

Основную цель своей работы автор сформулировала так: «описать и систематизировать весь доступный нам материал так, чтобы при дальнейших исследованиях эта классификация могла быть дополнена без ломки, и на основании сравнения с изданным материалом можно было бы определить каждую вновь выявленную деталь поясного набора».² В.Б. Ковалевской был предложен принцип отбора морфологических признаков артефакта, которые должны: 1 – постоянно присутствовать в исследуемой группе; 2 – желательно быть мерными; 3 – определяться через процент предметов, обладающих этим признаком; 4 – наблюдаться непосредственно; 5 – комплекс признаков, варь-

¹ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки // САИ. - Вып. Е1-2. - М., 1979. – 112 с.

² Там же. - С. 9.

ирующих как единое целое, должен рассматриваться в качестве одного признака.¹

При характеристике такой категории поясной гарнитуры, как пряжки, исследовательница выделяет три обязательных элемента – рамку, язычок и щиток для прикрепления пряжки к ремню. Именно эти элементы и выступают в качестве основных типологических признаков пряжек: по форме рамки все исследуемые пряжки делятся на отделы; по форме (внешнему контуру) щитка внутри отделов выделяются типы; по орнаментации (заполнению внутреннего пространства щитка) – подтипы.²

Следуя предложенным классификационным принципам, В.Б. Ковалевская все исследуемые пряжки разбивает на семь отделов (по форме рамки) – круглые и сегментовидные, овальные, лировидные, подтреугольные, В-образные, прямоугольнорамчатые и трапециевидные – каждый из которых по ряду дополнительных признаков (сечение, пропорции) делится на 3–4 варианта.

По форме щитка отделы разбиваются на типы (их исследовательница выделяет 46), главным признаком которых является оформление задней части щитка. Таких признаков также выделено восемь: щиток заканчивается острием, «бородкой», прямоугольным выступом, двумя стилизованными птичьими головками, двумя округлыми выступами, трилистником, фигурным вырезом, одной птичьей головкой.³

С учетом того, что в работе В.Б. Ковалевской рассматривается материал примерно из 800 могильных комплексов, охватывающих территорию от Алтая и Средней Азии до Крыма, возможным было бы ожидать, что разработанная ею типология будет распространена и на материал с других территорий Евразии, в частности, Прикамья, планомерные археологические исследо-

¹ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки // САИ. - Вып. Е1-2. - М., 1979. – 112 с.

² Там же. - С. 10.

³ Там же. - С. 9.

вания которого были начаты Р.Д. Голдиной в конце 1960-х годов. И в целом эти ожидания оправдываются.

Приступая к классификации вещевого материала ломоватовских могильников, исследовательница предлагает общую классификационную схему основными звеньями которой, являются *категории вещей*, выделенные по назначению вещи, *группы вещей*, выделенные по материалу и технике изготовления, *отделы, типы и подтипы*, выделенные по форме вещи и ее отдельным деталям.¹ То есть, здесь налицо те же классификационные принципы, что и у В.Б. Ковалевской.

Если исходить из предлагаемой Р.Д. Голдиной классификационной номенклатуры, то детали поясной гарнитуры должны составлять особую категорию вещей, имеющих свое конкретное назначение. Внутри этой категории должны выделяться группы пряжек накладок и наконечников, изготовленных из различных материалов (в реальной археологической ситуации это может быть золото, серебро, бронза, железо или кость), и в различной технике (вещь составная или цельнолитая). Соответственно, отделы, типы и подтипы должны разделяться по форме предмета и его деталям. Вместе с тем, Р.Д. Голдина отмечает, что «в некоторых случаях обособление отделов производилось по технике изготовления или способу крепления предмета».²

Как следует из дальнейшего содержания рассматриваемой работы, к таким случаям относится типология и классификация поясной гарнитуры. Судя по всему, обнаруженные в ломоватовских погребениях детали поясной гарнитуры отнесены автором к категории «украшения». В принципе, это вполне логично, хотя и не бесспорно, поскольку сам по себе пояс в традиционной культуре прикамско-приуральских народов имеет в большей степени сугубо утилитарную функцию.

Следующее разделение деталей поясной гарнитуры – пряжки, накладки, наконечники – с точки зрения формального подхода к разработанной

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 34.

² Там же. - С. 34.

Р.Д. Голдиной классификационной номенклатуре, требует хотя бы небольшого пояснения. По своему функциональному назначению пряжки, накладки и наконечники ремней – три особых категории артефактов, каждая из которых выполняет свою особую функцию в оформлении пояса, как детали костюмного ансамбля. А по материалу и технике изготовления (бронзовое литье) все они относятся к одной таксономической группе.

Сама исследовательница, приступая к классификации поясных пряжек из ломоватовских комплексов, определяет их как «категорию предметов».¹ Соответственно, поскольку все они изготовлены из бронзы, такая таксономическая единица, как «группа» в типологии пряжек ею опущена.

Пряжки разделены на пять отделов, таксономическими признаками которых, является техника изготовления пряжки и способ соединения ее с ремнем. По этим признакам в *отдел А* – выделены «трехсоставные харинские пряжки с округлым, иногда чуть приплюснутым, свободно вращающимся кольцом, как правило, намного превышающим ширину пластины и нависающим язычком»; *отдел Б* – составляют «цельнолитые пряжки с плоской задней пластиной, прикреплявшейся к рамке при помощи штифтов»; *отдел В* – «пряжки с плоской задней пластиной и шарнирным соединением ее с кольцом. Пластина крепится к ремню с помощью штифтов»; *отдел Г* – «цельнолитые восьмеркообразные пряжки»; *отдел Д* – «Рамчатые. Ремень привязывался к кольцу».² Внутри отделов пряжки разделены на типы и подтипы по признакам, большей частью, имеющим сугубо индивидуальные для каждого отдела характеристики. Так, пряжки отделов А и В разделены на четыре и пять типов, соответственно, по форме пластин (щитков), с помощью которых они прикреплялись к ремню. Пряжки отделов Г и Д разделены, соответственно, на шесть и четыре типа по форме рамки (кольца) – приемника.

С типологией поясных накладок в рассматриваемой работе не все ясно. Все они почему-то отнесены к «отделу А. Прямоугольные», внутри которого

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 37.

² Там же. - С. 37 - 40.

по форме изделия выделены 36 типов, среди которых к, собственно, прямоугольным относятся накладки типов 1, 2б, 4, 5 и 6 (составляющие в общей сложности 164 экз. или 18,6% от общего количества исследуемых накладок). Все остальные представляют собой накладки самых различных форм, от полуовальных до Ж-образных, Х-образных, сердцевидных, коньковых и др.¹

Аналогичным образом Р.Д. Голдина типологизирует наконечники ремней, разделив их на три отдела по характеру крепления к ремню (пластины, зажимающие ремень с двух сторон – отдел I, односторонних пластин с закругленным концом – отдел II и пластины с петлями на оборотной стороне – отдел III). Каждый из отделов, в свою очередь, по характеру внешнего оформления делится на типы, от 1 (наконечники отдела III) до 7 (отдел II).²

Разработанные Р.Д. Голдиной принципы типологии и классификации вещевого инвентаря, были применены ею и В.А. Кананиным для классификации средневековых древностей Верхнего Прикамья VI – XIV вв. (ломоватовской и родановской культур).³ Здесь поясная гарнитура – пряжки, накладки и наконечники ремней – так же разделяется на отделы, типы и подтипы.

Изменена так же номенклатура типологии наконечников ремней: отделы получают буквенную индексацию (а, б, в ...), наконечники отдела Б представлены тремя типами (не учтены наконечники с изображением сцены охоты на лося – тип 4 в ломоватовских комплексах и наконечники с растительными узорами (тип 5). Вместо ломоватовских отдела 3 (пластины с петлями на оборотной стороне) фигурируют наконечники отдела В (шарнирные, без орнамента).⁴

Как и в рассмотренной выше работе, детальная типологизация вещевого комплекса верхнекамских памятников осуществлялась с целью «дополнить и развить предшествующие хронологические схемы и выявить составляющие

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 40-42.

² Там же. - С. 42 и сл.

³ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. - Свердловск, 1989. - С. 65 - 66.

⁴ Там же. - С. 65.

компоненты новых хронологических групп».¹ Следуя периодизации ломоватовской культуры, верхнекамские археологические комплексы исследователи разделяют на четыре стадии: харинскую, агафоновскую, деменковскую и урьинскую, охватывающие период с VI по IX вв. н.э. Из предметов поясной гарнитуры к харинской стадии исследователи относят «пряжки, как правило, средних размеров с выступающей иглой; пояса с крупными прямоугольными накладками и пластинчатыми наконечниками с утолщением»; к агафоновской – «различные варианты геральдических и гладких вытянутых накладок, лировидные пряжки с В-образным приемником»; к деменковской – «крупные цельнолитые пряжки с округлой или приостренной пластиной, различные варианты прямоугольных, полуовальных, калачевидных, Ж-образных, круглых накладок, тройчаток, плоских гладких наконечников ремней с фигурными задним концом или краями»; урьинская – «цельнолитые пряжки с длинной, иногда орнаментированной пластиной и овальным кольцом, а также восьмеркообразные пряжки, литые прямоугольные, с приостренным концом и геометрическим орнаментом, наконечники ремней; часто встречаемые различные варианты накладок «салтовского типа»: с кольцом, с изображением личины, с изображением головы медведя, с изображением голов лошадей, орнаментированные, с шарнирным соединением и другие».²

Таким образом, мы видим, что и здесь типология предметов поясной гарнитуры, выступая как один из этапов источниковедческого анализа археологического материала, в дальнейшей работе над материалом уступает место чисто визуальным характеристикам, более доступным для восприятия.

Точно по тем же принципам, осуществлялась типология и классификация предметов поясной гарнитуры из могильников неволинской культуры в Приуралье. Правда, здесь исследователи вводят новые параметры для типологической характеристики поясных пряжек. Так, отделы выделяются по

¹ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. - Свердловск, 1989. - С. 82.

² Там же. - С. 82 - 87.

технике изготовления пряжки и способу соединения ее с ремнем, типы и подтипы – по форме пластин (щитков), варианты – по размерам пряжек.¹

Неволинская культура не тождественна ломоватовской, поэтому вполне естественно, что ассортимент типов вещей (в нашем случае – поясной гарнитуры) у них не совпадают. Поясные накладки неволинской культуры по сравнению с ломоватовскими накладками обнаруживают большее типологическое разнообразие.

Естественно, что и в этом случае детальная типология вещевого инвентаря (и поясной гарнитуры – в частности) призвана способствовать разработке хронологии неволинской культуры. Датированные аналогии погребальному инвентарю позволили исследователям в истории неволинской культуры выделить пять хронологических стадий, охватывающих период с конца IV по 1-ю половину IX вв. В материале каждой из этих стадий конечно же присутствуют предметы поясной гарнитуры.

Разработанная и используемая исследователем типологическая номенклатура поясной гарнитуры средневековых культур Прикамья носит в основном источниковедческий характер и используется, главным образом, как инструмент для описания исходного материала.

Иные методические принципы типологии поясной гарнитуры из средневековых памятников Среднего Поволжья и Южного Приуралья применяет А.В. Богачев. Рассматривая существующие схемы и подходы к типологизации археологического материала и, в частности, подход Р.Д. Голдиной, исследователь определяет предложенную ею классификацию поясной гарнитуры как «иерархическую», основанную на выделении какого-то одного группобразующего признака, из которого «вытекают» все последующие признаки по принципу взаимного соподчинения. По его мнению, такая классификация хорошо приспособлена для упорядочения массового материала, но недо-

¹ Голдина Р.Д., Водолаго В.А. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990. - С. 78, и сл.

статочна для решения конкретных познавательных задач, в частности – для датировки археологического материала.¹

Сам А.В. Богачев при разработке своей классификационной схемы средневековой поясной гарнитуры Поволжья и Приуралья применяет «горизонтальную шкалу «равнозначных» аналитических признаков», принципы разработки которой были предложены В.Б. Ковалевской.²

Для классификации предметов поясной гарнитуры исследователь предлагает коды, состоящие из ряда «равноценных» признаков. Для пряжек таких признаков автор учитывает 10, для поясных накладок – 9, для наконечников ремней – 7. Признаки эти отражают практически все визуально фиксируемые характеристики изделия: форму, контур рамки, ее сечение, форму контура щитка, способ его соединения с рамкой, способ крепления щитка к ремню, форму язычка, технологические элементы отделки декора, элементы орнамента и технику его нанесения, материал изготовления – для рамок; форму поперечного сечения, способ крепления к ремню, технику нанесения орнамента, его элементы – для поясных накладок; тоже самое – для наконечников ремней.³

В итоге исследователю удалось выявить шесть хронологических групп пряжек, и по три хронологические группы поясных накладок и наконечников ремней. Различия между хронологическими группами изделий заключаются, как показывает исследователь, в количественной вариативности тех или иных признаков. Следуя традициям Волго-Камской средневековой археологии, А.В. Богачев обозначает хронологические этапы по названиям памятников, четко локализуемых в определенных хронологических рамках: 1 – тезиковский; 2 – федоровский; 3 – тураевский; 4 – новоселковский; 5 – зиновьевский; 6 – брусянский.⁴ То есть, по нашему представлению, следует от об-

¹ Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV – VIII вв. Среднего Поволжья). - Самара, 1992. - С. 75.

² Там же. - С. 76 и сл.

³ Там же. - С. 77 - 97.

⁴ Там же. - С. 146.

ратного: датирует не памятник, по наличию в нем вещевых признаков того или иного хронологического периода, а определяет дату существования той или иной хронологической группы по степени ее присутствия в памятнике.

В качестве эталонной шкалы для определения абсолютной хронологии поясной гарнитуры среднего Поволжья и Приуралья исследователь использует хронологическую систему верхнекамских материалов, разработанную Р.Д. Голдиной. В соответствии с этой системой хронологические этапы средневожской поясной гарнитуры синхронизируются с хронологическими стадиями ломоватовской культуры: федоровский и тураевский – с харинской стадией; новоселковский и зинovieвский – с агафоновской; брусянский – с деменковской.¹

И уже совсем на ином таксономическом уровне классифицирует пояса населения Верхнего Прикамья VII – XI вв. (ломоватовской культуры) Н.Б. Крыласова. Прежде всего, исследовательница разделяет их по половому признаку на две группы – мужские и женские. Внутри каждой группы она выделяет по пять типов поясов, различающихся между собой по набору деталей поясной гарнитуры. Мужские пояса типа I имеют только бронзовую пряжку; типа II – пряжку и наконечник; типа III – пряжку и небольшое количество накладок; типа IV – без пряжки, но с небольшим количеством накладок; типа V – наборные пояса.² По приводимой Н.Б. Крыласовой статистике, пояса встречены в 75,5% мужских погребений ломоватовской культуры, среди которых абсолютно преобладают погребения с поясами III, IV и I типов (соответственно, 24%, 23% и 17,5%).³

Аналогичным образом исследовательница типологизирует женские пояса, также разделяя их на пять типов: тип I – с бронзовой пряжкой; тип II – без пряжки, но с концевыми украшениями; тип III – без пряжки, украшенные несколькими накладками спереди; тип IV – с пряжкой и несколькими

¹ Богачев А.В. Процедура-методические аспекты археологического датирования... - С. 158.

² Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. - Пермь, 2001. - С. 89.

³ Там же. - С. 89.

накладками спереди; тип V – наборные пояса.¹ По данным, приводимым Н.Б. Крыласовой, пояса встречены в 61,8% женских погребений ломоватовской культуры. Преобладают среди них погребения с поясами III, V и I типов (соответственно, 20%, 18,7% и 12,2%).

По мнению исследовательницы, основное отличие женских поясов от мужских заключалось в том, что женские пояса чаще дополнялись привесками. Автор выделяет четыре типа женских поясов с привесками: тип I – наборный пояс с пряжкой и наконечником, к которому прикреплены 12 – 16 кожаных привесок, украшенных накладками-тройчатками, Ж-образными или прямоугольными накладками (т.н. пояса неволинского типа); тип II – пояса с привесками в виде узких кожаных ремешков с накладками; тип III – пояса с привесками в виде узких кожаных ремешков, свисающих в виде бахромы; тип IV – ремешки-привески в виде низок бронзовых бус и пронизок. По приведенным Н.Б. Крыласовой данным, абсолютно преобладают пояса с привесками IV и II типов (соответственно, 67,8% и 22,1% погребений с женскими поясами).²

В целом, за все время изучения материальной культуры средневекового населения Южного Урала и Прикамья в целом, и восточной серебряной посуды в отдельности, был накоплен огромный фактический материал, и создана обширная теоретико-методологическая база. И на сегодняшний день представляется вполне возможным аргументировано проследить процесс становления и развития материальной культуры прикамско-приуральского населения в период раннего средневековья (конец VI – первая половина IX вв.) и выявить особенности его культурных связей и военно-политической истории.

¹ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма... - С. 95 и сл.

² Крыласова Н.Б. История прикамского костюма... - С. 96 и сл.

ГЛАВА II. КАТЕГОРИИ И ТИПЫ ВОСТОЧНОЙ ТОРЕВТИКИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Публикации, анализу и классификации восточного импорта посвящено немало исследований¹, в большинстве из которых, первостепенное значение имели проблемы подлинности, хронологической и географической атрибуции, а также проблемы культурной преемственности, если говорить о Евразии эпохи средневековья в целом. Занимаясь изучением среднеазиатских сосудов, Б.И. Маршак говорил, что «нет другого вида источников, который показывал бы с такой очевидностью удивительную цельность, можно даже сказать, компактность средневекового мира от Западной Европы до Китая и от Прикамья до Индии».² Но значение восточной торевтики как исторического источника этим не ограничивается. И, прежде всего, велико оно для реконструкции этнокультурных и этнополитических процессов, происходивших в Прикамско-Приуральском регионе в эпоху раннего средневековья – территории массового средоточения восточной торевтики. Как показывают многолетние исследования, изучаемая категория вещей являлась неременным атрибутом материальной культуры местного населения на протяжении нескольких столетий, в силу чего нельзя не предположить наличие тесных и многоплановых связей населения региона со средневековыми культурными центрами Евразии. Предположение это хорошо иллюстрируется не только восточными сосудами, его дополняет ряд категорий материальной культуры прикамско-приуральского населения – поясная гарнитура, женские украшения костюма, принадлежности конской сбруи, которые выглядят как «южные». Обращает на себя внимание то, что при достаточно постоянном, стандартном наборе вещей – пояса, конская сбруя, восточные сосуды, их внеш-

¹ Подробную библиографию см.: Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - С. 189-197.

² Маршак Б.И. История восточной торевтики VII – IX вв. и проблемы культурной преемственности: Автореф. дис. ... к.и.н. - М., 1980. - С. 38 - 39.

ний облик и стилистика меняются: до середины VII в. они испытывают на себе влияние Сасанидского Ирана, Византии, Кавказа и Средней Азии, а после середины VIII в. – тяготеют преимущественно к районам Средней Азии и Алтая. Это наводит на мысль о существовании многоплановых и устойчивых связей местного населения с населением этих районов. Соответственно, и, вполне вероятно, что характер этих связей мог ограничиваться не только рамками торгового обмена, и зависел от многих факторов, в том числе и военно-политического. Но какими бы ни были эти связи, бесспорным остается то обстоятельство, что восточная торевтика определяла облик материальной культуры местного населения на протяжении длительного периода времени, и являлась его постоянным атрибутом.

В настоящее время ряд вопросов, связанных с распространением восточной торевтики в Прикамско-Приуральском регионе, представляются вполне решенными. В первую очередь это относится к вопросам хронологизации восточных сосудов, установленной с точностью дат приблизительно в пятьдесят лет (но не для всех сосудов). Как отмечают исследователи, этого вполне достаточно для того, чтобы из всей массы «сасанидского металла» выделить те произведения, которые созданы или за пределами Ирана, или вне периода сасанидской эпохи.¹ Решена и проблема географической атрибуции восточного серебра. Вслед за Я.И. Смирновым, И.А. Орбели, К.В. Тревер, С.П. Толстовым, выделившими в массе сасанидских блюд необычные группы сосудов, Б.И. Маршак и В.П. Даркевич отнесли большую группу памятников торевтики к Средней Азии.² Достаточно хорошо на данный момент разработана типология и хронология металлических украшений костюма (на материалах неволинской и ломоватовской культур Прикамья), которая

¹ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 43.

² Смирнов Я.И. Восточное серебро. - СПб, 1909. - 18 с.; Тревер К.В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. - М.-Л. - 41 с., 1937; Orbeli I. Sasanian and Early Islamic Metalwork // A Survey of Persian Art, 1938. - V.1. - 716 - 770; Толстов С.П. Монеты шахов древнего Хорезма // ВДИ. - 1938. - № 4. - С. 36 - 48; Маршак Б.И. Согдийское серебро. - М. 1971. - 191 с.; Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - 198 с.

вполне может быть применима к материалам синхронным им кушнаренковской и караякуповской культур Южного Приуралья.¹

Поэтому в контексте проблем культурно-экономических и военно-политических связей населения Южного Урала и Прикамья с Югом, важное значение приобретают вопросы о том, когда, почему и при каких обстоятельствах восточный импорт начинает поступать на Урал. В настоящей главе основное внимание будет уделено статистике и географии распространения образцов восточной торевтики в регионе, а также выявлению удельного веса импортных артефактов в комплексе материальной культуры населения Южного Урала и Прикамья середины – второй половины I тыс. н.э., с целью реконструкции направлений и путей поступления произведений восточного декоративно-прикладного искусства.

2.1. Восточные сосуды

Прежде чем приступить к статистико-географическому анализу материала, рассмотрим ассортимент образцов восточной торевтики в их хронологическом и географическом контексте. По имеющимся в данное время материалам на Урале выделяются несколько географических и хронологических пластов восточных сосудов III – IX вв., найденных в виде кладов и отдельных предметов, в том числе и в составе погребальных комплексов.

Первый пласт составляют образцы собственно сасанидских изделий (IV – VII вв. н.э.), то есть тех произведений ремесленного мастерства, которые были созданы в Иране с III по VII вв. н.э. – в период правления династии Сасанидов. На территории Прикамья и Южного Приуралья произведения иранских мастеров представлены чашами, блюдами и кувшинами, для сюжетов которых характерна строго каноничная композиция при ограниченном (стандартном) наборе сюжетов – сцены царской охоты, инкарнации зоро-

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. – 280 с.; Голдина Р.Д., Водолога Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990. – 176 с.

астрийских божеств, изображение царя на троне, а также сюжеты, посвященные основным праздникам зороастрийцев.

Если говорить об искусстве Сасанидов в целом, то здесь выделяют три темы, между которыми, в сущности, нет строгого разграничения. Это государственно – прокламативная тема, которая отразилась, главным образом в скальных рельефах, геммах и монетах, где основной акцент ставился на иконографии, так называемого «официального портрета». К этой теме примыкает религиозно-прокламативная, с характерными для нее антропоморфными изображениями («официальных портретов») зороастрийских божеств – Ахура Мазды, Митры и Анахиты. Эти памятники – по большей части рельефы, оборотные стороны монет и геммы – призваны были отражать божественную сущность власти Сасанидов, а основным сюжетом была сцена «божественной» инвеституры – передача шаханшаху символа власти Ахура Маздой, Митрой или Анахитой. Третья тема – это тема зороастрийской символики. В иконографию вводятся изображения зороастрийских божеств низшего ранга, в основном это иконографии спутника Митры, бога победы Веритрагны в виде кабана, коня, птицы, льва, Сенмурва.

Сасанидские сосуды также в значительной степени находились в сфере официального, прокламативного искусства и в сюжетах, изображавшихся на ней, отразились все эти темы. В процессе развития сасанидской торевтики исследователи выделяют несколько этапов – начальную стадию; сосуды с охотничьим сюжетом, разделяя их на четыре стадии – III – IV вв.; IV – конец V вв.; конец V вв.; конец V – VI вв.; конец VI – VII вв.; и сосуды с религиозными и благопожелательными сюжетами.¹ В этих памятниках сасанидского искусства были отражены политические и идеологические воззрения, характерные для того или иного отрезка времени. На территории Прикамья и Южного Урала сасанидские блюда представлены в Керчевском (Приложение 3, рис. 6), Климовском (приложение 3, рис. 10, 11), Нижнешахаровском (При-

¹ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 47 - 104.

ложение 3, рис. 3, 4), Турушевском (Приложение 3, рис. 13), Уфимском (Приложение 3, рис. 17), Куриловском (Приложение 3, рис. 2), Квацпелеевском (Приложение 3, рис. 8), Вереинском (Приложение 3, рис. 1), и другихкладах, и единичными находками, большая часть которых хранится в коллекции Эрмитажа, а также несколько блюд, найденных на территории современного Башкортостана и известных нам, прежде всего, по сообщениям, но настоящее место нахождения которых неизвестно – это находки у д. Асламбаево Аургазинского района, пос. Алкино Чишминского района, д. Аненково Покровского района¹. Всего на территории Прикамья и Южного Приуралья известно 29 пунктов произведений декоративного искусства, изготовленных в период правления династии сасанидов (III – первая половина VII вв.).

К группе блюд, изготовленных в Иране в сасанидское время тесно примыкают, так называемые, сосуды, выполненные в сасанидских традициях конца VII – первой половины VIII вв. н.э.² К. Эрдман, изучив сасанидские блюда с охотничьими сюжетами, пришел к выводу о том, что блюда III – IV вв. копировались торевтами VI – VII вв., а мастера VIII в. обращались к сасанидским прототипам.³ По мнению В.П. Даркевича, после завоевания арабами Ирана, население страны продолжало следовать зороастрийским традициям вплоть до середины VIII в., и ни политические, ни религиозные изменения не отразились в искусстве Ирана в течение этого периода.⁴ Этому способствовало то обстоятельство, что при Омейядах произошло ослабление связей между областями Ирана, и если придворное искусство шаханшахов прекращает свое существование, то, напротив, мастерские периферийных районов активизируются. Одним из таких районов являлся Фарс – родина сасанидского официального портрета и место, население которого после арабского завоевания продолжало оставаться зороастрийским. Именно с этой об-

¹ Вошинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI-VII вв. н.э. // СА. - 1953. - № 17. - С. 183 - 196; Noonan Th. Russia, the Near East, and the Steppe in the early medieval period: an examination of the Sasanian and Bizantine finds from the Kama-Urals area // Archivum Eurasiae Medii Aevi. - Wiesbaden, 1982. - VII. - P. 248 - 196.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М. 1976. - С. 63 - 142.

³ Erdman K. Die sasanidischen Jagdschalen // Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, 1936.

⁴ Даркевич В.П. Художественный металл... - С. 63, и сл.

ластью В.П. Даркевич связывает блюда VII – VIII вв. из д. Аниковской (Приложение 3, рис. 15), д. Мальцева, д. Луковки, блюда с из Турушевского (Приложение 3, рис. 14) клада и из Оренбургской губернии. Б.И. Маршак так же относит к концу VII – началу VIII вв. блюдо со сценой пира из д. Луковки Пермской губернии и связывает его с Тохаристаном.¹ Еще раз проанализировав блюда с сюжетами царской охоты из д. Аниковской и Мальцевского клада, К.В. Тревер и В.Г. Луконин не нашли на них заведомо поздних черт, и констатировали, что на этих памятниках «изображены подлинные детали сасанидской эпохи», и датировали блюда первой половиной VII в.² К началу – середине VII в. исследователи относят блюда с изображением Бахрам Гура и Азадэ из Турушевского клада (Приложение 3, рис. 14) и единичной находки из Оренбургской губернии.³

В качестве производственных центров торевтики, выполненной в сасанидских традициях, В.П. Даркевич выделяет Прикаспийские провинции Ирана – Гилян и Табаристан (Мазандаран) – области, занимающие «после Урала первое место по числу находок сасанидского серебра».⁴ Благодаря своему географическому расположению и культурной принадлежности населения, в декоративно-прикладном искусстве здесь сохранялись сасанидские традиции вплоть до VIII – IX вв. Именно к этим областям исследователь относит производство оношатского, комаровского и мальцевского блюд, датированных им VIII в. Приблизительно этой же датировки блюд – VII – VIII вв. – придерживаются К.В. Тревер и В.Г. Луконин не определив их географическую атрибуцию.⁵

Таким образом, на территории Прикамья и Приуралья выделяется еще один пласт (главным образом хронологический) восточной торевтики, исходным пунктом которой являлись, прежде всего, Прикаспийские провинции

¹ Маршак Б.И. История восточной торевтики III – XI вв. и проблемы культурной преемственности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1980. - С. 23.

² Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 79.

³ Там же. - С. 75-76.

⁴ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М. 1976. - С. 6.

⁵ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 118 - 119.

Ирана VII – VIII вв. Это блюдо с изображением царя на тахте и музыкантов, найденной у д. Луковка Пермской губернии; блюдо с изображением львицы и львят у воды около дерева из Онашатского клада; блюдо с изображением быка и льва, найденное у с. Комарово и, блюдо с изображением газели из Мальцевского клада.

Следующий пласт представлен образцами декоративно-прикладного искусства VI – IX вв., которые мы, принимая предложение В.П. Даркевича, будем называть «среднеазиатским серебром», поскольку до настоящего момента среди исследователей не существует общего мнения относительно точной географической атрибуции отдельных сосудов (либо группы сосудов). В отличие от сасанидского искусства, искусство Средней Азии не монументально, здесь мы не встречаем официальных портретов и, так называемых «дворцовых» сцен. Вместе с тем, искусство Средней Азии в этот период несет в себе оттенок эклектики – при абсолютной доминанте сасанидских традиций, здесь, по мнению Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпеля, Б.И. Маршака, В.И. Распоповой и других исследователей, отчетливо прослеживается и влияние изобразительного искусства тюркских степей, а также Танского Китая и Византии. Причину этого исследователи видят в расположении среднеазиатских ремесленно-художественных центров на Великом шелковом пути, одним из узловых пунктов на котором являлись Согд, Хорезм, Хорасан и др.

Что касается среднеазиатских сосудов на Урале, то здесь они представлены блюдами, чашами, кувшинами и кружками с кольцевидными ручками, украшенными изображениями горных козлов с шарфами на шее, крылатых верблюдов, и дополненные растительным орнаментом.

Здесь уместно вспомнить о типологиях среднеазиатской торевтики, разработанных исследователями, опиравшихся на принцип «художественных школ» (Б.И. Маршак), территориально-хронологический (В.П. Даркевич) или территориально-графический принципы (Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель).

Достаточно детально разработана типология среднеазиатских сосудов Б.И. Маршаком.¹ В ее основе лежит принцип «художественных школ». На основе сходства с керамикой Согда, подражавшей металлу, исследователь выделил обширную категорию «согдийского серебра», и разделил его на три художественные «школы», укладываемые в хронологические рамки VI – IX вв., и условно обозначенные им как школы «А», «В» и «С», эволюционные ряды которых строятся по малозаметным приемам исполнения. По мнению Б.И. Маршака, «сходство как в малозаметных приемах выполнения, которые передаются от учителя к ученику, так и в деталях, и в целых образах уже достаточно надежно позволяет относить вещи к произведениям мастеров с традицией, восходящей к общим учителям, то есть, мастеров одной школы».²

Сосуды школы А (VII – IX вв.) представлены блюдами и чашами украшенными типично сасанидскими сюжетами в обрамлении растительного орнамента. А по определению самого исследователя, «многие существенные черты школы А восходят к искусству Ирана VII в.», а также перекликаются с монументальным искусством Согда.³ Сложение школы А автор объясняет иранской миграцией в Мавераннахр и далее на Восток после арабского завоевания Ирана, а обилие сасанидских черт, свойственных школе А, появляется в VII в. как непосредственное воздействие искусства Ирана.

К школе В (VI – IX вв.) относятся блюда и чаши на ножках, кувшины с геометрическим орнаментом (на раннем этапе VI в.), а позже – с медальонами, заполненными фигурами зверей в обрамлении геометрического орнамента. Сосуды этой школы в гораздо меньшей степени подверглась влиянию сасанидского искусства, чем школа А, посредством которой это влияние и происходило. Автор уверенно локализует школу В в Согде и соседних с ним районах. Кроме того, в период с VII по IX вв. наблюдается связь этой школы

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. - М., 1971. – С. 191 с.

² Там же. - С. 17.

³ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. - М., 1971. - С. 39 - 41.

с искусством степных кочевников. Так, по мнению исследователей, для периода конца VI – VII вв., характерно сходство орнаментов торевтики с контурами «геральдических» щитков пряжек и бляшек тюркских поясных наборов из могильника Кудыргэ, а начиная с конца VII в., и на протяжении VIII в. в моду входят фестончатые очертания поясных украшений, напоминающие контур щитков ручек на кружках поздних этапов.¹

К школе С (VII – IX вв.) автор относит кружки или чашки с плоскими ручками, украшенные растительным орнаментом и зооморфными изображениями. Б.И. Маршак наблюдает тесные связи этой школы с Китаем. «Лучшие изделия школы С, наименее похожие на вещи школы А, могут быть отнесены к Восточному Туркестану или Востоку Средней Азии, так как эти изделия связаны как со школой В, так и с Китаем. Они отличны от китайских по манере исполнения и, часто, по формам, но по нескольким мотивам орнамента, находят место в хронологических рядах танского серебра. Ответвление этой школы связаны с искусством степных народов».²

Каждая из этих школ в своем развитии проходит 3 – 4 хронологических этапа с VI по IX вв. Самой ранней из них (по Б.И. Маршаку) является школа В, зародившаяся в VI в. н.э., тогда как становление и расцвет школ А и С приходится на VII – IX вв.

Классификация торевтики, произведенная Б.И. Маршаком, несомненно, заслуживает внимания в том плане, что ему удалось по техническим и стилистическим признакам объединить в группы (школы) отдельные сосуды и проследить взаимосвязь между этими группами и декоративно-прикладным искусством соседних районов. Это дает возможность проследить основные тенденции развития той или иной школы и степень влияния на нее искусства соседних регионов. Так, исследователь показал, что торевтика школы А несет в себе черты искусства сасанидского Ирана и Халифата первых веков

¹ Распопова В.И. Поясной набор Согда VII – VIII вв. // СА. - 1965. - № 4. – С. 52 - 64; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.- Л., 1965. - 78; Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. - М., 1971. – С. 176.

² Маршак Б.И. Согдийское серебро... - С. 50.

хиджры; школа В, по Б.И. Маршаку, относится главным образом к Согду и к его соседним районам; школа С связана как со школой В, так и с искусством Китая. Но автору, на наш взгляд, так и не удалось проследить именно согдийское происхождение торевтики этих школ (за исключением школы В). Более того, сам автор признает, что «сравнение с керамикой позволило выделить признаки формы и орнамента, которые были популярны в Согде, но это не все согдийские признаки, а лишь наиболее удобные для гончаров; кроме того, они не всегда исключительно согдийские. Мы реконструировали признаки согдийского серебра, но не узнали, что из серебра, хранящегося в музеях, относится к Согду».¹

В.П. Даркевич, в целом, положительно оценив классификацию Б.И. Маршака, говорит об абсолютизировании последним нескольких признаков, которое «иногда приводит к тому, что в одну группу попадают очень разные по всем другим показателям сосуды, а вся школа, то есть «передача опыта в ремесленной среде», растягивается на четыре века. В истории Средней Азии с VI по IX в., полной войн и политических потрясений, передвижений и смешения разноэтничного населения, в том числе мастеров такая длительная преемственность вряд ли была возможна».²

В.П. Даркевич предлагает свою классификацию среднеазиатской торевтики, которая во многом следует классификации Б.И. Маршака, но несколько отличается от нее по признакам школ и набору вещей в каждой. Одним из критериев данной классификации является орнамент, который образует заметные локальные варианты.

Всю среднеазиатскую торевтику В.П. Даркевич делит на две группы. К первой группе относятся иранские сосуды, выполненные в сасанидских традициях (конец VII – первая половина VIII вв.), о чём было сказано выше. Во вторую группу выделена торевтика Восточного Ирана и Средней Азии, в которой исследователь выявляет хронологические и локальные варианты: Во-

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро... - С. 15.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М., 1976. - С. 62.

сточноиранская (хорасанская) группа (VIII – первая половина IX вв.); Согдийские сосуды; торевтика восточных районов Средней Азии VIII – IX вв.; несторианские блюда Семиречья; Хорезмийские чаши.

К восточноиранской (хорасанской) группе, В.П. Даркевич отнес блюдо из Томызского клада с изображением горного козла с шарфом (Приложение 3, рис. 19); блюдо с изображением льва, когтящего лань из с. Половодово (Приложение 3, рис. 20); блюдо с Сенмурвом, найденное у д. Кытманова; блюдо из Слудского клада с изображением горного козла; два блюда – со сценой охоты и царского пира и кувшин с изображением музыкантш, найденных на территории Прикамья. По классификации Б.И. Маршака, эти произведения декоративно – прикладного искусства относятся к школе А, которая в VII в. работала в Согде, в VIII – IX вв. – в Мерве и других городах Хорасана.¹ Сосуды датированы им VIII – IX вв., что не противоречит датировке этих сосудов В.П. Даркевича, равно как и локализация, поскольку Б.И. Маршак остановился перед среднеазиатско-иранской дилеммой.

Что касается согдийской художественной традиции, то здесь В.П. Даркевич согласен с атрибуцией Б.И. Маршака чаши с джейраном, которую последний датирует VII в. и локализует в Согде.² По аналогиям в живописи Варахша и Пенджикента В.П. Даркевич признает согдийским кувшин с изображением крылатых верблюдов, определив его хронологические рамки в пределах конца VII – первой половины VIII вв.³

Большая группа торевтики была отнесена к Восточным районам Средней Азии и датирована VIII – IX вв. Исследователи выделяют несколько районов, в которых процветала художественная обработка металла и которые не входили в состав халифата и поэтому их искусство, связанное с оседлым тюрко-согдийским населением долго сохраняло доисламские мотивы⁴.

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. - М., 1971. - С. 86, 90.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М., 1976. - С. 85.

³ Там же. – С.85.

⁴ Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. История народов Узбекистана. - Т. I. - Ташкент, 1950. - С. 273.

К Фергано-семиреченской группе (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) В.П. Даркевич отнёс три блюда из Репьевского клада; ведро с восьмилепестковой розеткой на дне, и блюдо с розеткой на дне из Климовского клада; серебряное ведро из Редикорского клада; чаши с изображением розетки из Мартыновского (Приложение 3, рис. 28) и Томызского кладов (Приложение 3, рис. 32); ведро с розеткой на дне из Караевского клада; ведро с изображением цапель и кружка с изображением джейранов и оленей из Афанасьевского клада. Некоторые сосуды из этой группы Б.И. Маршак включил в школу В согдийского серебра, отметив их близость со школой А и датировал второй половиной VIII – IX вв.¹ К фергано-семиреченской традиции относит В.П. Даркевич и производство кружек с растительным орнаментом из Стерлитамакского (Левашовского) могильника, Афанасьевского клада и кружки из Коми-Пермяцкого национального округа.

В отдельную группу торевтики восточных районов Средней Азии вынесены ложчатые кружки и светильники из Турушевского и Томызского (Приложение 3, рис. 24) кладов и светильник из Вятской губернии. В.П. Даркевич наблюдает сходство в форме этих сосудов с танским металлом и относит их к рубежу VIII – IX вв.² Б.И. Маршак выделил эти сосуды в школу С, для которой было характерным сочетание элементов школы В и искусство Китая, на основе чего автор локализовал их в Восточном Туркестане или на востоке Средней Азии и датировал VIII – IX вв.³

Серебряная кружка из Кошелевского клада, и два кувшинчика из Афанасьевского клада «находят свои аналогии в серебряных сосудах из курганов и в изображениях на каменных изваяниях Тувы, Минусинской котловины (Кыргызское государство), Алтая, (Восточнотюркский каганат), Семиречья и Ферганы (Западнотюркский каганат). Синтез тюркских, восточноиранских,

¹ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. - М., 1971. - С. 23 - 26, 44.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М., 1976. - С. 91.

³ Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. - М., 1971. - С. 27; 5 (таблица).

согдийских и танских элементов позволяет отнести данные сосуды к Семиречью – Фергане».¹

К несторианским кругам Семиречья IX – X вв. В.П. Даркевич отнёс Григоровское и Аниковское блюда с евангельскими сценами на одном и с изображением взятия крепости на другом, соответственно.² Впервые среднеазиатское (семиреченское) происхождение Григоровского блюда предположил В.В. Стасов и датировал его XIII – XIV вв.³ Я.И. Смирнов, настаивавший ранее на точке зрения о том, что блюдо это было изготовлено на территории сасанидского Ирана в VI – VII вв. проживавшими там несторианами, впоследствии отверг датировку В.В. Стасова и предложил дату не позднее IX – X вв., не касаясь проблем локализации.⁴

Достаточно обширная группа среднеазиатской торевтики относится к Хорезму. Впервые группа хорезмийских чаш была выделена С.П. Толстовым. В.П. Даркевич признал хорезмийскими чашу с изображением всадника из Шахаровского клада (Приложение 3, рис. 30); чашу с изображением оссуария на львах и две чаши с изображением четырехрукой богини из Бартымского клада; чашу с изображением богини, найденную у д. Ковина; чашу с изображением розетки из Гутовского клада (Приложение 3, рис. 31). Все эти сосуды датированы временем VII – начала VIII вв. Три сосуда хорезмийского производства (чаша из д. Ковина и две чаши из Верхнее – Березовского клада) относятся к концу VI – VII вв.⁵

Приведенные выше точки зрения на географическую и хронологическую атрибуцию произведений восточной торевтики не являются единственными, и здесь необходимо назвать исследователей, работавших в этом направлении – это О.Н. Бадер, А.П. Смирнов, Ю.А. Рапопорт, В.Ю. Лещенко, Г.А. Пугаченкова. Л.Н. Ремпель и др., но исследования их посвящены лишь

¹ Даркевич В.П. *Художественный металл Востока VIII – XIII вв.* ... - С. 91.

² Даркевич В.П. *Художественный металл Востока VIII – XIII вв.* ... - С. 103; Даркевич В.П., Маршак Б.И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // *СА.* - 1974. - № 2. - С. 214 - 219.

³ Стасов В.В. Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа // *ЖМНП*, 1905. - CCCLVII, январь. - С. 54.

⁴ Смирнов Я.И. *Восточное серебро.* - СПб, 1909. - С. 7.

⁵ Даркевич В.П. *Художественный металл Востока VIII – XIII вв.* - М., 1976. - С. 107 - 108.

отдельным находкам и их анализу, без какой-либо систематизации. Поэтому во избежание перегруженности исследования, мы остановимся на упомянутых выше концепциях Б.И. Маршака и В.П. Даркевича, чей подход к проблеме является более конструктивным. В задачи исследования не входит детальный анализ торевтики и, как следствие, проверки той или иной концепции. Как уже было отмечено выше, Б.И. Маршаку не удалось доказать согдийское происхождение торевтики, но им были выделены основные направления – истоки – тех или иных сюжетов и орнаментики. Классификация В.П. Даркевича во многом следует и дополняет типологию Б.И. Маршака, но во многом и расходится с ней. По большей части это касается выделения типологических групп торевтики и локализации их ремесленных центров. В вопросах хронологии исследователи по большей части придерживаются единого мнения. Для нас же исследования Б.И. Маршака и В.П. Даркевича важны тем, что, на основе аналитического изучения, помимо сасанидских сосудов был выделен еще один хронологический и географический пласт торевтики, найденной на Урале – это территория Восточного Ирана и Средней Азии (с ее локальными вариантами) VIII – первой половины IX вв., откуда исходил мощный культурный импульс.

Наконец, особую группу импортной торевтики на Урале составляют произведения византийского декоративно-прикладного искусства VI – VII вв., представленные, главным образом, блюдами, изображения на которых столь разнообразны, что не поддаются сюжетной группировке, за исключением блюд с изображением креста в его различных модификациях (Туршевский, Карасевский, Климовский, Мальцевский, Слудский, Бартымские (1925, 1949 и 1950 гг.) клады – всего 19 предметов).

Таким образом, на Урале выделяются несколько географических и хронологических пластов восточных сосудов, что позволяет наметить основные направления, исходные районы, откуда они могли проникать на исследуемую территорию. Они располагаются следующим образом:

- сасанидская торевтика III – VII вв.;
- византийская торевтика VI – VII вв.;
- торевтика прикаспийских провинций Ирана, выполненная в сасанидских традициях конца VII – первой половины VIII вв.;
- торевтика Восточного Ирана (Хорасан) VIII – первой половины IX вв.;
- среднеазиатская торевтика (согдийская, фергано-семиреченская группы; территории, прилегающие к Западнотюркскому каганату и Восточному Туркестану) VIII – IX вв.

В количественном соотношении этих групп торевтики картина выглядит следующим образом. Из общего количества (115 пунктов) учтенных в работе пунктов находок восточной торевтики на сасанидскую приходится 29 пунктов; византийскую – 19 пунктов; торевтику, изготовленную в восточных провинциях Ирана в постсасанидский период (VII – первая половина IX вв.) – 14 пунктов; среднеазиатскую – 39 пунктов, хорезмийскую торевтику – 9 пунктов. Кроме того, известно пять сосудов, определённых как «сосуды тюркских форм» VIII – IX вв. из Пешнигортского клада; два сосуда, изготовленных в районе современного Афганистана и Северо-Западной Индии в период IV – VI вв.¹

Здесь, во-первых, сразу же обращает на себя внимание синхронность собственно сасанидских и византийских образцов, объясняющаяся, по-видимому, военно-политическими коллизиями в Передней Азии накануне арабского завоевания (ирано-византийские войны и причастность к ним кочевников евразийских степей). Во-вторых, мы наблюдаем количественное преобладание среднеазиатских сосудов и сосудов, происходящих с территории Восточного Ирана VIII – первой половины IX вв., что также может объясняться военно-политической ситуацией, сложившейся в Евразии после арабского завоевания (падение Сасанидского Ирана, усиление Западного

¹ Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. – М., 1976. – С. 22 – 23.

Тюркского каганата и складывание на территории среднего течения р. Белой угро-мадьярского племенного союза (Magna Hungaria по В.А. Иванову конца VII – IX вв.).¹

Обращает на себя внимание и географическое распространение восточных сосудов в пределах рассматриваемого региона. В массе своей они локализируются в Лесном Приуралье на территории Верхнего и Среднего Прикамья (в пределах Кунгурской лесостепной полосы, в районе рек Обвы, Иньвы, а также Вятки и Чепцы). Отдельные находки восточных сосудов известны на территории лесостепной полосы – современного Оренбуржья и Башкортостана (в среднем и верхнем течении р. Белой). Согласно В.Ю. Лещенко, – это вятско – чепецкая, верхнекамская, среднекамская и уфимская группы.² Один клад – Репьевский происходит с территории современного Башкортостана.

Из 52 учтенных в работе пунктов кладов и единичных находок восточной посуды III – IX вв. н.э., большинство локализовано в районе Верхней Камы – 46,5 %; с территории Средней Камы происходит 23,2 % кладов и единичных находок торевтики; территории современного Башкортостана – 13,9 %; 11,05 % – с территории бассейна рек Вятки и Чепцы.

подавляющее большинство восточных сосудов было обнаружено местными жителями в составе кладов, либо в качестве единичных находок случайно, в результате сельскохозяйственных работ. Полевые исследования, проведенные на местности в районе обнаруженных предметов, позволили установить связь между кладами и древними поселениями³. Часть подобных находок были обнаружены непосредственно на древних селищах, городищах, либо в могильниках, часть – находилась вблизи – на расстоянии нескольких сот метров от подобных пунктов. Так, хорезмийская чаша VII – начала VIII вв. была обнаружена на Зародятском селище ломоватовской культуры (VII –

¹ Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. - Уфа, 1999. – С. 12.

² Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (По находкам художественной утвари): Автореф. дис. ... к.и.н. - Л., 1971. - С. 8.

³ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 118; Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (По находкам художественной утвари): Автореф. дис. ... к.и.н. - Л., 1971. - С. 11; Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М., 1976. - С. 23 - 25.

VIII вв.).¹ Вереинский клад находился недалеко от Малышатского городища ломоватовской культуры.² Бартымские находки 1951, 1952 и 1957 гг. с хорезмийскими надписями VIII в. обнаружены в юго-западной части Бартымского I селища неволинской культуры.³ Серебряная хорезмийская чаша была найдена в одном из погребений Верх-Саинского могильника в Березовском районе Пермского края.⁴

Наибольшее количество кладов и единичных находок связано с памятниками родановской археологической культуры. Непосредственно на территории Больше-Аниковского II селища родановской культуры (IX – XI вв.) был обнаружен Аниковский II клад (найден в 1936 г.).⁵ Несколько кладов и единичных находок торевтики были обнаружены на некотором расстоянии от таких памятников родановской культуры, как Плотниковские I и II селища (Климовский клад), Редикорское городище и Горбуновское селища (Редикорский клад), Больше-Аниковское III селище (Больше-Аниковский I клад 1909 г.), Пешнигортское II селище (Пешнигортский клад), с городищем родановской культуры также связывают клад, обнаруженный у с. Слудка.⁶ Одна хорезмийская чаша была обнаружена в погребении Верх – Саинского могильника в Березовском районе Пермского края.⁷

Картографирование находок восточной торевтики показывает, что большая часть их локализуется на территории распространения ломоватовской (главным образом, ее агафоновской, деменковской и урынской стадиях VI – IX вв.) и родановской (IX – XI вв.) культур, о чем также говорят приведенные выше данные о связях между кладами и поселениями этих культур

¹ Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. – Казань, 1959 – Вып. 2. - С. 19.

² Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. ... - С. 11; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 122 - 126.

³ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников... - С. 128.

⁴ Пастушенко И.Ю. Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника [Электронный ресурс] / И.Ю. Пастушенко // Вестник археологии, антропологии, этнографии. Электрон. дан. - 2011. - №1(14). - С. 98-102 // Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a14/98-102.pdf.

⁵ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 126.

⁶ Даркевич В.П. Художественный металл Востока ... - С. 19, 23, 25; Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII-XIII вв. ... - С. 11; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро ... - С. 122 - 126.

⁷ Пастушенко И.Ю. Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника // Вестник Археологии, антропологии, этнографии... - С. 98.

(19 пунктов от общего количества учтенных в работе кладов). Это Слудский, Гутовский, Климовский, Мальцевский, Редикорский, Аниковский I, Аниаовский II, Мартыновский, Афанасьевский, Томызский, Вереинский клады, и единичные находки, обнаруженные у с. Ковина, п. Стан, с. Половодово, с. Григорово, с. Кайгородское, с. Керчева и с. Квацпилеево. Большую часть кладов, обнаруженных в Верхнем Прикамье, В.Ю. Лещенко связывает с населением, оставившем памятники родановской археологической культуры (IX – XV вв.).¹

Часть кладов (Бартымские 1951, 1952 и 1957 гг.) В.Ю. Лещенко связывает с памятниками IX – XI сылвенской культуры.² Что, в общем-то, не соответствует взглядам современных исследователей средневековых памятников Прикамья, которые связывают эти находки с памятниками неволинского времени VII – IX вв.³

С территории населенной некогда племенами – носителями неволинской археологической культуры происходят, помимо уже названного Бартымского, Шахаровский, Кошелевский, Вереинский, Мальцевский клады, а также единичные находки, обнаруженные у с. Камарово, д. Ковина, д. Оношат, с. Курилова, с. Стрелки.

На территории современного Башкортостана – в среднем течении р. Белой было обнаружено шесть пунктов кладов и единичны находок, которые можно связать с племенами – носителями кушнаренковской и караякуповской археологических культур. Одна из таких находок – среднеазиатская кружка конца VIII – начала IX вв. происходит из разрушенного во время строительных работ Левашовского (Стерлитамакского) могильника VIII – начала IX вв. караякуповской археологической культуры.⁴ Уфимский клад, обнаруженный в центре г. Уфы в 1941 г., содержал два блюда первой поло-

¹ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (По находкам художественной утвари): Автореф. дис. ... к.и.н. - Л., 1971. - С. 11.

² Там же. - С. 12.

³ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников... - С. 129.

⁴ Ахмеров Р.Б. Могильник близ Стерлитамака // СА. - 1955 - XXII. - С. 159, 164 - 166.

вины VII в. и VII – VIII вв.¹ Исследователи связывают клад с обнаруженными недалеко от места находки уфимскими погребениями турбаслинской археологической культуры V – VII вв.² Но это вряд ли возможно, поскольку это мнение основывалось на неправильной датировке (началом VII в.) чаши с изображением орла и газели, которая впоследствии К.В. Тревер и В.Г. Лукониным была датирована VII – VIII вв.³ Учитывая эту датировку можно предположить, что клад был зарыт не ранее конца VII – начала VIII вв. – т.е. время существования на этих территориях племен кушнаренковской культуры. Кроме этих находок, на территории Башкортостана известны Аврюзтамакский клад (VIII – IX вв.) и единичные находки, обнаруженные у с. Алкино Чишминского района, д. Асламбаева Аургазинского района и д. Анненково Покровского района.

В бассейне р. Вятка и Чепца – территории распространения полемско-чепецкой археологической культуры V – XIII вв. было обнаружено три клада – Ягошурский, Седьярский и Чуринский.

Таким образом, археологически, на территории Прикамья и Южного Приуралья выделяются несколько крупных культурных массивов неизменным атрибутом материальной культуры которых на протяжении нескольких веков являются восточные сосуды – это ломоватовская, родановская, неволинская, кушнаренковская и караякуповская археологические культуры.

Вопрос о времени проникновения восточных сосудов в регион ставился исследователями неоднократно. Определение начального периода поступления серебряного импорта на Урал основано на датировках монетных и монетно-вещевых кладов. Первоначально исследователи соотносили время чеканки монет и изготовления сосудов со временем проникновения их в Уральский регион, и, как следствие, делали вывод о начале тесных торговых контактов между населением Прикамья со странами Передней Азии, в период

¹ Воцинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VII – VIII вв. // СА. - 1953. - XVII. - С. 183 - 184.

² Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV – VII н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. - М., 1970. - С. 186-187.

³ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 109, 116.

правления династии Сасанидов – III – VII вв. (Теплоухов, Бадер О.Н., Смирнов А.П., Воцинина, Кропоткин и др.). Несколько иной подход к определению начального периода поступления серебряного импорта на Урал принял В.Ю. Лещенко, анализ торевтики которого основывается на «датировках монетных и монетно-вещевых кладов, а также учете конкретных исторических событий в Восточной Европе и на Среднем Востоке».¹ В.Ю. Лещенко показал, что серебряный импорт с Востока начал поступать едва ли ранее конца VII в., а основная его часть относится к IX – XI вв., а «установление топографической связи между кладами и поселениями в Прикамье позволило указать на поступление серебряного импорта в начале к ломоватовскому населению VII – VIII вв., а в IX в. и позже – к родановскому и сылвенскому населению».² Таким образом, начало притока восточного серебра в Прикамье датировано В.Ю.Лещенко концом VII – VIII вв. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи.³

А.Г. Иванов провел детальный анализ монетно-вещевых кладов, содержащих в себе восточные сосуды и монеты и определил раннюю дату проникновения серебра второй половиной VII в., хотя допустил, что «отдельное поступление восточного импорта могли начаться раньше и могли быть связаны с процессом продвижения пришлых племен в V – VI вв. в Прикамье (харинские памятники)».⁴

Р.Д. Голдина, И.Ю. Пастушенко и Е.М. Черных в поступлении восточного импорта в Прикамский регион выделяют три этапа: первый – вторая четверть VII в, второй – начало VIII в., третий – середина VIII в.⁵ Но в целом, практически все исследователи сходятся в том, что начало проникновения восточного импорта в регион относят не ранее чем к середине – концу VII в.

¹ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII-XIII вв. (По находкам художественной утвари): Автореф. дис. ... к.и.н. - Л., 1971. - С. 18.

² Там же. - С. 12.

³ См.: Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. - М., 1976. - С. 147; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 119.

⁴ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V-первая половина XIII вв.). - Ижевск, 1998. - С. 49 - 52.

⁵ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. – Бартымский комплекс памятников... - С. 141.

Несколько иначе начало этого процесса определил американский исследователь Т. Ноонан. Основываясь на том, что большая часть находок сасанидских монет датируется VI – первой половиной VII в., исследователь пришел к заключению, что сасанидские монеты впервые появляются в Европейской России в самом начале VI в. Более того, поскольку самые поздние сасанидские монеты относятся ко времени Хосрова II (590–628), очевидно, что их поток прекратился уже в конце первой половины VII в. Кроме того, исследовав находки византийских монет в Приуралье, а также сасанидские и византийские сосуды, исследователь сделал вывод об их совместном, вместе с сасанидскими монетами поступлении в регион, и выдвинул предположение о том, что концентрация их на Урале говорит о существовании каких-то отношений между Прикамьем и землями, лежащими к югу от него, которые развивались в период между 500 и 650 гг., и что эти связи кажутся наиболее активными в VI – первой половине VII вв.¹

В.Ю. Морозов начало поступления сасанидских монет относит к концу V – VII вв., разделяя тем не менее пути и время проникновения сасанидских монет и восточных сосудов.² Начало поступления византийского импорта исследователи из Башкортостана М.Ф. Обыденнов и Е.А. Круглов относят к VI в.³

Таким образом, на современном этапе практически все исследователи сходятся в одном – восточные сосуды начинают проникать в регион не позднее VII в., причем допускается и более раннее (начало VI в.) начало их поступления.

¹ Noonan Th. Russia, the Near East, and the Steppe in the early medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. - Wiesbaden, 1982. - VII. - P. 271 - 274.

² Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественного импорта в Поволжье и Прикамье // *КЕС*. - Самара, 1996. - С. 148 - 149.

³ Круглов Е.А., Обыденнов М.Ф. Византийский импорт в Приуралье // *ВБУ*. - Уфа, 1996. - № 1. - С. 67 - 69.

2.2. Категории и типы металлических украшений в памятниках материальной культуры средневекового населения Прикамья и Южного Приуралья

Основная масса находок восточных сосудов локализуется на территории, заселенной некогда племенами-носителями кушнаренковской и караякуповской археологических культур (территория современного Башкортостана в районе среднего течения р. Белой), неволинской (Среднее Прикамье) и ломоватовской культур (Верхнее Прикамье), и частично, на территории полемско-чепецкой археологической культуры. Поэтому основные выводы будут основываться на материалах погребальных комплексов перечисленных культур, характерной и наиболее устойчивой категорией которых являются предметы убранства костюма главным образом, поясная гарнитура. Эта категория вещей является маркирующим элементом материальной культуры прикамско – приуральского населения VI – IX вв. и сохраняется на протяжении всего его существования в регионе. Но, несмотря на такую устойчивость, элементы, определяющие её внешний – поясные накладки, наконечники, пряжки, височные подвески, принадлежности конского снаряжения неоднократно менялись на указанном отрезке времени, причем каждый из этих элементов имел далекие друг от друга истоки, выявление которых позволит нам наметить основные направления связей прикамско-приуральского населения.

Памятники кушнаренковской и караякуповской археологических культур в свое время были исследованы и опубликованы Г.И. Матвеевой, Н.А. Мажитовым, А.Х. Пшеничнюком и др. Наиболее показательными памятниками кушнаренковской культуры являются Манякский могильник, Новобиккинский курган, ранние курганы Лагереvского могильника (конец VI – VII вв.). Для караякуповской культуры – это Ямаши-Тауские, Хусаиновские, поздние I и II Бекешевские, Лагереvские курганы, Стерлитамакский (Лева-

шовский) могильник и др. (вторая половина VIII – середина IX вв.).¹ Для памятников неволинской археологической культуры, расположенной в Сылвенско-Иренском поречье Кунгурской лесостепной полосы наиболее яркими памятниками являются Неволинский, Бродовский, Бартымский, Верх-Саинский, Калашниковский и другие курганные и бескурганные могильники, исследованные В.А. Обориным, О.Н. Бадером, Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго и др.² Типичными памятниками, с интересующей нас категорией вещей ломоватовской археологической культуры являются Аверинский II, Агафоновский, Деменковский, Урынский, Харинский и другие могильники, исследованные В.А. Обориным, В.Ф. Генингом, Р.Д. Голдиной, В.А. Кананиным и др.³

Конец VI – первая половина VIII вв. характеризуется в Прикамье и Южном Приуралье как время распространения кушнаренковской археологической культуры в нижнем течении р. Белой (Манякский могильник, Новобиккинский курган, часть Лагеревских курганов); в Среднем Прикамье – неволинской культуры в ее бартымской стадии развития (VI – VII вв.) и частично неволинской стадии (конец VII – VIII вв.), с наиболее характерными для них Бартымским, Неволинским, Бродовским и Верх-Саинским могильниками. В Верхнем Прикамье в этот период продолжает развиваться ломоватовская археологическая культура в ее агафоновской (конец VI – VII вв.) и частично деменковской (конец VII – VIII вв.) стадиях, наиболее ярко представленная в Агафоновском I, Аверинском II, Грудятском, Кудымкарском, Деменковском, Телячий Брод, Харинском и др. могильниках.

Характерным признаком материальной культуры памятников является «геральдическая» поясная гарнитура, принадлежности конской сбруи, ранее в Уральском регионе не известные (например, стремяна 8 -образного типа или удила с S-видными и стержневыми псалиями) и использование сасанид-

¹ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VII – XII вв. - М., 1981. - С. 5 - 130.

² Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990.

³ Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. - 1970. - Вып. 9. - С. 30 - 56; Голдина Р.Д. Могильники VII – IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. - 1970. - Вып. 9. - С. 57 - 113; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985 и др.

ских монет в качестве деталей украшений, а также использование трубчатых и зооморфных пронизок, как местной (прикамский) вариант украшения поясов. Необходимо отметить, что местные прикамско-приуральские наборные пояса развивались в русле общеевразийской моды и, очевидно, часть их могла быть привозной. В настоящее время достаточно трудно проследить, какие из элементов поясного набора (пряжки, накладки, наконечники) являются привозными, а какие – местными их репликами, но проследить направления связей с основными центрами, откуда черпалась сама идея этих украшений, мы можем.

Погребения курганных могильников кушнареновской археологической культуры дошли до нас в полуразрушенном состоянии и, как следствие, содержащийся в них материал предстает представлен не полно, поэтому у нас нет возможности представить детально то, как выглядел пояс кушнареновцев, – в погребениях обнаружены лишь отдельные детали поясного набора геральдического типа.

В наиболее полном виде наборные пояса сохранились в памятниках ломоватовской и неволинской археологических культур. По данным Н.Б. Крыласовой, элементы пояса встречены в 90% мужских погребений и 85% женских.¹ Р.Д. Голдина для памятников ломоватовской и неволинской археологических культур выделила четыре типа поясов: агафоновский, неволинский, тюркско-аварский и салтовский. Для хронологического промежутка конца VI – VII вв. – агафоновской стадии ломоватовской и бартымской стадии неволинской культур, наиболее характерными являются пояса «агафоновского» типа, наиболее ранние «... среди перечисленных – отличаются присутствием геральдических мотивов в оформлении металлической гарнитуры. Они встречаются как в мужских (8 случаев), так и в женских (7 могил) и детских (2) захоронениях. Пояса представляют собой длинный кожаный ремень шириной 2 см, сплошь украшенный различными геральдическими

¹ Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья: Дис. ... к.и.н. - Уфа, 2000. - С. 120.

накладками. К основному ремню подвешены кожаные привески шириной 1,5 см, также покрытые различными накладками, заканчивающиеся обычно мечеобразными. К поясу подвешены пронизи из различных бронзовых пронизок и железный нож в ножнах».¹

Использование ременных украшений геральдического типа характерно для всех групп населения Южного Приуралья конца VI – VII вв. – кушнаренокской, неволинской и ломоватовской культур. В задачи исследования не входит проведение детального типологического анализа всех видов поясных украшений. Подробная классификация прикамского материала, которая вполне может быть использована для материалов памятников, происходящих с территории Башкортостана, была проведена Р.Д. Голдиной.² Мы отметим лишь наиболее яркие варианты геральдических поясных украшений конца VI – начала VIII вв. н.э. – пряжек, накладок и наконечников.

Пряжки.

I. Цельнолитые пряжки с плоской задней пластиной прямоугольной формы с лировидным кольцом, ложем для иглы и выступами вместе соединения его с пластиной, как правило, изготовленные из серебра, либо бронзы (Приложение 4, табл. 1, 3).

Пряжки этого типа известны в Манякском могильнике (р. I, п. 1) кушнаренокской культуры; Бартымском (п.9, 11, 19), Верх-Саинском (п.83), Бродовском (п. 47), Неволинском (п. 69, 117, 132, 155, 160, 180) могильниках неволинской культуры; Деменковском (уч. 3 – 12) и Агафоновском (п. 4) могильниках ломоватовской культуры³. Для ломоватовской культуры – это памятники агафоновской стадии (конец VI – VII вв.); неволинской культуры – неволинской стадии (конец VII – VIII вв.).

¹ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990. - С. 75.

² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. - С. 34 - 63; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 77 - 88.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VII – XII вв. - М., 1981. - С. 8, рис. 3; 1; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье... - С. 216, т. VIII, рис. 37; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 77 - 88. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 124, т. XXVII, рис. 44.

Подобные пряжки известны из курганов 182 и 369 могильника Алтынасар, джетыасарской культуры Приаралья (Приложение 4, табл. 3, рис. I,1), и датированы VII в.¹

К серии цельнолитых пряжек с плоской задней пластиной и лировидным кольцом относятся пряжки с приостренной сердцевидной пластиной [табл. VIII, 2]. Пряжки происходят из Манякского могильника (п.4, р. II; п.12, р. II) кушнаренковской культуры; Неволинского могильника (п.179, 168, 84, 254) неволинской культуры; Аверинского (п. 163) и Агафоновского (п. 43) могильников ломоватовской культуры; Варнинского могильника полемско-чепецкой культуры гыркесшурской 2-й стадии (VII в.).²

Подобные лировидные пряжки известны из катакомбы № 29 аланского могильника Клинь-Яр III (VII в.), кроме того, встречаются в комплексах второй половины VII – первой половины VIII в. Северного Кавказа.³

Лировидная пряжка со щитком в виде двух узких геральдических щитков, неподвижно соединенных с рамкой из Манякского могильника [табл. VIII, 8] (п. 11, р. II) имеет аналогии среди материалов VI – VII вв. могильников Дюрсо и Чуфут-Кале (VI – VII вв.) в Крыму, Херсонесса, могильника Чир-Юрт (п. 17) на Северном Кавказе.⁴ По данным В.Б. Ковалевской, большинство подобных пряжек происходит с Северного Кавказа и, очевидно, является продукцией северокавказских мастерских VI – VII вв.⁵

К серии цельнолитых относятся пряжки с прямоугольной рамкой и прямоугольной пластиной (Приложение 4, табл. 1, 17); размеры рамки пре-

¹ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. - М., 1996. - С. 85, 254.

² Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 14, рис. 6; 9,18; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 216, табл. VIII, рис. 28, 30, 33; С. - 265; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 124, 168, табл. XXVII, рис. 17, 18, 19, 23; Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). - Ижевск, 1998. - С. 187, рис. 5; 23.

³ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки. - М., 1979. - С. 33, табл. XV, рис. 6; Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 96; Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V – VIII вв. - М., 2000. - С. 139.

⁴ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 14, рис. 6; 22; Ковалевская В.Б. Поясные наборы... - С. 35, табл. XVI; Дмитриев А.Н. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII вв. - М., 1985. - С. 101, рис. 12; 25; Гавригухин И.О., Обломский А.И. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. - М., 1996. - С. 262, рис. 80; 57.

⁵ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии... - С. 35.

вышают размеры пластины. Как правило, пряжки изготовлены из бронзы и серебра. В материалах кушнаренковской культуры подобные пряжки известны из погребений Манякского могильника (п.14, р.І; п.9, р.ІІ) и Ново-Биккинского кургана.¹ В памятниках ломоватовской и неволинской культур подобные пряжки неизвестны. По хронологии Н.А. Мажитова, указанные могильники, содержащие подобные пряжки, относятся к рубежу VII – VIII вв.²

Пряжки подобного типа известны в Крыму, на Северном Кавказе и в Приаралье. Так, подобные пряжки были обнаружены среди находок Кугульских западных склепов VII в., Скалистинского склепа 381 в Крыму, второй половины VII в. (Приложение 4, табл. 3, рис. III, 24).³ Согласно В.Б. Ковалевской, подобные пряжки были широко распространены в Крыму и на Кавказе и датированы VI – VII вв.⁴ На территории Приаралья, в памятниках джетысарской культуры подобные пряжки известны в курганном могильнике Алтынасар (к. 452, 165, 454/1), датированном VII – VIII вв. (Приложение 4, табл. 3, рис. III, 31).⁵

Для «геральдических» ременных гарнитур характерно распространение различных вариаций цельнолитных пряжек с В-образной рамкой и «геральдическим» щитком (Приложение 4, табл. 1: 7; 12; 13]. «Цельнолитные В-образные пряжки со щитовидной обоймой в эпоху раннего средневековья наиболее распространены на юге и востоке Восточной Европы: в Причерноморье, на Кавказе, в Поволжье».⁶

На территории распространения кушнаренковской культуры В-образные пряжки с геральдическими щитками известны в Сынтыштамакском кур-

¹ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VII – XII вв. - М., 1981. - С. 10, рис. 4; 5. – С. 14, рис. 6; 17. - С. 17, рис. 8; 1, 2.

² Там же.

³ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. - М., 1989. - С. 61, 110, рис. 24, 2; Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов. - М., 1985. - С. 167, рис. 1; 1, 2.

⁴ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии... - С. 46, табл. XXI, 22.

⁵ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. - М., 1996. - С. 254, 322.

⁶ Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. - Ижевск, 1999. - С. 160.

гане № 10, Ново-Турбаслинском кургане 10, Ново-Биккинском кургане, Лагереvском кургане 46 (п.2.).¹

Достаточно подробная типология В-образных пряжек, изготовленных вместе с обоймой, была проведена И.О. Гавритухиным.² Исследователем было выделено несколько типов ременных пряжек, внутри которых определены серии основных групп и их дериватов.

Пряжка из Ново-Турбаслинского кургана 10 (п. 1) была отнесена исследователем к типу «Маленькие пряжки с боковыми вырезами на обойме», которые, чаще всего «связывались» с обувью.³ Согласно И.О. Гавритухина «новотурбаслинская» и подобная ей пряжка из Суук-Су (погребение 84), являются дериватами основной серии этого типа пряжек, которая включает в себя находки из Скалистинских склепов (422 и др.), «Баклинский овраг» (склеп 23), разрушенных погребений из Владикавказа и др., а кроме того черноморско-волжской и кавказской серий пряжек с В-образным кольцом с площадкой и выступами в задней части рамки, изготовленных вместе со щитовидной обоймой. Пряжки основной серии этого типа автор датирует началом – серединой VII в., хотя не исключает и удревнения этой даты.⁴ Пряжка же из Ново-Турбаслинского кургана, равно как и весь комплекс находок, по мнению автора «находит наибольшее соответствие в материалах II периода эволюции ременной гарнитуры Поволжья, датируемого около первой половины – середины VII в.»⁵

Пряжка из Сынтыштамакского кургана кушнаренковской культуры отнесена И.О. Гавритухиным к типу «В-образные пряжки без накладок в задней части рамки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой». В рамках этого типа выделены две серии «шиповская» и «скалистинская», датированные второй половиной VI – серединой VII вв. и VI – началом VII вв. соответ-

¹ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 15, рис. 7; 36, 40. - С. 17, рис. 8; 1,4. - С. 23, рис. 11; 10.

² Гавритухин И.О. В-образные пряжки... - С. 185.

³ Гавритухин И.О. В-образные пряжки... - С. 185.

⁴ Там же. - С. 186.

⁵ Гавритухин И.О. В-образные пряжки... - С. 186; Гавритухин И.О., Обломский А.И. Гапоновский клад... - С. 273 - 275.

ственно.¹ Пряжку автор считает характерной для II периода эволюции по-волжской ременной гарнитуры и датирует в рамках начала – середины VII в. По мнению автора, пряжка, возможно, является дериватом как «шиповского», так и «скалистинского» круга.²

К «В-образным пряжкам, изготовленным вместе со щитовидной прорезной обоймой» относится пряжка из Лагеревского кургана № 46 (п.2) кушнареновской культуры (Приложение 4, табл. 1, 13).³ Согласно И.О. Гавритухина, пряжка близка «образцам «безводнинской» линии эволюции дериватов черноморско-волжской серии непрорезных пряжек. Прорези этого экземпляра, по мнению автора напоминают стилистику византийских пряжек, восточноевропейские дериваты которых распространяются со второй половины VII в. На основе непрорезных пряжек без выступов в задней части рамки, довольно многочисленных на Кавказе, сложился вариант «Едыс-Гавазии», встречающийся на компактной территории – в Осетии и Восточной Грузии. Крупные «арочные» прорезы – не редкость для ряда типов геральдических накладок и наконечников, известных на Кавказе...».⁴ Наряду с отмеченными особенностями пряжки, автор определяет и дату всего комплекса Лагеревского кургана 46 в рамках второй половины VII в.

На территории Прикамья в памятниках неволинской и ломоватовской археологических культур известны пряжки, аналогичные трем вышеперечисленным. В Прикамье, у местного населения, знакомого с обработкой металла складывается свой тип поясных украшений в соответствии с вениями общеевразийской моды на пояса с геральдической гарнитурой.

Цельнолитые пряжки с В-образной рамкой и геральдическим щитком в Прикамье известны в Агафоновском могильнике (п. 47, 52) ломоватовской культуры (агафоновская стадия конец VI – VII вв.); Бартымском могильнике

¹ Гавритухин И.О. В-образные пряжки... - С. 189 и сл.

² Там же. - С. 195 - 196.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 23, рис. 11; 10.

⁴ Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой... - С. 183.

(п.19Е) неволинской культуры.¹ И.О. Гавритухин относит пряжки к переработкам черноморско-волжской серии и датирует в пределах середины – второй половины VII в.²

Ременные накладки и наконечники

Пояса «агафоновского» типа, распространенные на территории Прикамья и Южного Приуралья были украшены накладками различных типов. Согласно реконструкции Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго, пояса «агафоновского» типа, были украшены большим количеством полуовальных накладок с расширенным основанием, накладками-псевдопряжками, крупными и якорьковидными с сердцевидным основанием накладками. К основному поясу крепились подвесные ремешки, украшенные Т-образными, Х-образными и ланцетовидными накладками.³

Полуовальные накладки с расширенным основанием (Приложение 4, табл. 1: 16, 22) известны из погребений Манякского могильника (п. 9, р. I; п. 3, р. II; п. 10, р. II), Лагеревских курганов (к. 14, 55; к. 46, п. 2) кушнаренковской культуры; Неволинского (п.13, 31, 188, 196, 212 и др.) и Бартымского (п. 19 Б, 19 В) могильников неволинской культуры Бартымской стадии (конец VI – VII вв); Аверинском (п. 69, 79, 134) и Агафоновском могильниках (п. 3, 4, 13, 42, 47, 73, 75, 168) ломоватовской культуры Агафоновской стадии (конец VI – VII вв.); Варнинского могильника гыркесшурской (гыркесшурской 2-й) стадии (VII в.).⁴

Необходимо отметить, что подобные накладки в большинстве своем гладкие, но также встречаются и накладки, имеющие прорезы (Манякский могильник (п. 9, р. I)) (Приложение 4, табл. 1, 22).

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 216, т. VIII, рис. 27, 45; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 124, т. XXVII, рис. 28.

² Гавритухин И.О. В-образные пряжки... - С. 168, 170.

³ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 141, 142, т. XLIV, рис. 1.

⁴Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 10, рис. 4; 4. - С. 14, рис. 6; 24. - С. 15, рис. 7; 5. - С. 22; рис. 10; 2, 24. С. - 23, рис. 11; 2; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 127, т. XXX, рис. 39; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 219, т. XI, рис. 1; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 187, рис. 5; 30, 31.

Полуовальные накладки с расширенным основанием, имеющие прорези широко распространены на достаточно территориях Восточной Европы и Кавказа (см. Приложение 4, табл. 3, рис III, 1, 7, 9, 22, 23). Подобные накладки происходят из могильников Квемо Алеви (п. 230) и Самтавро (п. 623/47) с территории Современной Грузии; могильников Сексард (п. 605), Кестхей Фенеккпуста (п. II) Карпатской котловины; могильников Эски Кермен, Чуфут-Кале и у г. Керчи в Крыму; погребений из Суаргама в Верхнем Уми (кат. 17), Кугульского западного склепа №, грунтового могильника Чир-юрт на Северном Кавказе (см. Приложение 4, табл. 3).¹ Комплексы находок, содержащие накладки исследователями датированы в пределах конца VI – VII вв.

Наиболее близкие аналогии накладкам с гладкой поверхностью известны из погребений курганов №/№ 83, 454/1, 390, 397 могильника Алтынасар джетыясарской культуры в Приаралье (Приложение 4, табл. 3, рис. I, 33). Л.М. Левина датирует комплексы вещей, содержащие подобные накладки VI – VII (возможно, началом VIII вв.).²

Накладки-псевдопряжки Приложение 4, табл. 1, 15) являются характерным элементом поясных украшений в погребениях кушнаренковской, неволинской, ломоватовкой и полемской археологических культур. Накладки – псевдопряжки происходят из погребений Маняжского (п. 1, 11, р. II) могильника и Лагеревских курганов (к. 29; к. 46, п. 2) кушнаренковской культуры: Верх – Саинского (п. 29, 77), Неволинского (п. 2, 13, 51, 53, 94) могильников неволинской культуры; Агафоновского (п. 1, 13, 41, 42, 47, 50, 80, 97, 105, 125, 126, 169), Аверинского (п. 70, 96а, 134, 139), Висимского, Плесинского могильников ломоватовской культуры; Полемского I и Варнинского могильников полемской культуры.³

¹ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. - М., 1989. - 108 - 109; Гавритухин И.О., Обломский А.И. Гапоновский клад... - С. 257, рис. 75; 77, 80. - С. 261, рис. 79; 89, 34. - С. 262, рис. 80; 26; 36.

² Левина Л.М. Этнокультурная история... - С. 254, 325, рис. 130; 5, 6, 10, 13, 14, 18, 21, 22. - С. 220.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 14, рис. 6; 3, 23. - С. 22, рис. 10; 3. - С. 23, рис. 11; 13, 21; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 128, т. XXX, рис. 44, 45, 48, 49. - С. 169; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 219, т. XI, рис. 29, 30, 31, 32, 33. - С. 267; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 187, рис. 5; 35, 36.

В Прикамско-Приуральских памятниках накладки-псевдопряжки встречаются как без верхней части (памятники кушнаренковской культуры), так и с якорьковидной и сердцевинной верхней частью.

И.О. Гавритухин и А.М. Обломский выделили несколько типов псевдопряжек, имевших обширную территорию распространения от Карпатской котловины до Алтая. Согласно типологии, пряжки, происходящие из погребений вышеперечисленных могильников, отнесены к «Типу 1», вариантам 1а, 1б, 1в., и представляют собой один из локальных вариантов развития накладок-псевдопряжек в общевразийском масштабе.¹

Необходимо отметить, что, несмотря на достаточно обширную территорию распространения накладок-псевдопряжек, имеются лишь единичные случаи находок аналогичных прикамско-приуральским – это могильник Кишкунфельдхаза (Подунавье), и район Новороссийска.²

В настоящее время актуален вопрос о территории формирования моды на псевдопряжки. А.К. Амброз предлагал искать источник среди дальневосточных поясов с ажурными накладками и указывал на то, что псевдопряжек нет ни в византийских памятниках Балканского полуострова, ни в Италии, ни на Черноморском побережье Кавказа или Закавказье, не характерны они и для Крыма и Северного Кавказа.³ И.О. Гавритухин и В.Ю. Малашев обращают внимание на наличие псевдопряжек среди Клин-ярских гарнитур Северного Кавказа, и так же говорят о том, что они необычны для кавказских находок. Авторы считают их более характерными «для степняков и испытавших их влияние народов Поволжья, Сибири, Приаралье, Поднепровья и Карпатской котловины», а распространение их в Европе вслед за А.К. Амброзом связывают с распространением тюркского (тюркютского) влияния.⁴ В

¹ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад... - С. 33 - 35.

² Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад... - С. 55, 227, рис. 48.

³ Амброз А.К. Рец. на: Erdeily I., Ojtozi E., Gening W. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // СА. - 1973. - № 2. - С. 293 - 294; Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи в V – первой половине VII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 17.

⁴ Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. - Самара, 1998. - С. 57 - 58.

связи с тем, что тюркюты утвердились на Кавказе в 570-х гг., северокавказские псевдопряжки авторы датируют последней четвертью VI в.

Согласно хронологии Р.Д. Голдиной, накладки-псевдопряжки характерны для материальной культуры Агафоновской стадии (конец VI – VII вв.) ломоватовской культуры и Бартымской стадии (конец VI – VII вв.) неволинской культуры.

Т-образные накладки (Приложение 4, табл. 1, 14). Накладки этого типа известны в погребениях Манякского могильника (п. 1, р. I; п. 10, р. II) и Лагеревского кургана 46 (п. 2) кушнарниковской культуры; Верх-Саинского (к. 15/2), Неволинского (п. 13, 170, 188, 196, 212, 221, 223) и Бартымского (п. 19В) могильников неволинской культуры; Агафоновского (п. 2, 4, 50) и Аверинского (п. 69) могильников ломоватовской культуры; Поломского I и Варнинского могильников полемской культуры.¹

Все исследователи выделяют среди Т-образных накладок две подгруппы: с геральдической (пламенеvidной) пластиной и с пластиной, имеющую подпрямоугольную или «рогатую» форму. Практически все накладки, известные в погребениях могильников Прикамско-Приуральского региона имеют геральдическую пластину, за исключением находки Т-образной накладки из Красногорского кургана 1 кушнарниковской культуры – с рогатой, имеющей прямые бока пластиной, с двумя отверстиями.² И.О. Гавритухин и А.М. Обломский говорят о ряде своеобразных локальных серий. Согласно авторам, для приуральской серии «характерны гладкие изделия с профилированным щитком, имеющие тенденцию к удлинению узкой перекладки или сращиванию ее концов с краями пластины, последняя иногда украшена прорезьями или вставками». Подобные накладки есть в восточной и центральной части Северного Кавказа (могильник Чир-Юрт, Нальчинский

¹ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 8, рис. 3; 8. - С. 15, рис. 7, 7. - С. 23, рис. 11; 4; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 129, т. XXXI, рис. 50, 51, 52, 53. - С. 169; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 219, т. XI, рис. 39, 40. - С. 267; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 187.

² Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 15, рис. 7; 27.

округ), в Херсонесе на Среднем Дунае, хотя, «что касается аварских находок, то среди непрорезных Т-образных накладок там господствуют своеобразные варианты – с широкой перекладиной и округлым завершением пластины, их форма близка к шикарным литым золотом Т-образным накладкам, украшенным зернью и вставками и прессованным репликам с этих «княжеских» изделий». Различные вариации Т-образных накладок с крупными прорезями и вставками распространены в Крыму и на Северном Кавказе, встречаются они также и в Поочье (Борки, Ундрих) и на Среднем Дунае. «Накладки, напоминающие личину, как справедливо заметила В.Б. Ковалевская, концентрируются в западной части Северного Кавказа, хотя варианты с волнистой прорезью и/или с двумя отверстиями имеют иной ареал – от Дуная до Башкирии, и рассматривать их как производные от кавказских нет жестких оснований».¹

Наиболее близкое сходство Прикамско-Приуральских Т-образных накладок с пламеневидным щитком и гладкой поверхностью обнаруживается с аналогичными накладками, из курганов 454/1 и 397 могильников Алтынасар (4а, 4б, 4е, 4о, 4р), джетыясарской культуры Приаралья (Приложение 4, табл. 3, рис. I, 37).²

Что же касается второй группы Т-образных накладок (группы Б, тип 2 – по И.О. Гавритухину и А.М.Обломскому) – с «рогатой» пластиной, в прикамско-приуральском регионе они отмечены несколькими находками – в Красногорском кургане 1 и Сынтыштамакском кургане кушнаренковской культуры, а также в Урынском кладе (территория распространения ломоватовской культуры).³ Т-образные накладки с «рогатой» пластиной, подобные прикамско-приуральским имеют наиболее близкие аналогии в памятниках Предкавказья и Северного Кавказа (Малаи, Клин Яр) и Преднепровья (Ст.

¹ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 26.

² Левина Л.М. Этнокультурная история... - С. 254, 325, рис. 130; 7, 8, 25, 26.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 15, рис. 7; 21; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 216, рис. 38; 4, 10; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 261, т. LIV, рис. 1.

Кадом)¹. Кроме того, необходимо отметить, что различные варианты этого типа накладок, выделенные И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским, имеют достаточно широкий ареал распространения – Крым, восточная часть Северного Кавказа (аварские территории), Кисловодская котловина, Приаралье, территория Правобережья Средней Волги.²

T-образные накладки являются характерной деталью материальной культуры бартымской стадии неволинской культуры и агафоновской стадии ломоватовской культуры, хронологические рамки которых ограничиваются концом VI – VII вв.³ Накладки этого типа, наряду с другими типами накладок «геральдической» поясной гарнитуры был объединен В.А. Ивановым в КСП – 1 кушнаренковской культуры, датированный концом VI – VII вв.⁴ VII в. датированы А.К.Амброзом погребения могильников Северного Кавказа, содержащие подобные накладки.⁵

Накладки якорьковидные с сердцевидным основанием (Приложение 4, табл.1, 19). Подобные накладки происходят из Манякского могильника (п. 1, р. I, п. 2, р. II), Лагерева курганов (к. 46, п. 2; к. 55) кушнаренковской культуры; Бартымского (п. 9Б, 19Б, 19В), Бродовского (п. 98), Неволинского (п. 13, 41, 57, 188, 196, 202 и др.) могильников неволинской культуры; Агафоновского (п. 1, 4, 42, 47, 48, 50, 73, 76, 92, 105, 156, 164) и Аверинского (п. 54, 69, 134, яма) могильников ломоватовской культуры; Варнинского могильника полемско-чепецкой культуры.⁶ В большинстве своем это накладки либо с гладкой поверхностью, либо имеют несколько круглых отверстий.

¹ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 27 - 28.

² Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 27 - 28, 217, рис. 39.

³ Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 92; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 126 - 128.

⁴ Иванов В.А. Угры-мадьары в Восточной Европе. - Уфа, 1999. - С. 45 - 46.

⁵ Амброс А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. - М., 1989. - С. 108, 109, 112.

⁶ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 14, рис. 6; 6. - С. 15, рис. 7; 24. - С. 22, рис. 10; 23. - С. 23, рис. 11; 3; Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 128, т. XXXI, рис. 38, 47. - С. 169; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 219, т. XI, рис. 25, 26. - С. 267; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 187, рис. 5; 38.

Аналогичные накладки, имеющие прорези различных форм, известны в катакомбных погребениях VII в. в Верхнем Чми и Верхнечирюртовского грунтового могильника 1 на Северном Кавказе (Приложение 4, табл. 3, рис. III, 6, 8).¹ Типологически, наиболее близки Прикамско-Приуральским накладки из курганного могильника Алтынасар (к. 454/1, 276, 83, 369, 397) в Приаралье (Приложение 4, табл. 3, рис. I, 32).² Аналогичная накладка происходит из алтайских материалов (Кудыргэ, п. 5) (Приложение 4, табл. 3, рис. IV, 2).³

К якорьковидным накладкам типологически близки накладки с двурогой верхней частью и бортиком по краю. Р.Д. Голдина определяет их как подтип якорьковидных накладок.⁴ Накладки происходят из Сынтыштамского кургана 10 и Маняжского могильника (п. 9, р. I) кушнаренковской культуры (Приложение 4, табл. 1, 11); Верхсаинского могильника (к. 15/2) неволинской культуры; Аверинского могильника (п. 73, 84, 96а, 100) и Урьинского могиловатовской культуры; Варнинского могильника (п. 552) ломоватской культуры.⁵ Обычно накладки имеют несколько пар круглых прорезей в верхней части, но встречаются и накладки, имеющие полуовальные, либо Т-образные прорези в основании (п. 552 Варнинского могильника, п. 100 Аверинского могильника, Верхне-Саинский курган 15/2).

¹ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа... - С. 108, рис. 22; 56; Магомедов М.Г. Образование хазарского каганата. - М, 1983. - С. 89, рис. 29; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 262, рис. 80; 34.

² Левина Л.М. Этнокультурная история... - С. 325, рис. 130; 2, 4, 9, 12, 19, 20. - С. 254.

³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М. - Л., 1965, таб. XII.

⁴ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 41.

⁵ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 10, рис. 4; 1. - С. 15, рис. 7; 33; Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры... - С. 128, т. XXI, рис. 43; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 219, т. XI, рис. 27, 28. - С. 261; Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника... некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. - Ижевск, 1999. - С. 147, рис. 4; 67.

Похожие накладки известны из погребений VII в. из Суаргома в Верхнем Чми, Кугульского западного склепа № 3, в комплексах Самтавро на Кавказе (Приложение 4, табл. 3, рис. III, 2, 6, 8); среди случайных находок в боспорских склепах; в погребениях могильника Дюрсо.¹ И.О. Гавритухин и А.Г. Иванов эту серию находок, называют «волчихинской».² Для них характерна нижняя пластина «со скругленным или слегка «заостренным» низом, верхней частью с не резко выделенными, как правило, «рогами» и двумя парами округлых отверстий...».³ В рамках этой серии авторы выделяют вариант 1 (основной), который широко распространен на территории Нижней Оки, Прикамья, а также в Казахстане, Западной Сибири и Монголии. Образцы этой серии известны и в погребении 17 могильника Алтынасар (Приложение 4, табл. 3, рис. I, 36, 43).⁴

Образцы второго – «переходного» – варианта, согласно И.О. Гавритухина и А.Г. Иванова, являются локальными переработками причерноморских серий, наиболее ранней из которых является верх – саинская находка, относящаяся к первому горизонту поволжской геральдической гарнитуры (последняя четверть VI – начало VII вв.). Что касается накладок из погребения 552 Варнинского могильника, то они, по мнению исследователей, наиболее близки аверинским и бахмутинским. Находка из Сынтыштамака по очертаниям близка кушнаренковским, но «сумма признаков в большей степени сближает ее с изделиями, относящимися к другому, параллельно развивавшемуся типу, распространенному, в основном, на Северном Кавказе, но встречающемуся в Крыму и Поволжье. Накладка из Маняка также напоминает кушнаренковскую, но имеет черты, типологически сходные с образцами «агафоновской» серии двучастных рогатых накладок. По мнению авторов, это следует расценивать не как свидетельство

¹ Амброз А.К. Хронология древностей... - С. 108, рис. 22; 34. - С. 109, рис. 23; 8; Гавритухин И.О., Обломский А.И. Гапоновский клад... - С. 260 - 261; Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя // МИА. - Л., 1990. - Рис. 1; 47; Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов. - М., 1982. - С. 101, рис. 12; 29.

² Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника... - С. 108.

³ Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника... - С. 108.

⁴ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья... - С. 254, 327, рис. 132; 28.

эволюции накладок «волчихинской» серии в агафоновские: агафоновские пояса отражают переработку нового культурного импульса. А результаты этого синтеза, в свою очередь могут оказывать влияние или подвергаются воздействию более «архаичных» стилей, впрочем, этот процесс не был массовым, именно поэтому подобные вещи редки».¹

Хронологически «...наиболее ранние накладки «волчихинской» серии принадлежат варианту 2 и отражают местные переработки причерноморских образцов в последней трети VI – начале VII вв. В самом конце VI – начале VII вв., на их основе складывается своеобразный волжско-степной вариант 2, эволюционирующий в рамках 1-й половины и середины VII в. С середины VII в. эти вещи вытесняются образцами агафоновской серии и накладками других типов».²

Ланцетовидные (концевые) накладки (Приложение 4, табл. 1, 18). Накладки этого типа происходят из погребений Манякского могильника (п. 25, р. I; п. 12, р. II; п. 2, р. II) кушнаренковской культуры; Неволинского (п. 4, 5, 6, 13, 22, 57, 89, 196, 223 и др.) и Верхсаинского (п. 51, 92, 91, 93 и др.) могильников неволинской культуры; Агафоновского (2, 4, 13, 43, 48, 92, 130 и др.) и Аверинского (п. 54, 69, 149 и др.) могильников ломоватовской культуры; Поломского I могильника полемско-чепецкой культуры.³

Согласно И.О. Гавритухину и А.М. Обломскому, для приуральских памятников и зон, где фиксируются контакты с населением Приуралья, характерна сильная профилированность ланцетовидных концевых накладок. «На аварских памятниках выделяется вариант наконечников без прорезей с очень слабо выраженными фигурными выступами, что имеет соответствия и на востоке Кавказа. Ряд экземпляров с памятников бассейна Оки и суры выделяются дополнительной гравированной орнаментацией, что сближает их с некоторыми

¹ Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника... - С. 109.

² Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника... - С. 109 - 110.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 10, рис. 4; 20 - 22. - С. 14, рис. 6; 19. - С. 15, рис. 7; 21, 22, 23; Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры... - С. 126, табл. XXIX, рис. 10 - 12, 15 - 18. - С. 168; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 218, табл. X, рис. 21 - 25. - С. 266; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 187, рис. 5; 28, 45.

иранскими находками, так же, как и роговидная верхняя часть, встречается как на Оке, так и в Иране и Сирии. Рассматриваемый тип неизвестен на памятниках византийского лимеса, не характерен он и для Крыма».¹ Близкие волго-уральским находкам происходят с памятников Поднепровья (Гапонова и др.), а также памятников Приаралья – джетыясарской культуры (Алтынасар, к. 34. 452, 171 и др.) (Приложение 4, табл. 3, рис. I, 11, 12, 18, 19).²

Анализ деталей поясных наборов «агафоновского» типа показывает, что материальная культура Прикамско-Приуральского населения в конце VI – VII вв. находилась под мощным влиянием юга, главным образом Кавказа, Крыма и смежных с ними районов, а также Приаральских районов Средней Азии. Картографирование памятников, содержащих в себе детали геральдической поясной гарнитуры показывает, что в общевразийском масштабе наиболее отчетливо выделяются три района, где данная категория вещей представлена наиболее массово – это территория лесостепного Приуралья и Прикамья, археологически представленная кушнаренковской, неволинской и полемско – чепецкой культурами территория юга Восточной Европы и Северного Кавказа, и территория Приаралья (Приложение 4, табл. 7).

Необходимо отметить, что в конце VI – VII вв. геральдическая поясная гарнитура распространена на всём пространстве Евразийской степи. Элементы «геральдики» известны в погребениях западносибирских угров (памятники потчевашкой культуры конца VI – VII вв.; релкинской культуры (VII – начало VIII вв.) и алтайских тюрок (кудыргинский период).³ Но находки их не многочисленны.

Достаточно сильное типологического сходство наблюдается между элементами геральдической поясной гарнитуры памятников кушнаренков-

¹ Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 32.

² Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст... - С. 32, 224, рис. 45; 33; Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья... - С. 254, 326, рис. 131; 1 - 4, 6 - 10, 20 - 23.

³ Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. - М., 1987. - С. 189, 326, табл. LXXVII; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен... - С. 8 - 61, 104 - 106; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии... - С. 108 - 110, 154, табл. III.

ской культуры Приуралья и памятников культуры в восточном Приаралье (см. Приложение 4, табл. 3).

Таким образом, можно заключить, что материальная культура населения Прикамья и Южного Приуралья формировалась под мощным культурным воздействием Юга, что наиболее ярко проявилось в распространении здесь в конце VI – VII вв. поясных украшений геральдического типа. Необходимо отметить широкое разнообразие форм и вариантов геральдики в памятниках кушнаренковской культуры Южного Приуралья. Здесь встречаются элементы геральдики, имеющие как кавказское и восточноевропейское, так и среднеазиатское (джетыасарская культура) происхождение. Это обстоятельство вполне объяснимо тем, что население-носитель кушнаренковской культуры характеризуются как полукочевые племена, у которых на настоящий момент не зафиксировано никаких навыков металлообработки. Поэтому, на наш взгляд, все металлические элементы костюма импортного происхождения, что вполне объясняется обстоятельствами этнической, военной и политической ситуации, сложившейся на территории Евразийской степи (образование Тюркского каганата, войны между Ираном и Византией и участие в них тюрок, распространение военной экспансии Тюркского каганата и участие в ней соседних племен). На этом фоне несколько по-иному выглядит геральдическая поясная гарнитура населения ломоватовской и неволинской культур Прикамья, характеризующиеся своей оседлостью, и имеющие достаточно развитые навыки металлообработки, что проявилось в своеобразии местных типов и форм геральдики, распространившейся здесь в результате влияния степной моды.

Период конца VII – IX вв. – время деменковской (конец VII – VIII вв.) и урынской (конец VIII – IX вв.) стадий развития ломоватовской культуры; неволинский (конец VII – VIII вв.) и сухоложской (конец VIII – IX вв.) стадий неволинской культуры.¹ Приблизительно в середине – второй половине

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье... - С. 128 - 133; Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры в Приуралье... – С. 94.

VIII в. происходит смена кушнаренковской культуры караякуповской в Южном Приуралье. Хронологические рамки караякуповской культуры ограничены серединой VIII – серединой (второй половиной) IX вв.¹ Материальная культура населения всего региона в это время представляет собой органичное сочетание тюрко-болгаро-салтовских (поясная гарнитура, принадлежности конской сбруи и некоторые типы женских украшений) и местных прикамско-приуральских (коньковые и арочные шумящие подвески, трапециевидные ажурные подвески) элементов. Кроме того, применительно к термину «материальная культура» можно говорить о смене в регионе поясов «агафоновского» типа «неволинскими» и «тюркскими», причем ассортимент металлических элементов на них в этот период для населения Прикамья имеет четкую половую направленность. Согласно сведениям Р.Д. Голдиной, пояса «неволинского» типа – женские, тюркского – мужские. Пояса «неволинского» типа происходят из 48% женских погребений и 2% – мужских; «тюркские» – из 22% погребений – мужские, и 3% – женские». ² Несколько иная ситуация наблюдается в памятниках караякуповской культуры. Согласно реконструкции женского костюма, сделанной Н.А. Мажитовым на основе материалов погребения 2 I Бекешевского кургана 2, «тюркские» наборные пояса были характерны и для убранства женского костюма. ³ Кроме того, пояса «неволинского» типа не являются характерным элементом материальной культуры караякуповского населения.

«Неволинский» пояс представлял собой кожаную ленту шириной 2 – 2,5 см, длиной 70 см, украшенный на концах пряжкой и наконечником, и многочисленными накладками. К основному ремню, как правило, крепились 16 кожаных привесок размерами 3,5–4×10 см. Три привески, расположенные сзади, украшены обычно тремя тройчатками, остальные – двумя рядами круглых или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытянутыми

¹ Иванов В.А. Древние Угры-мадяры в Восточной Европе... - 46 - 47.

² Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 75.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII – XII вв. ... - С. 60, рис. 31а.

– в нижней. Пояс снабжен одной или двумя пронизями, состоящими из различных пронизок, бус, завершающимися конической или планчатой подвеской».¹

Мужской пояс, «тюркского типа представляет собой «кожаную ленту шириной около 2 см, украшенную прямоугольниками, арочными, серпообразными и другими накладками, пряжкой и наконечниками. Такие пояса почти не имеют дополнительных пронизей».²

В погребальных комплексах прикамско-приуральского населения «тюркские» пояса представлены набором пряжек, ременных наконечников и бляшек-накладок прямоугольной, сегментовидной, сердцевидной, лунницевидной и порталльной формы с прорезью для продевания подвесных ремешков.

В памятниках караякуповской культуры в наиболее полном виде такие пояса представлены в Ямаши-Тауских (к. 2, п. 2), Хусаиновских (к. 12, п. 1), Бекешевских I (к. 2, п. 2, 3), Бекешевских II (к. 2, п. 1) курганах³. В погребениях других могильников караякуповской культуры подобные пояса также присутствуют, но фрагментарно. Согласно реконструкции Н.А. Мажитова, на концах поясов имелись накладки прямоугольной и сегментовидной форм (Приложение 4, табл. 2: 46, 47), а в средней части пояса – либо накладки-лунницы (Ямаши-Тау, к. 2, п. 2; Бекешевские 1, к. 2, п. 2, 3) (Приложение 4, табл. 4, рис. II, 5), либо сердцевидные накладки с круглым вырезом внизу (Хусаиново, к. 12, п. 1) (Приложение 4, табл. 2, 41). К поясам подвешивались ремешки, украшенные накладками круглой (Ямаши-Тау, к. 2, п. 2) или прямоугольной формы (Бекешевские 1, к. 2, п. 2), прямоугольными наконечниками с округлым концом, обоями и мелкими накладками сердцевидной формы. Пояса последнего типа, как правило, не имели наконечников и застегивались на пряжку.

В памятниках неволинской культуры тюркские наборные пояса известны в Неволинском, Бродовском, Верх-Сосинском и др. могильниках; ломова-

¹ Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 75, 141, табл. XLIV; 4.

² Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 75, 141, табл. XLIV; 3.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 37, 51, 57, 61.

товской культуры – Деменковском, Агафоновском, Аверинском, Плесинском и др. могильниках; полемско-чепецкой культуры – Полемском¹ и Варнинском могильниках.¹

Ближайшие аналогии тюркским наборным поясам известны на древнетюркских каменных изваяниях Алтая.² Пояса с подобными накладками известны и в древнетюркских погребениях Туэқты, Курая, Барбургазы, Ак-Тюбе и др. Наборные пояса, состоящие из гладких накладок подпрямоугольной формы с прорезями и без подвесных ремешков А.К. Амброз считал наиболее ранними.³ Каменные изваяния с изображением подобных поясов В.Д. Кубарев относит ко второму типу и датирует их VII – VIII вв., но добавляет, что они существовали и в более позднее время.⁴ Пояса с накладками различных форм, высеченные на каменных изваяниях, В.Д. Кубарев относит к шестому типу и выделяет среди них три варианта комбинации этих накладок: 1) квадратные, сердцевидные, округлые; 2) квадратные, полукруглые, со срезанным низом и сердцевидные; 3) квадратные, сердцевидные и лунницеобразные.⁵ Ко второму варианту можно отнести пояс из погребения 1 Хусаиновского кургана 12; к третьему – частично реконструированный ремень из погребения 2 Ямаши-Тауского кургана 2, пояса из погребения 2 1 Бекешевского кургана 2; из погребения 3 1 Бекешевского кургана 2 караякуповской культуры.⁶ Достаточно близки между собой пояс из Хусаиновского кургана 12 (п.1) караякуповской культуры и пояс, происходящий из кургана с изваянием Ак-Кообы.

Несколько иное сочетание поясных накладок на поясах, обнаруженных в погребениях ломоватовской и неволинской культур Прикамья. Пояс из по-

¹ Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 126, табл. XXX; 4, 5, 13. - С. 129, табл. XXXI; 18, 27, 28, 29, 30. - С. 168 - 169; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье... - С. 218, табл. X; 41 - 44. - С. 220, табл. XIII; 10, 14, 15; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 200, рис. 18; 28, 29, 32.

² Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - М., 1984. - С. 37, 39, рис. 7.

³ Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. - 1971. - № 3. - С. 76.

⁴ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая... - С. 38.

⁵ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая... - С. 38, 39.

⁶ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 51, рис. 26. - С. 37, рис. 18, 1. - С. 57, рис. 30. - С. 61, рис. 32. - С. 64, рис. 35.

гребения 191 Неволинского могильника, реконструированный Р.Д. Голдиной был украшен гладкими накладками прямоугольной формы с прорезями и серповидными накладками, которые, возможно, являются своеобразными репликами сердцевидных накладок с круглым вырезом внизу.¹ Пояс имел концевую накладку с прорезным орнаментом, характерную для раннеболгарских поясов, известных в памятниках Новинковского типа на Средней Волге.² Кроме того, обращает на себя внимание то, что находки сердцевидных с округлым вырезом накладок и накладок-лунниц, характерных для памятников Приуралья и территории Второго тюркского каганата, для памятников Прикамья достаточно редки. Сердцевидная накладка известна из погребения 149 Неволинского могильника неволинской культуры; накладки-лунницы – в Щукинском могильнике (к. 3, 12, 23, 31, 54).³ Кроме того, для поясов «тюркского» типа в Прикамье не характерно использование подвесных ремешков, крепившихся к основному ремню, в то время как для поясов Приуралья они являются неприменным атрибутом. Они состоят из накладок различных типов – круглых, прямоугольных и мелких сердцевидных накладок, обойм и наконечников прямоугольной формы с округлым концом, в целом отличных от накладок основного пояса. Подвесные ремешки от пояса, происходящего из кургана с изваянием Ак-Кооба, были украшены сердцевидными накладками. Аналогичная накладка известна из детского погребения 6 II Бекешевского кургана 2, караякуповской культуры.⁴

Судя по известным археологическим материалам, прямоугольные, полукруглые, сердцевидные поясные накладки-лунницы в древнетюркское время были широко распространены на территории Алтая, Средней Азии и

¹ Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры... - С. 141, табл. XLIV; 3.

² Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). - Самара, 1998. - С. 97, рис. 17; 9.

³ Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры... - С. 129, табл. XXXII; 41; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 220, табл. XII; 66.

⁴ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая... - С. 223, табл. XLIV; 7; Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала... - С. 62, рис. 34; 30.

Западной Сибири (см. Приложение 4, табл. 4, табл. 8).¹ Памятники, содержащие в себе пояса с подобными накладками исследователи относят к катандинскому этапу (VII – VIII вв.) алтайских тюрков.² Прямоугольные и полуовальные рамчатые накладки существовали и в более позднее время – в период господства Уйгурского каганата (VIII – IX вв.).³

Из Хусаиновского могильника (к. 7. п. 3) происходит фрагмент пояса, украшенный серебряными полукруглыми накладками с фестончатым краем и прямоугольной прорезью (Приложение 4, табл. 2, 48). В Прикамье аналогичные накладки известны в Бродовском (п. 30, 44, 119), Верх-Саинском (уч. Т/13, уч. М/13, 65 А), Неволинском (п. 8, 13, 24, 28, 133) могильниках неволинской культуры; Аверинском (п.1), Деменковском (п. 10а); 1 Телячий Брод, Висимском могильниках, и случайная находка у Михалево ломоватовской культуры; Варнинском могильнике поломско-чепецкой культуры.⁴ Пояс с подобными накладками изображен на одном из древнетюркских каменных изваяний Горного Алтая.⁵ Накладки с фестончатыми краями известны в погребениях Узунтая и Курай в Горном Алтае.⁶ Пояс с подобными накладками, украшенный орнаментом из валют и полупалььетт происходит из одного древнетюркского могильника в Хакассии.⁷ Аналогичные поясные накладки происходят из слоя середины VIII в. Пенджикента, а также с городища Кескен-Куют-кала джетгыасарской культуры Приаралья (Приложение 4, табл. 4, рис. I, 5).⁸ Известны они в сибирском могильнике Капчалы 1 и в погребении

¹ Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве // ТКАЭЭ - Т. 2. - М. - Л., 1966; Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-Вана в Туве // СЭ. - 1958. - № 4; Грач А.Д. Археологические раскопки Сут-Холе и Бай-Тайге // ТКАЭЭ. - Т. 2. - М. - Л., 1966; Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. - Л., 1980.

² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М. - Л., 1965. - С. 61, и сл.; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. - СПб, 1994. - С. 110.

³ Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981. - С. 140, рис. 30; 42, 45; Иванов А.Г. Этнокультурные связи... - С. 200, рис. 18; 29.

⁴ Голдина Р.Д., Водолаго В.Н. Могильники неволинской культуры... - С. 129, табл. XXXII; 27 - 30. - С. 169; Голдина Р.Д. Ломоватовская культура... - С. 220, табл. XII; 14, 15. - С. 268;

⁵ Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Труды ГИМ. - Вып. XI. - М., 1940. - С. 121.

⁶ Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. - Новосибирск, 1982. - С. 107.

⁷ Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 137.

⁸ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда... - С. 89 - 90, рис. 63; 8, 10, 11; Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья... - С. 255, 327, рис. 132; 55.

нии с конем в Чуйской долине.¹ Б.И. Маршак отмечает, что «...на протяжении VIII в. все более входят в моду фестончатые очертания поясных украшений, напоминающие контур щитков ручек на кружках поздних этапов».² С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов материалы погребений, содержащие, в том числе, и полуовальные накладки с фестончатым краем относят к туэктинскому этапу культуры алтае-телеских тюрок, датированному VIII – IX вв.³

В погребениях Прикамско-Приуральских памятников встречаются также и наконечники поясов с фестончатым краем (табл. IX, 21, 22), и полуовальные наконечники с верхним концом в виде фигурной скобки (табл. IX, 23), либо вырезанным в виде тупого угла, аналоги которым известны в слоях третьей четверти VIII в. в Пенджикенте.⁴

Пряжки, характерные для поясов Прикамья и Приуралья VII – VIII вв., как правило, цельнолитые с удлиненным округлым щитком и овальной рамкой (табл. IX, 34, 35). Наиболее близкие аналоги им происходят из Пенджикентских древностей третьей четверти VIII в. (Приложение 4, табл. 4, рис. 3, 15, 16).⁵ В конце VIII – IX вв. (урьинская стадия ломоватовской культуры, суholожская стадия неволинской культуры, мыдланьшайская стадия полемско-чепецкой культуры, памятники караякуповской культуры) появляются пряжки нового типа – цельнолитые, восьмеркообразные с прямоугольным щитком с большим вырезом и овальной рамкой (Приложение 4, табл. 2: 43, 44). Иногда рамки этих пряжек оформлены рельефными фестонами (Приложение 4, табл. 2: 45). Идентичные пряжки происходят из слоя первой четверти, середины и третьей четверти VIII в. Пенджикента (Приложение 4, табл. 4, рис. III, 3, 6, 7, 10).⁶

В целом, можно отметить, что состав предметов материальной культуры Прикамья и Южного Приуралья отражает достаточно сильное тюрко-

¹ Левашева В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. - 1952. - № 24, рис. 1, 5, 6; Шер Я.А. Погребения с конем в Чуйской долине // СА. - 1961. - № 1, рис. 2; 1.

² Маршак Б.И. Согдийское серебро. - М., 1971. - С. 53.

³ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии... - С. 112, 159, табл. V; 7.

⁴ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда... - С. 91.

⁵ Там же. - С. 87.

⁶ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда... - С. 87.

сибирское и азиатское влияние, что проявилось в распространении здесь «тюркских» наборных поясов и близких им согдийских. Кроме того, азиатское влияние, по мнению В.В. Овсянникова, прослеживается и в принадлежностях конского снаряжения – восьмеркообразных стремянах с круглой рамкой, удилах с неподвижными кольцами, удилах с восьмерковидными окончаниями грызел и удилах с передвижными кольцами, существовавших на протяжении VI – X вв.¹ Южносибирское происхождение имеют удила с S-видными псалями с металлической петлей для продевания узды, где они обнаружены в комплексах VII – VIII вв.²

Для урьинской стадии (конец VIII – IX вв.) ломоватовской культуры характерны детали поясных украшений, так называемого, салтовского типа – это, прежде всего, поясные накладки сердцевидной формы с подвижным колечком (Приложение 4, табл. 2: 16, 17), накладки в виде личины (Приложение 4, табл. 2: 33), комбинированные, состоящие из двух частей; орнаментированные поясные наконечники. Среди памятников ломоватовской культуры они встречаются в погребениях Аверинского, Деменковского, Русиновского, Телячий Брод и других могильников. Идентичные им поясные украшения происходят из погребений Салтовского и Дмитриевского могильников салтово-маяцкой культуры.³ А.М. Белавин дает подробный анализ материала и характеристику контактов населения Прикамья в конце VIII – IX вв. с носителями салтово-маяцкой культуры, что избавляет нас от подробного исследования данной проблемы.⁴

В конце VIII – IX вв. салтовское влияние прослеживается и в памятниках караякуповской культуры Приуралья. Прежде всего, это проявляется в наличии в комплексах погребений удил с S-видными и стержневыми псаля-

¹ Овсянников В.В. Развитие вооружения в лесостепном Приуралье во второй половине I тыс. н.э. // КЕС. - Самара, 1998. - С. 301.

² Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен... - С. 83, рис. 16; 4; Могильников В.А. О культурах лесной зоны Западной Сибири во второй половине I тыс. н. э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. - Томск, 1981. - С. 122, рис. 19, 101.

³ Плетнева С.А. От кочевий к городам. - М., 1967. - С. 163, рис. 44; Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. - М., 1989. - С. 161, рис. 85. - С. 164, рис. 86. - С. 166 - 167, рис. 67 - 88.

⁴ Белавин А.М. Камский торговый путь. - Пермь, 2000. - С. 35 - 43.

ми, арочных стремян с выступающей прямоугольной петлей, ременных и уздечных накладок с растительным узором, и узором, напоминающим личину (Приложение 4, табл. 2: 9, 10, 16, 17, 19, 33), серег и перстней салтовского типа, проушных топоров. Все эти предметы происходят из погребений Ямши-Тауских, Хусаиновских, Бекешевских, Лагеревских и других курганных могильников караякуповской культуры, прямые аналоги которым находятся в комплексах Дмитриевского и Салтовского могильников салтово-маяцкой культуры.¹

Обращает на себя внимание различие в ассортименте салтовских предметов в памятниках ломоватовской и караякуповской культур. Характерные для памятников ломоватовской культуры сердцевидные накладки с подвижным кольцом в караякуповских курганах отсутствуют, за исключением ее самого западного и позднего Большетиганского могильника, ассортимент погребального инвентаря которого отражает салтовское влияние и влияние культуры ранней Волжской Болгарии (Большетарханский, Танкеевский и другие могильники).²

Подводя итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы. Морфологический облик материальной культуры населения Южного Урала и Прикамья во второй половине I тыс. н.э. формировался, (если не целиком, то в значительной степени) за счет массового поступления в регион предметов, которые современными исследователями определяются как «дальний импорт».³ В первую очередь это, конечно, поясная гарнитура, отдельные типы украшений, принадлежности конской сбруи. Среди них поясная гарнитура, как не просто утилитарный или декоративный, но и статусный элемент мате-

¹ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье... - С. 75, рис. 35. - С. 79, рис. 36. - С. 82, рис. 38. - С. 83, рис. 39, - С. 90, рис. 44; Плетнева С.А. От кочевий к городам... - С. 159, рис. 43. - С. 163, рис. 44; 13, 14, 17, 20, 62. - С. 168, рис. 46.

² Chalikova E.A., Chalikov A.H. *Altungar an der Kama und im Ural. Das Graber-feld von Bolshie Tigani.* - Budapest, 1981.

³ Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). - Ижевск, 2010. Приложение. – С. – 156 – 195.

риальной культуры¹, занимает особое место. Это ее место определяется и тем, что у населения изучаемого региона и прилегающих к нему территорий наборные пояса, состоящие из «импортных» элементов, становятся органичной частью его этнографической культуры. Что сейчас создает дополнительные трудности и вызывает затяжные дискуссии при определении этнокультурной принадлежности археологических культур.

Процесс поступления «импорта» в регион имел свою хронологию и этапы, удивительным образом совпадающие с этнокультурными инновациями (а может быть и определявшийся ими?), имевшими место в Прикамье и на Южном Урале во второй половине I тыс. н.э.

Первый этап (конец VI – VII вв.) синхронизируется в Прикамье с агафоновской стадией ломоватовской культуры, бартымской стадией неволинской культуры, гыркесшурской стадией полемско-чепецкой культуры и кушнаренковской культурой Южного Приуралья.

Этническая принадлежность носителей кушнаренковской культуры – предмет давней и не прекращающейся и по сей день дискуссии среди исследователей средневековой археологии Урало-Поволжья. Наиболее острая полемика по этой проблеме ведется между Н.А. Мажитовым и В.А. Ивановым.² Другие исследователи данной проблемы в большинстве своем единодушны во мнении о зауральско-западносибирских истоках кушнаренковской культуры.³ Поскольку участие в дискуссии по указанной проблеме не входит в задачи нашего исследования, в дальнейшем мы будем опираться на мнение этого большинства.

¹ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. - Пермь, 2001. - С.86.

² Мажитов Н.А. К вопросу о «Большой Венгрии» на Южном Урале // Проблемы востоковедения. - 2011, №4 (54). - С. 41 - 49; Иванов В.А. Современная мифология ранних этапов этногенеза башкир // Актуальные проблемы исторической науки. Сборник научных трудов первых международных Усмановских чтений. - Уфа, 2011. - С. 257 - 261.

³ Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // Ab origine. Проблема генезиса культур Сибири. - Тюмень, 2007. - С. 63 - 75; Матвеева Н.П. О формировании раннесредневекового населения в лесостепном Зауралье // II-й Международный Мадыарский симпозиум. Сборник научных трудов. - Челябинск, 2013. - С. 7 - 14; Боталов С.Г., Мосин В.А. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праурго-самодийского единства) // Finno-Ugrica. - №10. - 2007. - С. 36 - 38.

Одновременно аналогичные процессы – приток новых групп населения – происходили и в Прикамье. Там это вылилось в переход раннеломатовской культуры в ее агафоновскую стадию, неволинской культуры (тоже угры) – в бартымскую, ломовско-чепецкой культуры – в гыркесшурскую стадию.

Материальная культура этого периода испытывает в основном мощное воздействие юга, что проявляется здесь, прежде всего, в распространении геральдической поясной гарнитуры, известной в Прикамье как пояса «агафоновского» типа. Картографирование памятников, содержащие поясные украшения геральдического типа показывает, что распространены они на достаточно обширной территории Евразийской степи – от Подунавья на Западе до Обско-Иртышского междуречья на северо-Востоке, от районов Приаралья на юге, до Верхнего Прикамья на Севере. Причем местом наиболее массового распространения материалов являются районы Венгрии (территория Аварского каната (середина VI – VIII вв.)), Крыма и Прикубанья (болгары), и Северного Кавказа (аланы). Вторым районом массовой концентрации «геральдики» являются Поволжье, Южное Приуралье (кушнаренковская культура) и Верхнее и Среднее Прикамье (неволинская, ломоватовская и ломовско-чепецкая археологические культуры). По подсчетам В.Б. Ковалевской, 51,5% пряжек VI – VII вв. известных из погребений могильников Башкирии, свидетельствуют о достаточно сильных связях в этот период с Северным Кавказом; на втором месте – связи с Поволжьем (21,3%), на третьем – с территорией Крыма (12,8%).¹ На наш взгляд, исходя из данных типологического анализа и картографирования территории распространения основных находок геральдической поясной гарнитуры, наиболее сильный культурный импульс прикамско-приуральское население испытывало именно из Средней Азии.

Второй этап (середина VIII – IX вв.) – время очередных этнокультурных инноваций в Волго-Камье и Приуралье: расселение в бассейне р.Белой

¹ Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи в IV – IX вв. // ПАДИУ. - М., 1972. - С. 107.

носителей караякуповской культуры (как считают многие современные исследователи – древних мадьяр¹); расселение в районе устья Камы ранних булгар и начало формирования в регионе полиэтничного Волжско-Булгарского государства; деменковская и урынская стадии ломоватовской культуры; миграция (добровольная или вынужденная) носителей неволинской культуры на север, на территорию ломоватовских племен, и на юго-запад – в Волжскую Булгарию.²

По мнению Е.В. и Р.Д. Голдиных, торговые контакты населения Прикамья и Приуралья в рассматриваемое время осуществлялись практически по всем направлениям.³ Нам представляется, что здесь необходима определенная территориальная дифференциация и для Южного Предуралья и Нижнего и Среднего Прикамья преобладающими являлись два направления: юго-восточное (Алтай и Средняя Азия) и южное (Северный Кавказ – Хазария). В этот период в памятниках ломоватовской и полемско-чепецкой культур Прикамья широко распространяются пояса, типичные для салтово-маяцкой археологической культуры. Некоторые элементы конской сбруи, характерные для памятников салтово-маяцкой культуры известны и на территории современного Башкортостана – территории расселения караякуповских племен (Левашовский (Стерлитамакский могильник)). Решающим фактором, определявшим именно эти импульсы в формировании материальной культуры населения региона, являлась этнополитическая история Степной Евразии второй половины I тыс. н.э., о которой речь пойдет в следующей главе данной работы.

¹ Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. - Уфа, 1999.

² Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья... - С. 191.

³ Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья... - С. 157.

Глава 3. Этнополитическая история Евразийских степей как фактор формирования материальной культуры населения Южного Приуралья и Прикамья

Проблема культурных контактов народов Урало-Поволжья со странами Востока (включая Среднюю Азию) и Византией в эпоху раннего средневековья, была поставлена в науке с конца XIX в., когда на территории России наиболее частыми стали находки кладов с образцами восточной (сасанидской и византийской) посуды, а также персидскими и арабскими монетами. Наличие большого количества кладов привело к постановке в науке вопроса о связях прикамско-приуральского населения с восточным миром. В этой связи наиболее важными и обсуждаемыми стали две проблемы: проблема путей, по которым осуществлялись связи между двумя столь отдаленными регионами и проблема форм и характера этих контактов. Но, несмотря на давность исследования, вопросы эти, по-прежнему, остаются открытыми, и у исследователей не сложилось единого мнения в решении данной проблемы. Исследователи, занимавшиеся проблемой восточной посуды в Прикамско-Приуральском регионе, в качестве основного источника использовали непосредственно сами изделия (восточные сосуды) и письменные сообщения арабских путешественников конца IX – X вв., содержащие сведения о торговых путях. Между тем, источниковая база все больше расширялась, и в настоящее время, помимо посуды и монет, имеется еще одна, обширная категория находок, свидетельствующая об активных контактах прикамско-приуральского населения в эпоху раннего средневековья – это предметы импорта – поясная гарнитура, принадлежности конского снаряжения, вооружение, украшения и т.д., которые мы также объединили под общим термином «торевтика». Кроме того, в качестве основного фактора контактов рассматривались либо прямые, либо посреднические торговые отношения, без учета этнокультурных и этнополитических процессов, характерных для Евразийской степи в целом и Прикамско-Приуральского региона в отдельности.

Известно, что первые контакты населения Урала с внешним миром начались, как минимум, еще в эпоху раннего железного века. Именно в это время в Причерноморье впервые появляются изделия из уральского серебра и меди, хотя, как отмечают исследователи, в памятниках уральского населения античных изделий эпохи нет.¹ Однако, начиная с VI – IV вв. до н. э. связи эти становятся более интенсивными, о чем свидетельствуют находки античного импорта в Поволжско-Приуральской степной зоне.² С VII в. до н.э. наблюдаются связи между Уральским населением и населением Северного Кавказа и Средней Азии.³ М.И. Ростовцев в своих исследованиях скифских памятников Приуралья отмечает ряд предметов, происходящих из ахеменидской Персии.⁴ Образцы кавказского (киммерийского) оружия и украшений известны в раннеананьинских и карабызских могильниках Волго-Камья и Приуралья.⁵

Таким образом, можно отметить, что связи уральского населения с внешним миром складывались задолго до того, как сюда стал проникать сасанидский импорт. Именно тогда, скорее всего, и сложились основные пути, по которым в дальнейшем в Прикамско-Приуральский регион поступала восточная торевтика.

3.1. Пути проникновения восточной торевтики на территорию Южного Приуралья и Прикамья в эпоху раннего средневековья

В настоящее время имеется три варианта решения проблемы путей проникновения восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион: Волго-Камский торговый путь из Закавказья, Волго-Камский путь из Средней Азии и степной путь из Средней Азии. Каждый из них имеет историю, насчитывающую несколько столетий, и сложился задолго до того, как в При-

¹ Круглов Е.А., Обыденнов М.Ф. Урал и антично-византийская цивилизация. - Уфа, 1998. - С. 3.

² Там же. - С. 4.

³ Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. - 1952. - Вып. XVI. - С. 226 - 227.

⁴ Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области // МАР. - 1918. - № 337. - С. 82 - 83.

⁵ Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII – VI вв. до н.э. - М., 1977. С. 159 - 182.

камье и Приуралье стали поступать произведения восточной торевтики. До того, как получить «статус» торговых, эти пути служили целям войны и мира, являлись связующими нитями межэтнических и политических контактов, местами расселения отдельных общественных образований. В пределах этих трасс первоначально осуществлялся межплеменной обмен полезными ископаемыми, обмен и торговля продуктами и ремесленными изделиями, проходивший первоначально либо в рамках одного небольшого региона, либо опосредованно, от племени к племени – на большие расстояния.¹ Необходимо также отметить большую роль кочевников в процессе становления торговых трасс.²

Качественно новый этап в развитии культурных и экономических отношений начался лишь на рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., в связи с оформлением межконтинентальной трассы, получившей в науке название Великий шелковый путь. В первые века н.э. Великий шелковый путь охватывал почти все передовые, в культурном отношении территории – Рим, Парфию, Кушанское царство и китайское государство Хань, между которыми установились очень сложные политические, экономические и культурные взаимоотношения.³ В эпоху раннего средневековья он представлял собой систему международных торговых трасс, определяемых в китайских источниках как «Северная», «Средняя» и «Южная».⁴ Главным направлением Великого шелкового пути была, так называемая, «Средняя» трасса, которая проходила через Фергану на юго-запад в Афганистан, Иран и далее в Средиземноморье. В

¹ Ставинский Б.Я. Великий шелковый путь – первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 19.

² Горбунова Н.Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочек в сложении торговых путей древности Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 33 - 35; Сверчков Л.М. Единая трасса Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 71.

³ Ставинский Б.Я. Великий шелковый путь – первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 19.

⁴ Иерусалимская А.А. К интерпретации главных трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 58 - 60.

раннем средневековье эта трасса связывала конкурентные по отношению друг к другу регионы – Средиземноморье с одной стороны и Ближний Восток с другой. Западный участок этой дороги находился в руках Сасанидского Ирана, препятствовавшего прямым контактам стран Средиземноморья с Дальним Востоком и Средней Азией.¹ Второе – «Северное» направление Великого шелкового пути проходило от Ферганы и Тянь-Шаня через долины Таласа и Кетмень – Тюбе – Ташкентский оазис – низовья Сырдарьи – Южное Приуралье – Нижнее Поволжье.² Формирование этой трассы началось еще в конце I тыс. до н.э. и было связано с процессом складывания в среднеазиатском регионе древних земледельческих культур и их контактами с кочевыми народами и с существующими в это время империями (Римской, Китайской, Парфянской и пр.).³ Ко II – III вв. н.э. северный (степной) путь от Западного Китая к Танаису оформился окончательно, о чем свидетельствует изучение вещевого инвентаря Лебедевского могильника на территории Южного Приуралья.⁴

Ответвлением «Северной» трассы Великого шелкового пути являются Волжский торговый путь и Степной путь – через Южное Приуралье и территорию современного Башкортостана.

Волжский путь был известен еще с эпохи неолита, но в качестве торгового он начал использоваться позже. Первоначально он служил путем расселения уральско-камских протофинноугров, занимавших территории вплоть до берегов Балтики.⁵ Время начала функционирования его как торговой системы доподлинно неизвестно, и в этой связи упоминают сообщение Геродо-

¹ Иерусалимская А.А. К интерпретации главных трасс... - С. 59.

² Трансазиатский путь – ветвь Шелкового пути по археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии (сборник статей). - СПб, 1997. - С. 80.

³ Более подробно см.: Мошкова М.Г.; Филанович М.И.; Буряков Ю.Ф.; Байпаков Н. И.; Заднепровский Ю.А. // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. – С. 35 – 37; 44 – 48; 52 – 54; 91 – 93; 95 – 98.

⁴ Мошкова М.Г. Лебедевский могильник и Великий шелковый путь // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 35 – 37.

⁵ Дубов И.В. Великий Волжский путь. - Ленинград, 1989. - С. 4.

та о пути из Ольвии в Поволжье в V в до н.э.¹ Других письменных источников о функционировании Волжского торгового пути нет, вплоть до появления сведений о нем в сообщениях арабских путешественников в X в. н.э. Но о функционировании Волжского пути еще в конце I тыс. до н.э. свидетельствуют археологические материалы. Так, например, на территории Волго-Камья и Башкортостана известны клады, содержащие бронзовые украшения и чаши середины – конца I тыс. до н.э.² Аналогично А.А. Йессен находит на Кавказе период правления династии Ахеменидов, и, исходя из этого, делает вывод о связях между Северным Кавказом и Уральским краем в VII – III вв. до н.э.³ Таким образом, иранские изделия начинают проникать на Урал еще в Ахеменидскую эпоху через Кавказ и Предкавказье и далее по Волге. Кроме того, на Волге и прилегающих к ней территориях были обнаружены монеты римского происхождения.⁴ То есть, Волга являлась связующим звеном между севером и югом еще в I тыс. до н.э., и трассой, по которой южный импорт поступал в Уральский регион.

Одной из составных частей Волжского торгового пути является левый приток Волги – Кама, а также другие водные артерии, входящие в Камский бассейн (Белая, Вишера, Чусовая и др.). Население Прикамья было включено в международную торговлю еще в эпоху раннего железа, и являлось известным поставщиком ценной уральской пушнины, в обмен на которую сюда поступали, например, египетские и вавилонские изделия.⁵ Посредниками в этой торговле А.М. Белавин называет скифов и сарматов, предметы материальной культуры которых известны на памятниках железного века на берегах Верх-

¹ Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. - 1952. - № XVI. - С. 223; Степанов Л.Д. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тыс. н.э. // Древности Восточной Европы. - М., 1969. - С. 221.

² Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. - 1952. - № XVI. - С. 209 - 216.

³ Там же.

⁴ Валеев Р.М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII – X вв.) // Из истории ранних булгар. - Казань, 1981. - С. 85; Зайковский Б.В. Из монетной летописи Нижнее-Волжского края // Труды Нижнее-Волжского областного научного общества краеведения. - Саратов, 1926. - Вып. 35. Ч. I. - С. 41 - 49; Акбулатов И.М., Обыденнов М.Ф. Погребения кочевников начала нашей эры из зоны Иштугановского водохранилища // Памятники кочевников Южного Урала. - Уфа, 1984. - С. 46 - 54.

⁵ Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. - Пермь, 2000. - С. 6.

ней Камы.¹ Начиная с VII в. н.э. эти связи возобновляются вновь, после длительного перерыва, связанного с распадом в IV в до н.э. некогда единой ананьинской общности.²

Таким образом, можно отметить, что Волга и один из ее притоков – Кама, с древнейших времен являлись не только территориями расселения, но и выступали как пути обмена культурными достижениями «северных» и «южных» народов.

Вторым ответвлением «Северной» трассы Великого шелкового пути был, так называемый, степной путь из Средней Азии. Он проходил через плато Усть-Урт, казахстанские, оренбургские и башкирские степи, реке Белой, на верховья рек Ирень и Сылва в Пермский регион. Этим путем в начале X в. двигалось арабское посольство Ахмед ибн Фадлана, который и оставил нам его подробное описание.³ Однако степной путь, являвшийся альтернативой Волжскому пути, имеет давнюю историю, о чем свидетельствуют археологические находки. Так, например, на территории Урала известны находки из ляпис-лазури (Золотой курган на Илеке), которая в древности добывалась только в Бадахшане (Афганистан), а также бронзовые бляшки V – III вв., аналоги которым находят на территории Средней Азии.⁴ Помимо этого, можно отметить несколько находок бронзовых сосудов ахеменидского времени на территории современных Башкортостана и Оренбуржья.⁵ О подобного рода контактах в конце I тыс. до н.э. свидетельствует материал, погребения № 5 одиночного кургана Яковлевка II, исследованный в 2009 г.⁶ Весь комплекс вещей погребения датируется V – IV вв. до н.э. В частности, в исследованном памятнике был найден кувшиновидный глиняный сосуд, который, по мнению авторов, имеет хорезмийское происхождение, и мог попасть на Южный

¹ Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. - Пермь, 2000. - С. 6.

² Там же.

³ Ибн Фадлан о народах Восточной Европы // Из глубины столетий. - Казань, 2000. - С. 69 - 88.

⁴ Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. - 1952. - XVI. - С. 227.

⁵ Там же.

⁶ Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». - Уфа, 2014. - С. 207 - 217.

Урал в качестве тары «по северному торговому пути из Хорезма через Усть-юрт, и далее по Эмбе и Илеку».¹ К предметам импортного (азиатского (Семиречье?)) происхождения авторы отнесли массивный, литой бронзовый сосуд, ближайшим аналогом которой является случайная находка, обнаруженная в Алма-Ате в 1952 г., раковины каури и пр. На основе исследованного материала, авторы сделали вывод о том, что «с рубежа VI – V вв. до н.э. функционировали караванные пути, по которым импортные изделия через территорию Дахистана и Хорезм могли попадать в Южное Приуралье».² Кроме того, в это время авторы предполагают наличие более разветвленных контактов. По их мнению, «... Семиречье как раз находилось на трассе Северного (или Степного, или Мехового) отрезка Великого Шелкового пути, шедшего через Ферганскую долину к Приаралью и далее на северо-Запад в степи Южного Приуралья. Этот отрезок Шелкового пути, особенно в первые века н.э., маркируется в Южном Приуралье и Западном Казахстане находками как западных, в том числе римских и боспорских, так и восточных, (в том числе ханьских зеркал и их подражаний) импортов».³ К более позднему времени II – III вв. н.э. относятся находки ханьских зеркал в могильниках Башкирии (Темясово и могильники Комсомольской группы).⁴ Все это свидетельствует о наличии связей между Уралом и Средней Азией. О давних связях между Уралом и среднеазиатским регионом сообщают А.А. Йессен, Р. Фрай, Д.Е. Харитонов.⁵

Относительно путей проникновения восточной торевтики в регион, мнения исследователей расходятся. В этой связи, необходимо отметить, что большинство исследователей в процессе поступления восточной торевтики в регион большое значение придают Волге, как основной торговой магистрали

¹ Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II... - С. 210.

² Там же. - С. 215.

³ Там же. - С. 215.

⁴ Заднепровский Ю. А. Трансазиатский степной путь – ветвь шелкового пути по археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. - СПб, 1997. - С. 80.

⁵ Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. – 1952. - XVI.- С. 207; Фрай Р. Наследие Ирана. - М., 1972. - С. 334; Харитонов Д.Е. Монеты Прикамья // Календарь-справочник Пермской области на 1964 г. - Пермь, 1963. - С. 185 - 186.

в раннем средневековье и государству Волжская Болгария, города которой занимали особое место в системе торговых отношений между Западом и Востоком. Однако, часть исследователей придерживается идеи поступления восточного серебра из Закавказья, другая часть – из Средней Азии.

Больше всего сторонников получила идея поступления восточного импорта по пути из Средней Азии в Волжскую Болгарию, и далее по Волге в Прикамье. В ее основе лежат рассказ Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу и факты находки в Прикамье хорезмийских серебряных изделий. Впервые эта концепция была выдвинута в работах Ф.А. Теплоухова и А.П. Смирнова.¹ В.П. Даркевич, изучив состав находок кладов на территории Восточной Европы и Прикамья, придерживается идеи Волжского торгового пути из Средней Азии, хотя не исключает и возможности его начала из Закавказья, придавая при этом большое значение иранским, хорезмийским, болгарским и пр. купцам.² В.В. Кропоткин на основе сходства состава кладов в Закавказье и Приуралье, делает вывод о существовании в VI – VII вв. торгового пути из Закавказья по Волге и Каме, и также допускает возможность поступления сасанидских и византийских изделий по Волжскому пути из Средней Азии.³

В процессе проникновения восточной керамики в Прикамско-Приуральский регион исследователи большое значение придают степному пути из Средней Азии через Оренбургские степи и территорию современного Башкортостана. Так, например, О.Н. Бадер писал о том, что «... в ранний период значение преобладающего имел Волжский путь, а затем, в силу известных исторических событий, почти закрытый, и временно уступивший в Приуралье первое место караванным путям из Средней Азии через Зауральские степи».⁴ В.Ю. Лещенко, уточнив хронологические рамки прикамских кладов

¹ Теплоухов Ф.А. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. – Т. III – Пермь, 1895. - С. 44; Смирнов А.П. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея // КСИИМК. - 1941. - № 1. - С. 57.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - С. 143 - 156.

³ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. - М., 1962. - Вып. Е 4-4. - С. 117.

⁴ Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье (к последним находкам) // На Западном. – Молотов, 1951. - С. 188.

восточной посуды и монет, также придерживается этого мнения: в VII – VIII вв. активно действовал путь из Средней Азии в Волжскую Болгарию, а с IX в. преобладающее значение имел степной путь.¹ Этой же идеи придерживался и Т. Ноонан.²

Несколько по-иному раскрывает этот вопрос В.Ю. Морозов, изучивший состав монетных находок на территории Прикамья. Исследователь выделил два периода в поступлении в регион византийских, сасанидских и куфических монет: конец V – конец VII вв., и вторая половина VIII – середина IX вв. В первый хронологический период действовал, по его мнению, Волжский торговый путь, а со второй половины VII – VIII вв. – степной путь. Причем сасанидские и византийские монеты поступали в регион по Волжскому пути в первый период, а большая часть византийской и сасанидской посуды, вместе со среднеазиатским импортом – по степному.³ А.Г. Иванов считает, что восточный импорт шел в Прикамье сухопутным маршрутом через Южное Приуралье.⁴ В этом с ним солидарны Р.Д. Голдина, И.Ю. Пастушенко и Е.М. Черных, которые считают, что степной путь из Хорезма через плато Устюрт, верховья Эмбы и Ори, на рр. Урал и Белую, а затем по р. Уфе к верховьям Ирени и Иргины уже активно функционировал в VIII в.⁵

Напротив, Е.А.Круглов и М.Ф. Обыденнов большое значение придают, так называемому «серебряному пути»: Византия – Согд – Хорезм – Эмба – Яик – Самара – хазарский Итиль на Волге – Булгар – Кама – Белая, который, по их мнению, также активизировался с VIII в.⁶ Отдельно необходимо упомянуть точку зрения Л.А. Мацулевича, который исследовав состав кладов, содержащих византийский импорт в Восточной Европе и Прикамье, пришел

¹ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (по находкам художественной утвари): Автореферат... диссертации к.и.н. – Л., 1971. - С. 20 - 21.

² Noonan Th. Russia, the near east, and the Steppe in the earli Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // Archivum Eurasiac Meclii Aevi. - Wiesbaden, 1982. -VII.

³ Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. - Самара, 1996. - С. 156 - 159.

⁴ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р.Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. - Ижевск, 1997. - С. 58, 110.

⁵ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс... - С. 143.

⁶ Круглов Е.А., Обыденнов М.Ф. Византийский импорт в Приуралье // ВБУ. – Уфа, 1996. - № 1. - С. 67.

к выводу, что между восточными окраинами Византийской империи и Прикамским регионом существовали непосредственные связи, осуществляющиеся через степные реки и волоки Подонья и Прикубанья.¹ Но, прежде чем вновь обратиться к вопросу о путях проникновения восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион, необходимо ещё раз затронуть вопрос о времени ее поступления.

Вопрос о времени начала проникновения восточной торевтики в регион решался по-разному. В конце XIX – начале XX вв. преобладающей была точка зрения о том, что сасанидская и византийская торевтика и монеты попадали в Прикамье в то же время, в которое и были изготовлены – т.е. с III по VII вв. (Ф.А. Теплоухов, А.В. Шмидт, Р.Р. Фасмер и др.) Эту же идею позже поддерживали О.Н. Бадер, В.Л. Янин, Л.А. Мацулевич, А.П. Смирнов, А.И. Вошинина. Хотя, например, О.Н. Бадер считал, что в V – VI вв. сасанидские сосуды попадали в Прикамье не так часто, как в VII – VIII вв. и позднее.² Этой же идеи придерживаются Е.А. Курглов и М.Ф. Обыденнов, которые изучив находки византийской торевтики в Прикамье, отнесли начало ее поступления к IV – V вв., уточнив при этом, что процесс этот наиболее интенсивным был в VII в.³

В целом, большинство современных исследователей начало притока восточного импорта в Прикамье относят к Сасанидскому времени. Так, например, А.Г. Иванов считает, что поступление Сасанидской и византийской торевтики в регионе могло начаться в V – VI вв. и могло быть напрямую связано с продвижением сюда пришлого населения, оставившего памятники харинского типа. Но массовый приток восточного серебра автор относит к VII в., особенно ко второй его половине.⁴ Т. Ноонан начало поступления Са-

¹ Мацулевич Л.А. Византийский антикт в Прикамье // МИА. - М. - Л., 1940. - С. 146.

² Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в Прикамье (к последним находкам) // На западном Урале. - Молотов, 1951. - С. 186.

³ Курглов Е.А., Обыденнов М.Ф. Византийский импорт в Приуралье // ВБУ. – Уфа, 1996. - № 1. - С. 69.

⁴ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск, 1998. - С. 52.

санидского и византийского импорта относит к концу сасанидского периода – VI – VII вв., акцентируя внимание на VII в.¹

Несколько по-иному видит начальный процесс поступления сасанидского импорта в регион В.Ю. Морозов. Изучив, прежде всего, находки сасанидских монет в Прикамье, автор пришел к выводу, что Сасанидская драхма поступала в два этапа: конец V – VII вв. – поступление Сасанидской драхмы в «чистом» виде; и вторая половина VIII – середина IX вв. – поступление сасанидской драхмы вместе с куфическими дирхемами.

Начало притока художественного импорта в Прикамско-Приуральский регион В.Ю, Морозов датирует VII в., что, по его мнению, синхронизируется с началом притока среднеазиатских монет.² Таким образом, начало притока сасанидской торевтики В.Ю. Морозов относит к постсасанидскому времени.

Приблизительно эту же мысль в свое время высказал В.Ю. Лещенко. Он ограничил хронологические границы процесса поступления восточной торевтики на Урал VII – XII вв., уточнив, что начался он не ранее второй половины VII в.³

К постсасанидскому времени начало притока на Урал восточного художественного импорта относили и Я.И. Смирнов, К.В. Тревер, М.И. Артамонов. Так, например, М.И. Артамонов относил этот процесс к VIII – X вв.⁴

К.В. Тревер основной поток серебряного импорта на Урал относит к X – XII вв., т.е. к тому периоду, когда на Востоке отмечался, так называемый «серебряный кризис».⁵ Последовательным сторонником этой идеи является и В.П. Даркевич, который полагает, что большая часть Сасанидских и византийских изделий VI – VII вв. поступила на Урал не ранее IX в.⁶ Против этого

¹ Noonan Th. Russia, the near east, and the Steppe in the earli Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // Archivum Eurasiac Meclii Aevi. - Wiesbaden, 1982. -VII. P.275.

² Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. - Самара, 1996. - С. 150 - 151, 154.

³ Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. (по находкам художественной утвари): Автореферат... к.и.н. – Л., 1971. С. 18 - 19.

⁴ Артамонов М.И. История хазар. - Л., 1962. - С. 117.

⁵ Тревер К.В. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. - М. - Л., 1937. - С. 12.

⁶ Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - С. 147; Даркевич В.П. Клад из эпохи Сасанидов // Родина. - 2001. - Май. - С. 12 - 13.

утверждения возражают исследователи средневековых древностей Прикамья, по мнению которых в Прикамье имело место аналогичное Средней Азии формирование «кладов медленного накопления». И в них ранние вещи (сасанидские монеты), свидетельствующие о вероятности их появления в регионе уже в середине I тыс. н.э. (время активизации культурных контактов местного населения со Средней Азией), вполне могли сочетаться с более поздними вещами – сосудами.¹

Таким образом, можно отметить, что большинство современных исследователей начало поступления восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион относят к VII в., хотя допускается и более ранняя дата. Но, так или иначе, начало этого процесса относится к сасанидскому времени.

Необходимо также отметить, что большая часть кладов включает в себя как ранние образцы сасанидского и византийского искусства (III – VII вв.), так и поздние образцы произведений позднеиранских и среднеазиатских мастеров (VIII – IX вв.). На наш взгляд это не является обязательным доказательством того, что ранние и поздние образцы восточного импорта поступали в регион одновременно, равно как и наличие в составе кладов только ранних изделий не свидетельствует об их более раннем поступлении. Клады эти могли формироваться уже на месте после периода использования предметов. Но все же относительно начальной даты поступления сасанидской торевтики в регион можно сделать некоторые выводы, основываясь на надписях, сделанных на сосудах, приведенных в приложении II. Всего в работе было учтено 29 образцов сасанидского импорта из которых 25 можно считать точно атрибутированными в пределах III – VII вв. Из 25 сосудов 14 датированны VI – VII вв. (сосуды из Вереинского, Мальцевского, Чуринского, Куриловского, Томызского, Кошелевского, Климовского, Турушевского, Аниковского, Уфимского кладов и находки из Оренбургской и Пермской губерний); 2 – V – VI вв. (бутыль из Квацпилеевского клада и блюдо из Аниковского клада); 2

¹ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс... - С. 142.

– IV – V вв. (находки из д. Шудьякар Кировской области и Керчевского кла- да) и 7 сосудов относятся к III – IV вв. (сосуды из Вереинского, Шахаровско- го, Климовского, Турушевского кладов и находки у с.Алкино Башкирской АССР и Пермской губернии). Из 9 сосудов датированных III – V вв., 4 имеют согдийские надписи VII – VIII вв. – это серебряное блюдо с изображением богини на пантере III в. (согдийская надпись самаркандским письмом) и блюдо с изображением охоты Шапура III (383 – 388 гг.) (среднеперсидская и согдийская надписи) из Шахаровского клада; серебряное блюдо с изображе- нием охоты Варахрана (390 – 420-е гг.) (согдийская надпись самаркандским письмом), найденное к д. Керчевой Пермской губернии; блюдо с изображе- нием Шапура III и леопарда (383 – 388 гг.) (согдийская надпись самарканд- ским письмом) из климовского клада.¹ Таким образом, можно сделать вывод, что 4 из 9 сосудов, относящихся к III – V вв. попали в Прикамье не ранее VII в., из Согда, что в свою очередь, еще раз доказывает, что массовый при- ток восточной торевтики в регион начинается в VII в. из Средней Азии.

Хронологический диапазон византийской торевтики значительно уже. Основная ее масса датирована VI – VII вв. Из 18 учтенных в данной работе со- судов, 3 датированы в пределах 491 – 565 гг. (блюда из Слудского, Климовско- го, Чердынского кладов), 4 – имеют более широкую датировку в рамках VI в. (блюда из Слудского, Пятигорского и Усть-Кишертьского кладов и находка у «Березовых островов» в Прикамье); 10 византийских сосудов относятся к хро- нологическому периоду 602 – 668 гг. (блюда из Мальцевского, Томызского, Климовского, Турушевского, Мартыновского кладов и находка близ Алкино Башкирской АССР); одно византийское блюдо из Климовского клада датирова- но VIII в. Таким образом, можно предположить, что значительная часть визан- тийской торевтики проникала в Прикамско-Приуральский регион в период с VI по VII вв. Л.А. Мацулевич, основываясь на материале Усть-Кишертьского кла- да в Прикамье, делает вывод о том, что византийские сосуды бытовали здесь в

¹ Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. - 1964. - 33. - С. 155 - 176; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 121.

VII в., поскольку были уже захоронены во второй половине или конце VII в.¹ На наш взгляд, состав Усть-Кишертьского клада не является доказательством данного тезиса и относится к категории кладов, содержащих предметы долгого накопления. В его состав входило византийское серебряное блюдо, датированное Л.А. Мацулевичем VI в., серебряная чашечка без украшений, украшения поясного набора (прямоугольные накладки с узкой продольной прорезью ременная пряжка, полукруглая рамчатая накладка), шумящая подвеска с плоской основой, колесовидная подвеска, рожковая изогнутая пронизка, объемная флакончатая подвеска, и пять пронизок с сильными вздутиями и прорезями, две пронизки в виде хищной птицы, две серебряные круглые шейные гривны.² Таким образом, в состав клада входили вещи, маркирующие облик неволинской и ломоватовской культур Прикамья.

Согласно периодизации и типологии материалов неволинской культуры, шумящие подвески с плоской основой, пронизки в виде хищной птицы характерны для ее бартымской стадии (VI – VII вв.), рожковые изогнутые пронизки, объемные флакончатые подвески и сильно вздутые с прорезями пронизки, колесовидные подвески, прямоугольные накладки с одним заостренным концом и прорезями – для неволинской стадии (конец VII – VIII вв.); полукруглые рамчатые накладки, цельнолитые восьмеркообразные пряжки с овальным кольцом и узким прямоугольным приемником – для сухоложской стадии (конец VIII – первая половина IX вв.).³ Полукруглые рамчатые накладки характерны для материальной культуры Согда и датированы здесь периодом с первой по третью четверти VIII в.⁴ Среди согдийских материалов 1-й – 3-й четверти VIII в. находят аналогии и пряжки.⁵ Таким образом, Усть-Кишертьский клад относится к категории кладов долгого накопления и был закопан не ранее середины VIII в. Блюдо, входящее в его состав, не обяза-

¹ Мацулевиц Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. - М. - Л., 1940. - № 1. - С. 146.

² Мацулевиц Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. - М. - Л., 1940. - № 1. - С. 146.

³ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Прикамье. - Иркутск, 1990. - С. 164 - 166, табл. LXVII – LXIX.

⁴ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. - Л., 1980. - С. 89, 90, рис. 63; 4.

⁵ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. - Л., 1980. - С. 87, рис. 61; 3, 4.

тельно является свидетельством раннего поступления византийской торевтики в Прикамско-Приуральский регион.

Л.А. Мацулевич, так же отмечает, что на одном из византийских блюд второй четверти VI в. была вырезана позднейшая надпись хорезмийским и согдийским шрифтом.¹ Это также может свидетельствовать о его более позднем поступлении в Прикамско-Приуральский регион из Средней Азии, что, возможно, связано с военно-политической ситуацией, сложившейся в Евразийской степи в эпоху раннего средневековья, о чем подробнее будет сказано ниже.

В целом, можно отметить, что большая часть сасанидской и византийской торевтики, найденной в Прикамье и Приуралье относится к VI – VII вв. Массовый приток сасанидской торевтики в регион начался не ранее второй половины – конца VII в. Синхронность собственно, сасанидских и византийских изделий свидетельствует о единовременном поступлении. Необходимо отметить, что, например, Л.А. Мацулевич говорил о том, что византийский импорт поступал в Прикамье напрямую степью по Донскому пути, независимо от сасанидского и среднеазиатского. Хотя допускал возможность существования других путей, при выявлении которых необходимо учитывать все частные особенности данных их маркирующих (в частности, согдийские и хорезмийские надписи).² В.Ю. Морозов полагает, что «большая часть византийского художественного импорта, очевидно, шла вместе со среднеазиатским», что опять подтверждается, по его мнению, наличием на них среднеазиатских надписей.³ Исследователь не исключает и возможность поступления византийской торевтики по Волжскому пути, основываясь, на составе Бартымского комплекса.⁴ Т. Ноонан, также высказывался за единовременное проникновение сасанидской и византийской торевтики на Урал в VII в., учитывая контекст общеисторических условий (Ирано-Византийские войны VI –

¹ Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье... - С. 146.

² Там же. – С. 146.

³ Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. - Самара, 1976. - С., 157.

⁴ Там же.

VII вв. и причастность к ним степных кочевников).¹ Учитывая синхронность византийской и сасанидской торевтики, мы будем придерживаться идеи об их единовременном поступлении на Урал, хотя к этому вопросу необходимо будет вернуться при выяснении обстоятельств этого процесса.

И теперь, мы вплотную подходим к решению вопроса о путях проникновения восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион. Картографирование кладов, содержащих импортную посуду показывает, что проникала она в регион по сухопутному пути из средней Азии через плато Устюрт, казахстанские, оренбургские и башкирские степи вдоль рек Белая, Уфа, Сылва в Пермский регион и Верхнее Прикамье (Приложение 4, табл. 5). То есть, тем же, в принципе, маршрутом, каким его не зависимо от нас реконструируют ижевские коллеги.² Маршрут этот иллюстрируется археологическим материалом. Так, один клад серебряной посуды, датированный концом VI – началом VII вв. был найден в 1961 г. в поселке Чилек под Самаркандом.³ В его состав входили серебряный сосуд с изображением охоты шаханшаха Пероза, эфталитская и три согдийские серебряные чаши.⁴ Четыре клада с восточным серебром были обнаружены на территории Казахстана.⁵ Из 50 учтенных в работе кладов, обнаруженных на Урале, один клад был найден на территории Оренбуржья, 6 – происходит с района рек Белой и Урала; 16 – с территории Среднего Прикамья; 13 – с территории Верхнего Прикамья; 7 – с территории бассейна рек Вятки и Чепцы, один клад – с Нижнего Прикамья. Таким образом, можно отметить, что в эпоху раннего средневековья в качестве альтернативы Волжскому торговому пути из Средней Азии существовал степной путь из Средней Азии, который играл главную роль в процессе по-

¹ Noonan Th. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval period: An examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. - Wiesbaden, 1982. - V.II. - P. 270.

² См.: Барынина Т.В. К вопросу об основании степного торгового пути в Приуралье и Прикамье // *Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья: 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы*. - Болгар, 1998. - С. 12 - 15; Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс... - С. 136.

³ Маршак Б.И., Крикс Я.К. Чилекские чаши // *ТГЭ*. - Л., 1969. - Т. X. Культура и искусство народов Востока. - Вып. 7. - С. 55 - 59.

⁴ Там же. - С. 55 - 59.

⁵ Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // *КЕС*. - Самара, 1996. - С. 153.

ступления восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион, активно действуя с середины – второй половины VII в.

Путь этот был известен давно, и связи между Приуральским краем и азиатским регионом осуществлялись по нему еще с середины I тыс. до н.э., о чем свидетельствует топография находок иранского и переднеазиатского происхождения в Приуралье, прослеженная А.А. Йессеном.¹ Скорее всего, связи между северными и южными районами с этого времени не прерывались, а, начиная с VII в., стали носить регулярный характер.

В этой связи необходимо еще раз обратить внимание на решение этого вопроса Т. Ноонаном, который считал, что с конца VI в. до 650 г. сасанидская и византийская посуда поступала в Прикамско-Приуральский регион с Северного Кавказа посредством хазар по Волжскому торговому пути, а со второй половины VII – по IX вв. сасанидская серебряная посуда шла вместе со среднеазиатскими сосудами по Степному пути из Средней Азии.² Произошло это потому, что во второй половине VII в на Волгу стали продвигаться болгары, которые отрезали хазарам путь на Каму.

Делая вывод о проникновении византийской и Сасанидской торевтики Волго-Камским путем Т. Ноонан учитывал, прежде всего, одинаковый состав кладов серебряных изделий, найденных на Кавказе, Украине, и в Прикамье.³ В свое время, такой же вывод сделал В.В. Кропоткин, проанализировав состав кладов, содержащих византийские и сасанидские монеты.⁴ По его мнению, «... находки однородных по составу кладов в Закавказье и Прикамье свидетельствуют о существовании прямого торгового пути, соединившего эти отдаленные друг от друга географические районы ... по-видимому, сасанидские монеты проникали в Прикамье не сухопутным путем из Средней

¹ Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. – 1952. - № XVI. - С. 228 - 229, рис. 16.

² Noonan Th. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval Period: An examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area // Archivum Eurasiae Medii Aevi. - Wiesbaden, 1982. - V. II.

³ Там же.

⁴ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. - М., 1962. - Вып. Е 4 – 4.

Азии, а вместе с византийскими монетами из Закавказья».¹ То же самое, по мнению В.В. Кропоткина относится и к сасанидской и византийской торевтике.² По данным В.В. Кропоткина, 6 кладов, содержащие серебряные и медные византийские монеты, относящиеся ко времени правления Юстина I (518 – 527), Юстина II (565 – 578), Фоки (602 – 610), Ираклия и Ираклия-Константина (610 – 641), и сасанидские драхмы Хосрова I (531 – 579), Хормизда IV (579 – 590), Хосрова II (590 – 628), известны на территории Армении.³ Клады, содержащие монеты Тиберия Константина (578 – 582), Маврикия Тиберия (582 – 602), Фоки (602 – 610), Ираклия (610-641) происходят из Ланчхутского района Грузии.⁴ Помимо монетных, на территории Кавказа известны клады, содержащие в себе произведения торевтики, как сасанидской, так и византийской. Так, несколько иранских сосудов VI – VII вв. были обнаружены на территории Армении – г. Нор-Баязет (современный г. Камо); Дагестана, Северной Осетии (Урздонское ущелье); в г. Грозном.⁵ Несколько неорнаментированных сосудов V вв., аналогии которым были найдены среди иранских, входили в состав погребений на территории Азербайджана.⁶ На Кавказе – в Пятигорье было обнаружено византийское серебряное блюдо с клеймом Ираклия (613 – 629/30).⁷

Клады, обнаруженные на территории Кавказа немногочисленны, по сравнению с Прикамскими находками. Большинство находок восточного серебра на Кавказе датировано VI – VII вв., причем, здесь также наблюдается синхронность сасанидских и византийских изделий. Хронологически, находки сасанидской торевтики на Кавказе синхронизируются с уральскими. Но

¹ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР //Археология СССР. Свод археологических источников. - М., 1962. - Вып. Е 4 – 4.

² Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР //Археология СССР. Свод археологических источников. - М., 1962. - Вып. Е 4 – 4. - С. 42.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - С. 145, табл. 50; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 126 - 127.

⁶ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро... - С. 42.

⁷ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. - М., 1967. - С. 75 (табл.).

означает ли это, что византийская и сасанидская торевтика поступала на Урал с территории Кавказа по Волго-Камскому торговому пути?

На всем протяжении Волжского торгового пути образцов византийской и сасанидской посуды не найдено. Правда, необходимо отметить, что на территории именьковской культуры на Волге было найдено 10 сасанидских монет середины V – середины VI вв.¹ Там же известен Кармалинский клад, содержащий сасанидские драхмы, серебряные изделия, серебряный лом и золотую фольгу.² В.Ю. Морозов предполагает, что сасанидская драхма завозилась к «именьковцам» по Волге.³ Кроме того, на основе анализа Кармалинского клада, проведенного Г.И. Матвеевой и В.Ю. Морозовым, было выдвинуто предположение, что принадлежал он местному ремесленнику-ювелиру, и сасанидская драхма использовалась здесь в качестве серебряного сырья.⁴ Наличие сасанидских монет середины VI вв. у именьковского населения может свидетельствовать о том, что какие-то связи между ними и населением Передней Азии и Кавказа в этот период существовали, но они едва ли были регулярными.

Основным потребителем восточной торевтики (согласно её количественному скоплению в регионе) было население Прикамья, возможно, использовавшее ее в культовых целях. Следовательно, можно предположить, что этнически отличное от прикамского, именьковское население, не заинтересованное в серебряных сосудах, кроме как в сырье, часть их отправляло в Прикамье. Этим можно объяснить отсутствие на именьковской территории находок византийского и сасанидского серебра.

Как считают исследователи, «отношения племен именьковской культуры и северных соседей складывались по-разному»: могли иметь место и про-

¹ Морозов В.Ю. Использование находок Сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // КЕС. - Самара, 1998. - С. 379.

² Там же. - С. 379.

³ Там же. - С. 379.

⁴ Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. - Самара, 1991. - С. 177.

тивостояние, и контакты, в том числе и этнокультурные.¹ Но в любом случае отсутствие интересующих нас находок в именьковских памятниках и в памятниках, соседствовавших с ними племен Волго-Камья и Приуралья определенно свидетельствует о том, что «именьковцы» не являлись передаточным звеном на пути поступления византийских и сасанидских сосудов в Прикамье.

Более четкое подтверждение и объяснение данного положения мы найдем, обратившись к концепции Е.П. Казакова о позднесарматской этнической принадлежности носителей именьковской культуры. Как считает исследователь, появление «именьковцев» в зоне Волго-Камской лесостепи явилось следствием вытеснения сарматских племен племенами, входившими в состав Первого Тюркского каганата. Но и находясь здесь, «именьковцы» оставались под политической гегемонией тюрков.² Подобная ситуация вообще едва ли способствовала оживленному торговому обмену населения Волго-Камья с Ираном или Византией.

В качестве основного фактора притока византийских и сасанидских изделий в Прикамско-Приуральский регион в первый период их поступления (конец VI – первая половина VII вв.) Т. Ноонан назвал военно-политический.³ Он выделил два типа отношений, в результате которых сасанидский и византийский импорт поступал в Прикамье: 1) отношение Сасанидской Персии и Византии со степью; 2) отношение степи с прикамским населением.

По мнению исследователя, в результате Ирано-Византийских войн, наиболее активных в VI – VII вв. сасанидская и византийская торевтика и монеты попадали к степным народам в виде трофеев и платы за союзничество. Основным передаточным звеном восточной торевтики в Прикамье, по мнению автора, были хазары, являвшиеся активными участниками Ирано-

¹ Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. - Т. I. Народы степной Евразии в древности. - Казань, 2002. - С. 214.

² Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье. // *Finno-Ugrica*. – 2011. - № 12 - 13. - С. 18 - 20.

³ Noonan Th. *Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval Period: An examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. - Wiesbaden, 1982. - V. II. P. 276.

Византийских войн и контролировавшие Волжский торговый путь до прихода на Среднюю Волгу болгар.

В этой связи необходимо отметить, что, несмотря на то, что хазары стали известны миру еще с конца VI в. н.э., их самостоятельное существование стало возможным только после распада Тюркского каганата. До этого момента хазары наряду с другими племенами – аланов, утигуров и пр., находились под властью тюрков.¹ Причем, как отмечает Л.Н. Гумилев, «...хазары настолько тесно связали свою судьбу с ханами Ашина, что греческие и персидские авторы употребляли названия «турк» и «хазар» как синонимы».² Тюрки являлись неперенными участниками ирано-византийских войн, выступая то на одной, то на другой стороне. Период с конца VI – начала VII вв. – это время наиболее напряженной борьбы между Ираном и Византией. В 603 г. после внутренней борьбы Тюркский каганат распался на две части – Западный и Восточный. Несмотря на то, что в период с 610 по 630-е гг. наблюдается заметный, но кратковременный расцвет Западнотюркского каганата, в ирано-византийские дела тюрки не вмешиваются. С этого момента активным участником этих войн становятся хазары. В этой связи известно византийское посольство некоего Андрея в 625 г., отправленное Ираклием к хазарам.³ Таким образом, можно отметить, что едва ли до 625 г. хазары могли самостоятельно контролировать низовья Волги и Волжскую торговую систему. Кроме того, как отмечает С.А. Ромашов, как самостоятельное государство Хазарский каганат возник в пределах 630-х годов на территории Герско-Кумского междуречья, и только к 643 г. охватывал территорию от Нижней Волги до Дербента.⁴

¹ Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата. Период формирования и расцвета (V – IX вв.): Автореф. дис. ... к.и.н. - М., 1992. - С. 6 - 7.

² Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 159 - 160.

³ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. - М., 1936. - С. 77.

⁴ Ромашов С.А. Историческая география хазарского каганата... - С. 7.

На существование альтернативного Волжскому торговому пути, связывавшего Уральский регион со странами Центральной и Средней Азии, указывают Р.Д. Голдина и А.Б. Никитин.¹

Учитывая это, можно сделать вывод о том, что в первой половине VII в. хазары, занятые управлением своих собственных территорий и ирано-византийскими войнами, контролировать Волжский торговый путь не могли. Кроме того, до VIII в. в материальной культуре средневекового населения Южного Урала хазарское (салтовское) влияние не прослеживается.

Материальная культура населения Прикамско-Приуральского региона VI – VII вв. формировалась под мощным культурным воздействием юга, что проявилось здесь не только в распространении восточной торевтики и монет, но и поясов, т.н., геральдического типа. В Прикамье этого времени распространены пояса агафоновского типа, имеющие различные типы геральдических украшений, дополненные украшениями, характерными исключительно для населения Средней и Верхней Камы – носителей неволинской, ломоватовской и полемской культур, – зооморфными, рожковыми, трубчочковидными пронизками. Для памятников кушнаренковской культуры (на территории современного Башкортостана) также характерны геральдического типа пояса. В массе своей – это пояса без украшений, характерных для прикамского населения, хотя на территории распространения кушнаренковской культуры они все-таки встречаются. Так в погребении 26, раскопа I Манякского Могильника была найдена одна зооморфная пронизка (Приложение 4, табл. 1: 77), в погребениях 22 и 25 – несколько трубчочковидных и рожковидных пронизок (Приложение 4, табл. 1: 33, 37).² Пронизки различных типов являются общей характерной чертой для погребальных комплексов кушнаренковской, неволинской, ломоватовской и полемской археологических культур Приуралья. Однако, по мнению В.А. Иванова, это не является жестким основани-

¹ Goldina R.D., Nikitin A.B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the region of Perm, the Kama-Urals area // Studies in Silk Road coins and culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. - Kamakura, 1997. - P. 111.

² Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. - М., 1981. - С. 10. Рис. 4.

ем для вывода об этнокультурном взаимодействии, а свидетельствует, скорее о наличии торгового обмена или брачных связей между носителями этих культур.¹

Геральдическая поясная гарнитура характерна и для памятников, исследованных на Средней Волге и в низовьях Камы. На основе анализа поясов Поволжья А.В. Богачев выделил несколько этапов в их эволюции.² Так, в развитии поясов геральдического типа в Поволжье прослеживается два этапа, синхронизирующиеся, по мнению автора, с агафоновской стадией ломоватовской культуры Прикамья конца VI – VII вв.: новоселковский (3-я четверть VI в.) и зиновьевский (2-я половина VI – VII вв.).³ Сравнив средневожские поясные наборы, с похожими по типу прикамскими материалами А.В. Богачев сделал вывод о «единонаправленности эволюции поясов в этих двух регионах».⁴

Таким образом, на территории Поволжья и Приуралья выделены три района распространения поясов с геральдическими украшениями: Поволжье, территория современного Башкортостана и Среднее и Верхнее Прикамье. Здесь сразу же возникает вопрос о направлении культурных контактов. На наш взгляд, геральдическая поясная гарнитура зиновьевского этапа поясов (по А.В. Богачеву) Поволжья имеет типологическое сходство с материалами турбаслинской археологической культуры. Кроме того, некоторые материалы Кушнаренковского могильника, относящиеся к турбаслинской культуре, А.В. Богачев объединил в зиновьевский этап формирования поясов в Поволжье.⁵

Геральдическая поясная гарнитура населения Прикамья – материалы неволинской, ломоватовской и полемской культур – отличается некоторым своеобразием, несмотря на общую тенденцию в ее распространении. Воз-

¹ Иванов В.А. Древние Угры-мадьяры в Восточной Европе. - Уфа. 1999. - С. 71 - 72.

² Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. - Самара, 1992. - С. 140 - 160.

³ Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования ... - С. 159.

⁴ Там же. - С. 158.

⁵ Там же. - С. 154. - Рис. 28.

можно, это объясняется тем, что носители указанных культур являлись оседлыми жителями лесной полосы с комплексными хозяйством, одной из составляющих которого была металлургия¹. Население Прикамья получало модные импульсы из степи и перерабатывало их в местной культурной среде. Поэтому в Прикамских памятниках отсутствуют некоторые типы поясных украшений, характерные для степи. Так, среди прикамских находок отсутствуют накладки с двумя фигурными концами, накладки полуовальной формы с круглым вырезом в основании, двулепестковые накладки с переключной в нижней части, характерные для зиновьевского этапа развития поволжских поясов и памятников турбаслинской культуры.² Кроме того, большая часть памятников, содержащих предметы геральдической поясной гарнитуры зиновьевского этапа поясов Поволжья, сосредоточены на правом берегу среднего и верхнего течения Волги, за исключением памятников турбаслинского типа, расположенных в бассейне р. Белой.³ Между населением Прикамья и населением оставившем памятники с геральдикой на правом берегу Волги никаких следов контактов не прослеживается. Не было их и у населения Прикамья с носителями именковской культуры. Однако, во второй половине VI в. прослеживаются контакты между носителями именковской и турбаслинской культур, о чем свидетельствуют материалы Коминтерновского II могильника.⁴ Е.П. Казаков связывает такого рода памятники с джетысарской культурой Приаралья, учитывая, помимо всего прочего «обычные пути миграции кочевого населения Приуралья, которое на зиму отходило в Приаралье». А согласно его новейшим выводам, о чем было сказано

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Ижевск, 1985. - С. 156 - 162.

² Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты... - С. 153 - 155; Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. - Уфа. 1998. - С. 69 - 72.

³ Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты. - С. 72 - 73. - Рис. 1.

⁴ Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // КЕС. - Самара, 1998. - С. 97 - 111.

выше, «именьковцы» – осевшие сарматы.¹ К сарматскому этнокультурному миру исследователь относит и носителей турбаслинской культуры.²

Этот вывод дает ответ и на вопрос о характере именьковско-турбаслинских контактов в VI – VII вв., ярким свидетельством которых являются кольцевые подвески с выпуклинами (Приложение 4, табл. 1: 36), характерные для памятников Урало-Поволжья IV – IX вв. В Волго-Камском регионе такие подвески встречаются в памятниках именьковской культуры. А.В. Богачев связывает их появление в регионе именно с именьковским населением, о чем свидетельствуют не только сами подвески, но и литейные формы для их изготовления, обнаруженные на I Именьковском городище.³ Подобные подвески имели широкое распространение в юго-восточном регионе, в позднесарматских и позднескифских комплексах, на памятниках зарубинецкой и лужицкой культур. Известны они и на Кавказе в сарматских погребениях II в. до н. э. – III в. н. э. и в поздних памятниках алан.⁴ А.В. Богачев, составив типологию подвесок с выпуклинами пришел к выводу о том, что «... наиболее ранние экземпляры найдены на памятниках именьковской культуры, где датируются IV – VI вв. ... несколько позднее (в V – VI вв.) кольцевые подвески с выпуклинами попадают в районы Южного Приуралья (бахмутинская культура). С VI в. эти подвески появляются в материалах неволинской культуры, и лишь в конце VI – VII вв. – на Верхней Каме в материалах ломоватовской культуры, где они взаимодействуют с поясными украшениями геральдического типа».⁵

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что территория Волго-Камья в середине VI – VII вв. испытывала культурное влияние с юга, что проявилось в распространении здесь поясов раннего геральдическо-

¹ Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // КЕС. - Самара, 1998. - С. 101.

² Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье... - С. 19; Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V – VIII вв. н. э.). - Уфа: «Гилем». - С. 110.

³ Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // КЕС. - Самара, 1998. - С. 155 - 156.

⁴ Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. ... - С. 153 - 154.

⁵ Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами ... - С. 154.

го типа и украшений, известных как в юго-восточном регионе, так и на Кавказе и территории Приаралья. Основным проводником развития новых тенденций в материальной культуре населения Волго-Камья, скорее всего, выступало население Волго-Уральской лесостепи – носители турбаслинской и именьковской культур, от которых (или через посредство которых) некоторые типы украшений и поясной гарнитуры проникали к племенам неволинской и ломоватовской культур. Таким образом, со второй половины VI в. направление культурных связей в Волго-Камском регионе осуществлялось через население Камско-Бельского бассейна, родственного между собой или имевшего какие-то близкие культурные традиции.

Вероятнее всего, та же тенденция сохраняется и с приходом сюда кочевого населения – носителей кушнаренковской культуры (конец VI – VII вв.). Как уже было сказано выше, о контактах между кушнаренковским населением и носителями неволинской и ломоватовской культурами свидетельствуют поясные украшения – пронизки, широко встречающиеся в памятниках Прикамья и в нескольких экземплярах представленные в памятниках кушнаренковской культуры.

Если говорить об особенностях материальной культуры кушнаренковцев, то можно отметить, что она также испытывала на себе влияние юга, что проявилось в распространении здесь поясов геральдического типа. Однако, как уже отмечалось, геральдическая поясная гарнитура была распространена на широком пространстве от Восточной Европы до Приаральских областей.

Материалы кушнаренковских памятников показывают широкое разнообразие и типов и вариантов геральдики, распространенной на всем этом пространстве. Так, например, материалы I погребения Маняжского могильника выделяются особым своеобразием на фоне всех остальных украшений геральдического типа этого периода. Фактически все поясные бляшки имели подкладку из фольги, были украшены штампованным орнаментом в виде

ложной зерни.¹ Обращает на себя внимание ременной наконечник с рельефными изображениями грифонов (Приложение 4, табл. 1, 40).² Изображение грифона характерно для византийских и балканских памятников, где он выступает «... в роли благожелательного по отношению к человеку монстра, победителя злых сил».³ Единственный, похожий наконечник с рельефными изображениями известен среди алтайских материалов кудыргинской хронологической группы (VI – VII вв.) (Приложение 4, табл. 3, рис. IV, 5).⁴ То обстоятельство, что грифоны, изображенные на наконечниках относятся к византийской художественной традиции, чуждой тюркской и угорской (кушнаренковской), наводит на мысль о том, что сделаны они были либо византийскими мастерами, либо мастерами, прошедшими византийскую выучку. В этой связи можно отметить, что вплоть до 70-х годов VII в. византийцы, тесно взаимодействуя с варварами, преподносили им, так называемые «дипломатические дары», которые включали в себя предметы вооружения, изготовленные, как правило, по восточным образцам, а также различные сокровища и пояса.⁵ Возможно, что именно таким образом этот и подобный ему кудыргинский наконечник попали к тюркам, являвшимся союзниками Византии в ее войнах с Ираном, а от них – к носителям кушнаренковской культуры, которые до их прихода на территорию бассейна р. Белой, вероятно, находились под тюркским влиянием. На юго-восточные связи указывают также и стрелы из погребений Манякского могильника, аналогии которым Н.А. Мажитов так же находит в кудыргинских материалах.⁶

В целом, анализ наиболее часто встречающихся в кушнаренковских погребениях предметов материальной культуры, выделенных В.А. Ивановым в комплекс связанных признаков (КСП) I (конец VI – VII вв.) и КСП-II (конец

¹ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. - М., 1981. - С. 6, 8. - Рис. 3.

² Там же. - С. 8. - Рис. 3; 10

³ Даркевич В.П. Пути средневековых мастеров. - М., 1972. - С. 48.

⁴ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М. - Л., 1965. - Табл. XVIII, 24.

⁵ Львова З.А., Маршак Б.И. Вещи византийского и местного производства, предназначенные для кочевнической знати, и иранские вещи // Сокровища хана Кубрата. - СПб, 1997. - С. 70.

⁶ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. - М., 1981. - С. 27.

VII – VIII вв.)¹, показывает ее синкретичный характер, поскольку здесь встречаются материалы, имеющие аналогии в памятниках как юго-западных, так и юго-восточных районах. Так, предметы геральдической поясной гарнитуры, входящих в КСП-I находят себе аналогии среди аварских древностей Юго-Восточной Европы, болгарских материалов Крыма и Прикубанья, аланских материалов Северного Кавказа.

На наш взгляд, наибольшее сходство обнаруживается между кушнаренковской геральдикой и геральдикой, характерной для памятников джетыасарской культуры Приаралья. Об этом свидетельствует типологическое сходство якорьковидных, Е-образных, Х-образных и др. накладок, мечеобразных наконечников и пр. (см: Приложение 4, табл. 3). Как правило, от восточноевропейских и крымских их отличает отсутствие дополнительных украшений в виде прорезей и пр. На наличие определенных контактов между кушнаренковским и джетыасарским населением указывают также и некоторые другие типы украшений – это каплевидные подвески (Приложение 4, табл. 1: 30; табл. 3, рис. I, 47, 48; рис. II, 20) из Маняжского могильника и Лагеревских курганов, а также подвеска с несомкнутым кольцом и пирамидкой зерни на нем из Лагеревского кургана.² Каплевидные подвески встречаются так же в памятниках неволинской, ломоватовской и полемской культур, однако, в отличие от подвесок кушнаренковской и джетыасарской культур, они имеют сомкнутое кольцо. В целом же, указанные экземпляры имеют больше типологического сходства именно с подвесками, известными в памятниках джетыасарской культуры Приаралья.

В памятниках джетыасарской культуры отсутствуют т.н. накладки-псевдопряжки, характерные для материалов кушнаренковской культуры и культур Прикамья. По мнению И.О. Гавритухина и В.Ю. Малашева, псевдопряжки являются характерной чертой материальной культуры степных

¹ Иванов В.А. Древние Угры-мадьяры в Восточной Европе. - Уфа, 1999. - С. 43 - 46. - Рис. 3

² Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XI вв. - М., 1981. - С. 14, рис. 6, 14. - С. 22, рис. 10, 34. - С. 23, рис. 11, 9; Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. - М., 1996. - С. 339, рис. 144, 50, 51.

народов, через посредство которых они появились у народов Поднепровья, Карпат и Кавказа, а распространение их связывают с деятельностью тюрков.¹

В крымских и кавказских материалах находят себе аналогии лировидные пряжки (Приложение 4, табл. 1: 1, 2) из Манякского могильника и Ново-Биккинского кургана кушнаренковской культуры, выделенные В.А. Ивановым в КСП II. Однако лировидные пряжки, подобные пряжкам из Манякского могильника, известны и в памятниках джетыясарской культуры. Известны они также в ломоватовских и неволинских памятниках.

На южные контакты указывают и серьги-подвески в виде несомкнутого кольца с граненым грузиком на конце (Приложение 1, табл. 1, 26), характерные для памятников кушнаренковской культуры, объединенные В.А. Ивановым в КСП-II. Аналогичные им украшения известны в погребениях могильника Дюрсо близ Новороссийска и могильника Чми на территории Северного Кавказа.² Кроме того, из погребения Ново-Биккинского кургана кушнаренковской культуры известна бронзовая нашивка в виде фигурки животного, подобные которой известны в Кугульских склепах и среди находок из ст. Преградной на Северном Кавказе, датированные VII в.³

На контакты кушнаренковского населения с населением Прикамья (неволинской и ломоватовской культур) указывает также наличие в памятниках кушнаренковской культуры арочных шумящих подвесок (Приложение 4, табл. 2: 67), выделенных здесь В.А. Ивановым в КСП – II. В Прикамье такие подвески характерны для бартымской стадии (конец VI – VII вв.) неволинской культуры. Общими для Прикамско-Приуральских культур являются, т.н., крестовидные медальоны (Приложение 4, табл. 1, 24), которые

¹ Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС. - Самара, 1998. - С. 57, 58.

² Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII вв. - М., 1982. - С. 81 - 98; Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. - М., 1989. - С. 113, рис. 27; 19.

³ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. - М., 1989. - С. 110, рис. 24; 14. - С. 123. Рис. 37; 31. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. - М., 1981. - С. 17, рис. 8; 17.

Р.Д. Голдина считает типичным признаком деменсковской стадии ломоватовской культуры (конец VII – VIII вв.).¹

Таким образом, можно отметить, что материальная культура «кушнаренковцев» формировалась под влиянием восточно-европейского, кавказского и крымского культурных импульсов, испытывала влияние со стороны джетыясарской культуры Приаралья, и неволинской и ломоватовской культур Прикамья. Все металлические предметы материальной культуры кушнаренковского населения являются импортом, поскольку у нас нет никаких оснований полагать о наличии у них металлообрабатывающего ремесла. Носители кушнаренковской культуры в Приуралье характеризуются подвижным образом жизни, о чем свидетельствуют их кратковременные стоянки. Вместе с тем, у подножия Кузубаевского I городища недалеко от устья р. Иж обнаружен клад мастера-ювелира конца VII в. н.э. В состав клада, кроме набора инструментов ювелира и сырья в виде бронзовых и латунных слитков, входили мастер-модели для изготовления «геральдических» пряжек, поясных накладок, наконечников и подвесок-серег, характерных именно для кушнаренковских вещевых комплексов.² Особенно обращает на себя внимание зооморфная подвеска плоского литья, практически идентичная подвеске из Ново-Биккинского кургана кушнаренковской культуры.³ Таким образом, во-первых, совпадение двух редких артефактов, найденных на различных по своему характеру памятниках, во-вторых, наличие на Кузубаевском I городище комплекса кушнаренковской керамики⁴, и в-третьих, датировка Кузубаевского клада концом VII в., когда «кушнаренковцы» уже обитали в бассейне р. Белой, дают нам основание предположить, что именно они, в силу своей подвижности, являлись проводниками евразийской моды на геральдические

¹ Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. - Вып. 158, 1979. - Рис. 1, 2.

² Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. - Ижевск, 2011. – С. 6 – 23.

³ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. - М., 1981. - Рис. 8, 17.

⁴ По данным В.А. Иванова, приведенным в рукописи его докторской диссертации, на Кузубаевском I и расположенном поблизости Благодатском I городищах в общей сложности собраны фрагменты от 262 кушнаренковских сосудов.

пояса у населения лесного и лесостепного Приуралья. Об этом свидетельствует их широкое распространение в Прикамье – в памятниках неволинской, ломоватовской и полемской культур и фактическое их отсутствие в памятниках на Средней Волге и в месте впадения в нее Камы, в частности у именьковского населения. Это обстоятельство является еще одним аргументом в пользу того, что с конца VI в. широкое значение приобретает степной путь из Средней Азии в Прикамье и деятельность его связана именно с пришлым, кушнаренковским (зауральско-западносибирским) населением. Кроме того, массовый приток сасанидской, византийской и среднеазиатской посуды в Прикамско-Приуральский регион совпадает по времени с распространением на территории Башкортостана памятников кушнаренковской, а затем и родственной ей караякуповской культур.

Этническая принадлежность последней также активно дискутируется современными исследователями, среди которых большинство, начиная с А.Х. и Е.А. Халиковых, считают «караякуповцев» уграми-мадьярами.¹

Материалы, известные в памятниках караякуповской культуры также свидетельствуют о контактах ее носителей с юго-восточным населением, и, прежде всего, с территориями, находившимися под влиянием тюрков. Это проявляется в распространении среди караякуповского населения тюркских наборных поясов с прямоугольными и полуовальными рамчатыми накладками. Кроме того, в памятниках караякуповской культуры известны поясные накладки и пряжки, имеющие аналогии среди согдийских материалов середины – третьей четверти VIII в., – это полуовальные накладки с фестончатыми краями и прорезью у основания (Приложение 4, табл. 2: 48) из погребений Хусаиновских курганов; овалнорамчатые пряжки с прямоугольным щитком (Приложение 4, табл. 2: 43, 44) из Хусаиновских, Бекешевских и др. курга-

¹ Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. - Кемерово, 1984. - С. 122 - 133; Иванов В.А. Древние Угры-мадьяры в Восточной Европе. - Уфа, 1999; Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. - Казань, 2007; Fodor I. Magyarország története 1. Őstörténet és honfoglalás. - Budapest. - Kossuth Kiadó. - P. 38-47.

нов; овальнорамчатые пряжки с удлиненным округлым щитком (Приложение 4, табл. 2: 34, 35) из Хусаиновских, Лагеревских и др. курганов; ременные наконечники с фестончатыми краями (Приложение 4, табл. 2: 21, 22) из Хусаиновских курганов и пр. Ременные накладки и наконечники с фестончатыми краями известны и в Приаральских памятниках джетысарской культуры.¹

Азиатское влияние на материальную культуру караякуповского населения проявилось и в распространении здесь принадлежностей конского снаряжения, клинкового оружия.²

¹ Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. - М., 1996. - С. 327. - Рис. 132; 36, 48, 55.

² Овсянников В.В. Развитие вооружения в лесостепном Приуралье во второй половине I тысячелетия н.э. // КЕС. - Самара, 1998. - С. 297, 301.

3.2. Военно-политическая ситуация в Передней и Средней Азии и Евразийской степи в эпоху раннего средневековья

Относительно факторов поступления восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион существуют две точки зрения: с одной стороны – торговый, с другой – военно-политический. Часть исследователей, в этой связи, полагала, что восточное серебро поступало в Прикамье в результате торгового обмена на пушнину.¹ Последовательным сторонником этой точки зрения является В.П. Даркевич.² Другие исследователи основную массу серебра рассматривают в качестве военных трофеев, полученных в результате набегов кочевников на Иран, а также в качестве дипломатических даров.³

Начало массового поступления восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион мы отнесли ко второй половине VII в. О непосредственных торговых отношениях между населением Передней Азии и Прикамья в это время говорить сложно, поскольку вся степная зона, лежащая между Ираном и Византией, с одной стороны, и Уралом – с другой, находилась в движении, начало которому было положено Великим переселением народов. Множество кочевых племен, враждующих между собой и империями не могли создать благоприятной обстановки для торговли. Следовательно, был только один вариант проникновения восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион – посредством кочевых племен. В этой связи необходимо отметить, что кочевое население связано с оседлыми жителями (коими в данном случае являются население Прикамья, Ирана, Византии) множе-

¹ Ахмеров Р.Б. Серебряный кувшин из Башкирии // СА. - 1963. - № 4. - С. 157; Смирнов А.П. Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области // КСИИМК. – 1947. - Вып. XIV. - С. 48; Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV вв. - М., 1983. - С. 119; Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье // На Западном Урале. - Молотов, 1951. - С. 186; Маршак Б.И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. - СПб, 2006. - С. 72 - 82 // Электронный ресурс. Режим доступа marshak-bi-2006.htm.

² Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - С. 143 - 152; Даркевич В.П. Клад из эпохи Сасанидов // Родина. - Май, 2001. - С. 12 - 13.

³ Тревер К.В. Серебряное навершие Сасанидского штандарта // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. – Л., 1940. - С. 179; Noonan Th. Russia, the near east, and the Steppe in the earli Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area // Archivum Eurasiac Meclli Aevi. - Wiesbaden, 1982. - V.II. - P. 274 - 276; Goldina R.D., Nikitin A.B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the region of Perm, the Kama-Urals area // Studies in Silk Road coins and culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. - Kamakura, 1997. - P. 111.

ством разнообразных факторов: экономическими, социальными, политическими и культурными. Важную роль в экономической жизни играет обмен продуктами скотоводства и земледелия. Политическое влияние кочевников на оседлое население еще более значительное, поскольку на протяжении всей истории ежегодные мирные миграции кочевников-скотоводов превращались в агрессивные, стоило только немного ослабнуть власти централизованного государства. Кроме того, кочевников-скотоводов, как правило, нанимали в качестве дополнительной силы в моменты противостояния двух держав, для ослабления позиций противника. Этот процесс происходил и в рассматриваемый период. В плане культурного влияния кочевники, в силу своей подвижности, как правило, выступали связующим звеном между отдаленными регионами, являясь распространителями новых культурных веяний.

В этой связи, нам необходимо вновь обратиться к точке зрения Т. Ноонана, который предполагал, что сасанидские и византийские монеты и торевтика попадали в Прикамско-Приуральский регион при разных обстоятельствах в два этапа.¹ На первом этапе сасанидские и византийские изделия попадали кочевникам в виде платежей и добычи во время войн. На втором, кочевники, участвующие в Ирано-Византийских войнах поставляли их в Прикамье в обмен на пушнину, которая пользовалась у них большим спросом.² Таким посредником Т. Ноонан считал хазар. Кроме того, он говорил о том, что с конца VI по середину VII вв. действовал Волжский торговый путь из Закавказья, а со второй половины VII по IX вв. – степной путь из Средней Азии, по которому на Урал поступала торевтика.³ В качестве основного пути проникновения восточного импорта исследователь выделяет степной путь из Средней Азии, через Приаралье, Оренбургские степи, территорию современного Башкортостана, и далее – вверх по Каме. Этот путь активизировался в

¹ Noonan Th. Russia, the near east, and the Steppe in the earli Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area // Archivum Eurasiac Meclii Aevi. - Wiesbaden, 1982. - V.II. - P. 276 - 285.

² Там же.

³ Noonan Th. Russia, the near east, and the Steppe in the earli Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area...

VII в. с приходом в Приуралье носителей кушнаренковской, а затем караякуповской культур.

Близкую схему динамики поступления образцов восточного импорта в Прикамье выстраивает Б.И. Маршак. Согласно этой схеме, в первой половине VII в. «согдийцы начинают экспорт своих собственных сосудов в дополнение к персидским и византийским».¹ То есть, Волжский торговый путь еще действовал, но в него «вклинились» или двигались параллельно ему торговые караваны из Средней Азии. В VII – VIII и IX вв. согдийский импорт становится доминирующим² и здесь мы уже можем говорить не только о наличии Степного торгового пути, но и обозначить его маршрут, который (едва ли в этом стоит сомневаться) в 922 г. был пройден Ахмедом ибн-Фадланом.

Для того чтобы выяснить обстоятельства, которые способствовали этому процессу, нам необходимо обратиться к исторической и этнополитической ситуации, которая сложилась в этот период.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что Прикамско-Приуральский регион является местом максимального сосредоточения византийской и сасанидской торевтики, но далеко не единственным. Так, несколько иранских сосудов VI – VII вв. были обнаружены на территории Армении – г. Нор-Баязет (совр. г. Камо); Дагестана, Северной Осетии (Урздонское ущелье); в г. Грозном.³ Клады, содержащие сасанидскую торевтику были обнаружены и на Украине – с. Лимаровка, Павловка, Малая Перещепина, Глодосы, Хомяково.⁴ Всего на территории Украины было обнаружено девять сосудов эпохи Сасанидов. Помимо сасанидских, на Украине были найдены сосуды византийского производства с клеймами. Одно из них, обнаруженное у с. Павловка Харьковской губернии датировано последней четвертью IV в. н.э.; два блюда с клеймами Маврикия (582 – 602 гг.) и одно – Ираклия (629/30 – 641 гг.)

¹ Маршак Б.И. Серебро за меха...

² Там же.

³ Даркевич В.П. Художественный металл Востока. - М., 1976. - С. 145, табл. 50; Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 126, 127.

⁴ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 126, 127.

происходят из Перещепинского клада Полтавской губернии.¹ Кроме того, на территории Украины были найдены несколько фрагментов византийских серебряных сосудов VI – VII вв., у с. Нескребовка на Днепропетровщине; у с. Мартыновцы на Киевщине.² По мнению Л.А. Мацулевича, с учетом фрагментарных находок серебряных блюд, количество византийских сосудов, найденных на Украине можно довести до 14 – 15.³ Два серебряных византийских блюда последней четверти IV в. происходят из Керчи.⁴ Одно византийское блюдо с клеймом Ираклия (613 – 629/30) было найдено на Кавказе в Пятигорье.⁵ Кроме того, можно отметить несколько блюд и чаш сасанидского производства, купленных в разных районах Кавказа, но место находки которых неизвестно: чаша со сценой охоты и Сенмурвом конца VI – VII вв. из Терской области; бутылка VI – VII вв. с изображением птицы и Сенмурва и хорезмийская серебряная чаша VII в. с изображением божества на драконе, купленные в Дагестане; блюдо с изображением охоты царя на львов конца VI – первой половины VII вв., купленное в Кутаиси, в Грузии.⁶

С территории Кавказа, таким образом, происходит 7 известных нам блюд сасанидского производства VI – VII вв., одно византийское 613 – 629/30 г, и одно хорезмийское – VII в. Хронологически, кавказские и украинские находки синхронизируются с Прикамско-Приуральскими, большая часть которых относится к VI – первой половине VII в. Кроме того, на лимаровском блюде из Харьковской губернии имеются две надписи – среднеперсидская и согдийская самаркандским письмом, как и на многих блюдах, найденных на Урале.⁷ Это свидетельствует о том, что прежде чем попасть на Украину, блюдо это находилось на территории Средней Азии.

¹ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. - М., 1967. - С. 75. табл.

² Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. - 1940. - № 1. - С. 140.

³ Там же.

⁴ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в... - С. 75. табл.

⁵ Там же.

⁶ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 127.

⁷ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 112, 113, 121, 122.

Таким образом, можно выделить три региона – Юго-Восточная Европа (Украина), Кавказ, Прикамье и Южное Приуралье – где было обнаружено множество кладов, содержащих сасанидскую и византийскую торевтику.

На территории Восточной Европы известны также клады и отдельные находки, византийских солидов IV – VII вв., клады серебряных византийских монет VII в., отдельные находки медных византийских монет IV – VII вв.¹ Отдельные находки византийских монет VII в известны на Северном Кавказе, в Молдавии, в Прибалтике.² Многие золотые монеты имеют отверстия с ушками, что, по мнению В.В. Кропоткина свидетельствует о слабом денежном обращении в эпоху Великого переселения народов, а также о том, что все эти сокровища скапливались в руках варварской знати и подвергались усиленной демонетизации.³

Отдельные находки иранского производства эпохи Сасанидов известны в Сибири. Это, прежде всего, серебряное навершие сасанидского штандарта VII в, а также находки в настоящее утраченные, но известные по описаниям.⁴ Затем – детали серебряного ритона и три блюда со сценой штурма замка, пира царя Давида и охоты шаха Ездигерда I на быков. Все изделия датируются VIII – началом IX вв.⁵

Для того чтобы ответить на вопрос о том, при каких обстоятельствах сасанидские и византийские изделия и монеты попадали в степь, нам необходимо рассмотреть военно-политическую историю Ирана и Византии.

Сасанидская империя с самого момента ее образования в первой трети III в. вела многочисленные войны с существовавшей тогда Римской империей. Войны эти носили локальный характер и велись преимущественно за господство на Переднеазиатских территориях. В III в. некогда мощная и сильная

¹ Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в Тыс. н. э. - М., 1967. - С. 115.

² Там же. - С. 115.

³ Там же. - С. 117.

⁴ Тревер К.В. Серебряное навершие сасанидского штандарта // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. - Л., 1940. - С. 167 - 168, 179.

⁵ Бауло А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. - С. 12 - 27 // Электронный ресурс. Режим доступа <http://hmao.kaisa.ru/object/1808875994?lc=ru>.

Римская держава, раздираемая внутренними противоречиями с одной стороны, усугубившимися многочисленными нападениями варваров – с другой, начала распадаться.

В IV в. это привело к образованию на ее месте двух самостоятельных государств – Западной Римской империи и восточной – Византийской империи. Сасанидская Персия в этот период продолжает развиваться и крепнуть.

К V в. Византия и Сасанидский Иран по площади, занимаемой ими территории и по политическому статусу были равновеликими державами.

Внешняя политика Сасанидской Персии развивалась преимущественно в двух направлениях: северо-западном и восточном. На Западе Персия граничила с Византией, сущность и характер отношений с которой она унаследовала от парфянских Аршакидов. Поэтому вся история сасанидского периода характеризуется постоянными войнами с Византией. Кроме того, Ирано-Византийские отношения всегда, так или иначе, были связаны с политикой обеих сторон в отношении многочисленных кочевых племен, населявших территории Северного Кавказа, Юго-Восточной Европы, и Средней Азии. Споры между двумя державами велись в основном за владычество над народами Переднего Востока и Северного Кавказа, особенно пограничных областей. Помимо политических, интересы Ирана и Византии касались и экономических вопросов. В частности, остро стоял вопрос о караванных путях из Китая и Индии в Черноморье и Средиземноморье, основной отрезок которых контролировался Ираном.¹

Если на Западе постоянной соперницей сасанидской Персии была Византия, то в восточных её пределах мы такого постоянства не наблюдаем. Кроме того, восточная граница Персии на всем протяжении правления Сасанидов не была устойчивой. Здесь им постоянно приходилось вести борьбу с Кушанской империей, часть территорий которой впоследствии вошли в пре-

¹ Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. XIв. н.э. - Ставрополь, 1999. - С. 93.

дела Ирана, эфталитами, тюрками и пр., что приводило к дестабилизации границы.

Основной, массовый поток восточной торевтики в Прикамско-Приуральский регион начинается со второй половины VII в. по степному пути, хотя можно предположить, что отдельные экземпляры могли попасть и раньше.

Обращает на себя внимание то, что из 29 сасанидских сосудов 11 имеют надписи VII – VIII вв., из которых 4 написаны согдийским письмом, одно серебряное блюдо 390 – 420 гг. из Керчевского клада имеет согдийскую надпись самаркандским письмом V – VI вв., одно блюдо, найденное у д. Стрелки имеет эфталитскую надпись. Блюдо из Бартымского клада 1925 г. и чаши из кладов 1951 и 1957 гг. – хорезмийские надписи. Кроме того, среднеперсидская и согдийская (самаркандская) надписи имеются на серебряной бутылке, обнаруженной у с. Лимаровка Харьковской губернии.¹ Соответственно, можно предположить, что прежде чем попасть в Прикамье, сосуды эти находились где-то на территории Средней Азии, возможно в Согде. А хронологический диапазон надписей на сасанидских сосудах (VI – VIII вв.) может дополнительно свидетельствовать о запаздывании их ввоза в Прикамье. Кроме того, известно блюдо с изображением Варахрана V (421–438), обнаруженное в Индии.² Так же обращает на себя внимание наличие среди Прикамских находок двух блюд, изготовленных в районе Афганистана – Северо-Западной Индии – серебряное блюдо (IV – V вв.) из Вереинского клада. Все это, вместе с находками в составе Чилекского клада на территории Узбекистана (сасанидское блюдо с изображением Пероза (457–484), эфталитские и согдийские сосуды) наводит на мысль о том, что восточная торевтика до того, как попасть в Прикамско-Приуральский регион находилась в среде среднеазиатских кочевых племен-хионитов, эфталитов, тюрков и подвластных им территориях Согда и Хорезма.

¹ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 112 - 113, 121, 122.

² Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 63.

Торевтика, как и многие другие памятники эпохи Сасанидов, относится к жанру придворного, прокламативного искусства. Поэтому, имея такую предназначенность, она не могла являться предметом торговли. Она была гордостью персидских царей и знати, украшением и знаком особого отличия. На сосудах изображались чаще всего шахи и божества зороастрийского пантеона в образе животных. За определенные заслуги на торевтике могли сделать изображение какого-либо знатного лица, как это, например, произошло с армянским полководцем Мушегом.¹ Поэтому в отношениях сасанидских шаханшахов со своими соседями, торевтика могла выполнять дипломатическую роль драгоценного дара с одной стороны, либо захватываться как трофей, привлекая внимание металлом, из которого она изготовлялась – с другой. Именно таким образом она могла попасть в среднеазиатские степи.

Обращает на себя внимание и сюжетный репертуар произведений восточной торевтики Прикамья и Приуралья, явно свидетельствующий о неких эстетических и мировоззренческих традициях потребителей этих изделий. Нами было учтено 115 экземпляров образцов восточной торевтики III – IX вв. – блюд, чаш, кувшинов, кружек, ведер. Одним из самых распространённых сюжетов, представленных на образцах восточной торевтики, выделяются сюжеты царской охоты, изображения всадника или коня – всего 20 экземпляров. Большая часть подобных сосудов относится к сасанидской художественной традиции (11 экземпляров из 20), 1 – к византийской, а остальные к различным районам Средней Азии.

Часто встречаются блюда, бутылки и кувшины с изображением всадницы (богини), либо нагих женщин – 9 экземпляров, 3 из которых происходят из сасанидского Ирана. Одно большое блюдо с изображением флейтистки на сказочном звере было произведено на территории постсасанидского Ирана (VII – VIII вв.). Блюдо с изображением богини и оленя (конца VIII – первой половины IX вв.) происходит из восточных районов Средней Азии. Четыре

¹ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 38 - 39.

хорезмийские чаши VII – первой половины VIII вв. содержат изображения четырехрукой богини.

Изображение горных козлов с ошейниками встречены на четырех согдийских сосудах середины VIII в.

Изображения фантастических зверей – крылатых верблюдов, сенмурвов – известны на двух предметах – блюде и кувшине VII – VIII вв.

Изображение орла, несущего женщину и орла с газелью в когтях встречены на трех блюдах и бутылки VI – VIII вв., относящихся к сасанидскому и постсасанидскому времени.

Из наиболее часто встречающихся сюжетов является изображение креста в венке на блюдах византийского производства VI – VII вв. – 6 экземпляров.

Многочисленны блюда, кувшины и кружки с растительным орнаментом – 15 экземпляров. Практически все они относятся к среднеазиатской художественной традиции второй половины VIII – IX вв.

Среди прочих, можно выделить группу сосудов среднеазиатского производства, на которых вычеканена розетка – 6 экземпляров.

Часто встречаются блюда на которых изображены различные животные и водоплавающие птицы, как сасанидского, так и среднеазиатского производства. В целом, подобные сюжеты встречаются в единичных экземплярах и не поддаются какой-либо группировке.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что наиболее часто повторяющимися сюжетами на блюдах являются изображение всадника, охотящегося на животных (либо просто коня); богини (всадницы), либо нагих женщин; орла; водоплавающих птиц; сюжеты с растительным орнаментом.

Можно предположить, что отбор сюжетов и образов сасанидской торевтики каким-то образом регулировался традиционными финно-пермскими и угорскими верованиями и мифологией. Например, изображение коня из-

вестно в Приуралье давно и выступает в космическом значении еще в ананьинскую эпоху. В конце I – начале II тыс. н. э. изображения коня становятся наиболее многочисленными – подвески в виде фигурок коня, биконьковые шумящие подвески, что объясняется развитием новых форм земледельческого хозяйства.¹ Конь олицетворял добро и счастье, был символом солнца, и именно поэтому все подвески-коньки украшены кружковым орнаментом. «Образ коня повсеместно связан с солнцем и богиней природы – матерью всего сущего... Конь был так же символом благоденствия, счастья и плодородия».²

Образ охотника (царя на охоте) – наиболее часто встречающийся образ на сасанидской посуде Прикамья и Приуралья. Сосуды с этим сюжетом численно преобладают среди всех находок сасанидской посуды. Из 29 предметов восточной торевтики на Урале, сюжет царской охоты представлен на 11 сосудах, в числе которых три блюда со сценой охоты, хотя документальных сведений о них нет. Так, один из научных сотрудников Краеведческого музея Башкирской АССР сообщил об увиденном им фрагменте большого серебряного блюда в Аургазинском районе БАССР близ с. Асламбаева, а также передал рассказ крестьянина д. Анненково Покровского района БАССР о найденных поблизости двух больших серебряных тарелках с изображением всадников и зверей, которые последний продал коробейнику.³ По утверждению М.И. Касьянова, блюдо из Аургазинского района сасанидского происхождения.⁴

Вообще образ всадника оказывается наиболее устойчивым в декоративном искусстве населения Прикамья и Приуралья эпохи средневековья. Прежде всего, это изображения на, так называемых бляхах с сокольничьем, которые были широко распространены в Прикамье в XII – XIII вв. (могиль-

¹ Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // Из истории докапиталистических формаций. - ИГАИМКА. - Вып. 100. - М. – Л., 1933. - С. 255 - 256.

² Там же. - С. 265.

³ Вошинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI – VII вв. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) // СА. - 1953, XVII. - С. 193 - 194.

⁴ Там же. - С. 193.

ник Телячий Брод). В.Ю. Лещенко, исследовав в свое время бляхи с сюжетом соколиной охоты, пришел к выводу о том, что сюжет их был заимствован из искусства Ирана и Средней Азии X – XII вв., а образцами для их изготовления могли быть и «близкие к ним по размерам диски IX – X вв. из Ирана с сюжетом соколиной охоты».¹ А.М. Белавин относит данные бляхи к болгарскому импорту и говорит о них как о показателе высокого социального положения обладателя этих блях.² Как бы то ни было, сам сюжет изображения всадника на бляхах – еще один аргумент в пользу того, что он был популярен среди местного населения.

А.А. Спицин сообщает о том, что в 1841 г. у с. Зародята на р. Туя была обнаружена находка медного всадника.³

Металлическая фигурка всадника известна на, так называемом Ильинском костище ломоватовской культуры.⁴ В Плёсинских кладах в Верхнем Прикамье известны также две металлические фигурки коней.⁵

Мы не можем, конечно, утверждать, что финно-пермские и мадьярские племена региона отслеживали политическую конъюнктуру на юге Евразии. Но, по аналогии с соседними районами лесостепного и степного Зауралья и Западной Сибири, у населения которых торговые связи с областями Великого шёлкового пути поддерживались еще с эпохи раннего железного века, прерывались в эпоху Великого переселения и вновь оживились в эпоху Тюркского каганата⁶, напрашивается вывод о том, что подобным же образом развивалась динамика торговых связей между Прикамьем и Приуральем и государствами на трассе Великого шёлкового пути. И в этом случае военно-политическая активность Сасанидов могла быть решающим фактором.

¹ Лещенко В.Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. - 1970. - № 3. - С. 146.

² Белавин А.М. Камский торговый путь. - Пермь, 2000. - С. 95.

³ Там же. - С. 1.

⁴ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 109; 257, таб. L, 1.

⁵ Там же. - С. 259, таб. ЛП, 6, 11.

⁶ Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. - Вып. 10. - Томск-Ханты-Мансийск, 2012. - С. 243 - 246.

С самого начала своего правления Сасаниды вели активную политику в отношении своих восточных и северо-восточных соседей, в результате которой, подчинили себе ранее независимые и полузависимые царства, в том числе и часть территорий, принадлежавших Кушанскому царству, впоследствии официально вошедшие в состав Ирана.

Но наиболее активные действия на восточных границах начинаются лишь при сасанидском шаханшахе Шапуре II (309–379) в самом конце 60-х годов IV в. И здесь среди прочих союзников и противников Сасанидской Персии можно назвать хионитов, вопрос об этнической принадлежности которых в науке до сих пор остается спорным.¹ Современные исследования больше склонны отождествлять их с эфталитами-соседами и соперниками кушан.² Известны также кидариты, воевавшие с персами. Кидариты укрепились в Средней Азии около 420 г. Вопрос об их этнической принадлежности так же является спорным. Так, например, С.П. Толстов отождествляет их с эфталитами, развивая теорию П.И. Лерха и Н. Веселовского.³ Напротив, Л.Н. Гумилев говорит об отсутствии оснований отождествлять кидаритов с эфталитами. Персы подвергались нападению кидаритов в 426 – 427 гг., то есть тогда, когда, по мнению Л.Н. Гумилева, хиониты утратили свое значение, а эфталиты еще не приобрели его.⁴ Известно, что эфталиты (хиониты?) были союзниками персов в борьбе за кушанские земли, однако их дележ, в конце концов, привел к конфронтации между ними.

К середине V в. в Средней Азии завершается образование нового, мощного эфталитского государства. К этому времени оно уже охватывало огромную территорию «...Хотана до Гургана и от Кангюя до Северной Индии, по существу почти достигая границ старой Кушанской империи».⁵

¹ Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. - 1967. - № 3. - С. 91, 97; История Узбекской ССР. - Т. I. - Книга первая. - Ташкент, 1955. - С. 103 - 104.

² История Востока. - Т. 2: Восток в средние века. - М., 2002. - С. 30.

³ Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948. - С. 277.

⁴ Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки... - С. 93.

⁵ Толстов С.П. Древний Хорезм... - С. 277.

Против хионитов и эфталитов вели упорную борьбу Варахран V (Бахрам Гур) (421-438/9) и Йездигерд II (438/9 – 457). И вплоть до 457 г. сасанидским шаханшахам удавалось сдерживать их напор, и, возможно, имеет смысл говорить об определенном влиянии, которое оказывали персы на территории к северу от Амударьи. Об этом свидетельствуют сасанидские дирхемы и монеты, подражающие им, времени правления Варахрана V и Йездигерда II, обнаруженные в составе кладов и в виде отдельных находок на территории Средней Азии.¹ В количественном соотношении монетных находок времени правления Варахрана V значительно больше по сравнению с монетами периода правления Йездигерда II, которые, как полагает М.Е. Массон, могли занести на территорию Средней Азии эфталиты в виде добычи после разгрома персов в конце правления Йездигерда II, и «когда они уже подчинили себе Чаганиан, видимо, часть Тохаристана и Бадахшан».²

Нам известно несколько блюд с изображением Варахрана V: блюда из Керчевского клада (490-420) с согдийской надписью V – VI вв.; блюдо из Британского музея (421-438/9), найденное в Индии; блюдо первой половины VII вв из Туршевского клада; блюдо VI – первой половины VII вв. из Оренбургской губернии и блюдо VI – первой половины VII вв. из коллекции Геннол (США).³ Два из них – блюдо из Керчевского клада и Британского музея, по мнению К.В. Тревер и В.Г. Луконина были изготовлены в восточных областях сасанидского государства, где торевты работали в иранских традициях.⁴ Хронологически, блюда датированы концом IV – началом V вв., то есть временем правления Варахрана V, который, судя по всему, был популярен не только благодаря своим охотничьим подвигам и любовным похождениям, сохранившимся в иранском фольклоре, но и своими победами в отношении соседей.

¹ Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии // История иранского государства и культуры. - М., 1971. - С. 227 - 229.

² Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов... - С. 229.

³ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 61 - 64, 73 - 76.

⁴ Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987. - С. 63 - 64.

В этой связи можно упомянуть победу Варахрана V над хионитами, удачный военный поход против эфталитов и строительство для пограничного гарнизона башни, которая далеко вдавалась в сторону их местности. Кроме того, предания, записанные Фирдоуси, свидетельствуют о том, что представители знати Балха, Чаганиана, Хутталя и Бухары, после побед Варахрана V согласились выплачивать Персии какую-то дань.¹ Известно также, что где-то в середине V в. какой-то местный среднеазиатский правитель узаконил хождение в своей области монеты чекана Варахрана V с надчеканенной своей тамгой.² Так же общеизвестным является тот факт, что один из правителей Бухары, перейдя к выпуску собственных монет, за образец взял дирхемы Варахрана V, которые после кризиса VI в., продолжали чеканиться вплоть до VIII в.³

Шаханшаху Перозу (457 – 484) также пришлось вести упорную борьбу с эфталитами, а после того, как он попал к ним в плен в 482 году, обязался платить «...часть контрибуции в виде 30 грузов «зузе», то есть серебряной монеты, которые сможет поднять соответствующее число мулов».⁴ Необходимо отметить, что на территории Средней Азии монеты чекана Пероза представлены обильно.⁵ В 484 г. Пероз организовал очередной поход против эфталитов, но был разбит, после чего последние вновь наложили тяжелую дань на Иран и заняли Мерв. К тому времени эфталиты уже подчинили себе Согд. Они продолжили политику Кушанской державы и объединили под своим началом Среднюю Азию. В состав их державы вошли области восточного Ирана, северная часть Индии и Восточный Туркестан.⁶ Границы сасанидской Персии, в результате, заметно сузились.

Войны с эфталитами продолжались и при приемнике Пероза-Каваде (488 – 531), который в течение двух лет продолжал выплачивать им дань. Ка-

¹ Массон М.Е. Распространение монетных находок... - С. 229.

² Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии ... - С. 228.

³ Там же.

⁴ Там же. - С. 231.

⁵ Там же. - С. 229 - 231.

⁶ История Узбекской ССР. - Т. I. Книга первая. - Ташкент, 1955. - С. 106.

кое-то время Кавад даже провел в заложниках у эфталитов, после чего между ними и персами установились мирные отношения. А в 502 г. Кавад в союзе с эфталитами организовал военный поход против Византии, который в итоге закончился мирным договором в 506 г. и эфталиты «получили свою часть византийского золота».¹

На рубеже V – VI вв. в Иране произошел острый социальный кризис, вызванный недовольством господства родовой знати и зороастрийского духовенства, что вылилось в маздакистское движение, охватившее широкие слои населения. Основным лозунгом движения маздакитов было провозглашение имущественного и социального равенства и возвращение к древним общинным порядкам. Учение маздакитов принял и Кавад, видевший в нем опору в борьбе с усилившейся знатью. По мнению С.П. Толстова, этот политический ход Кавада был определен его знакомством с эфталитскими порядками, общинно-родовые традиции общественного уклада которых перекликались с лозунгами маздакистского движения, и Кавад мог видеть в реализации этих лозунгов путь к укреплению слабеющего единства сасанидской империи по образу молодой варварской державы.² За поддержку маздакитов Кавад, в результате дворцового заговора в 497 г. был свергнут с престола. Он вынужден был бежать к эфталитам, и вскоре, с их же помощью вернул себе престол. За это эфталитам было выплачено золотом.³ Между эфталитами и персами устанавливается согласие. Поддержка эфталитов щедро оплачивалась Кавадом, и поэтому нет ничего удивительного в том, что на территории Мавераннахра монета чекана Кавада широко распространена.⁴

Несколько по-иному складывались условия в период правления Хосрова I Ануширвана (531 – 579). Он стремился жить в мире с эфталитами. Первое время он продолжал выплачивать им дань. Кроме того, необходимо от-

¹ История Узбекской ССР. - Т. I. - Книга первая. - Ташкент, 1955. - С. 106.

² Толстов С.П. По следам Древнехорезмийской цивилизации. - М.-Л., 1948. - С. 216.

³ Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. - 1967. - № 3. - С. 95.

⁴ Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик... - С. 232.

метить, что в этот период эфталиты являются хозяевами положения в Средней Азии. К VI устанавливается четкая граница между Ираном и эфталитскими владениями по р. Гюрген и между Мерверрудом и Талеканом; в систему эфталитского государства входит также и вся территория современного Афганистана.¹ Происходят заметные изменения и в развитии Ирана. Однако в Средней Азии в это время начинается перестановка сил. С северо-востока эфталитов начинает теснить новое политическое объединение, сложившееся в Центральной Азии – Тюркский каганат. В связи с этим Хосров I прекращает выплачивать эфталитам дань. К этому времени тюрки занимают область Чуль и требуют от Ирана денежных выплат в обмен на то, что не будут вторгаться в его пределы. Персы от этих выплат уклонились и построили новую районную стену с системой фортификационных сооружений между Табаристаном и Джурджаном.² А уже в период с 563 по 567 г.г. Хосров действовал в союзе с тюрками против эфталитов, в результате чего, последние были разгромлены. После этих событий эфталитские территории были поделены между тюрками и персами: тюрки заняли все среднеазиатское междуречье, а Тохаристан, Буст, Кабулистан и Синд отошли Ирану.³ Эфталиты попали в зависимость от тюркского кагана.

Возможно, что в результате активных взаимоотношений персов с эфталитами торевтика попадала на территорию Средней Азии вместе с монетами. Во всяком случае, те немногочисленные находки торевтики – блюдо с изображением Пероза из Чилекского клада в Узбекистане, блюдо с изображением Варахрана V из Британского музея, обнаруженное в Индии, – происходят с тех территорий, которые входили в состав государства эфталитов. Их небольшое, по сравнению с Прикамьем, количество можно объяснить тем, что Средняя Азия ощущала нехватку серебра, поэтому тяжеловесная сасанидская торевтика использовалась в качестве сырья. Нехваткой сырья объясняется и

¹ Толстов С.П. Последам Древнехорезмийской цивилизации... - С. 216.

² Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии ... - С. 232 - 233.

³ История Афганистана. - Т. I. С древнейших времен до начала XVI вв. - М., 1964. - С. 208.

тот факт, что в некоторых областях эфталитского государства в качестве платежных средств использовались сасанидские дирхемы, поскольку они были достаточно полноценны и охотно принимались на рынках.¹

В целом, в ранний период правления династии Сасанидов в Иране наблюдается его определенное влияние на среднеазиатские территории. Проявляется это в распространении здесь не только персидских монет, но и характерных для Ирана IV – V вв. гемм, обнаруженных в памятниках джетысарской культуры Приаралья и в погребениях на территории Отрарского оазиса.² По мнению Е.А. Смагулова, на территорию Средней Азии иранские геммы могли попасть не только посредством торговли, но и в результате военных действий сасанидских правителей на северо-восточных границах, во время которых отряды хионитов, кидаритов и эфталитов неоднократно грабили и облагали данью Иран.³

Таким образом, сасанидская торевтика попадала на территорию Средней Азии в результате взаимоотношений сасанидских шаханшахов с их северо-восточными соседями, в том числе и с эфталитами, которые в V-первой половине VI вв. были здесь хозяевами положения. И здесь вполне правомерно может возникнуть вопрос о том, могла ли сасанидская торевтика в этот период времени попасть на территорию Прикамья и Приуралья? И если попадала, то, при каких обстоятельствах?

Развивая мысль И.Ю. Пастушенко о том, что военно-политические события в Средней Азии IV – перв. пол. VI вв. способствовали накоплению у среднеазиатского населения (эфталитской знати) определенных запасов сасанидского серебра⁴, можно предположить, что дальнейшее перемещение этих «запасов» в пространстве осуществлялось как результат участия этого населения в международной торговле.

¹ Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии ... - С. 231.

² Левина Л.М., Никитин А.Б. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ – 1991. - № 4. - С. 53 - 65; Смагулов Е.А. Находки Сасанидских гемм В Отрарском оазисе // Археологические памятники на Великом шелковом пути. - Алматы, 1993. - С. 163 - 167.

³ Смагулов Е.А. Находки сасанидских гемм... - С. 167.

⁴ Година Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс... - С. 131.

В состав эфталитского государства входили Согд, на территории которого находились основные города Средней Азии – Самарканд, Ривдад и др., а также Хорезм. Кроме того, эфталиты являлись хозяевами значительной части «северной» трассы Великого шелкового пути и владели торговыми портами на Каспийском море.¹ Большую роль, в качестве посредников, в торговле между Китаем и Византией играли согдийские купцы, основавшие свои колонии в Семиречье. Известны их торговые операции, связанные с покупкой шелка, конопляных тканей, перца, парфюмерных веществ, покупкой и продажей серебра.²

Северная ветвь Великого шелкового пути проходила через города Хорезма, население которых также занималось торговой деятельностью. В настоящее время имеется немало фактов, свидетельствующих о широком развитии торговых связей Хорезма в древности с кочевниками на северо-востоке и западе от низовьев Амударьи. В этой связи можно упомянуть хорезмийскую гончарную керамику, которая известна в погребениях Южного Приуралья и Башкирии IV – II вв. до н.э.³ Хорезмийские серебряные сосуды VI – первой половины VIII вв. и согдийские сосуды VIII – IX вв. в массе своей известны в Прикамье и Южном Приуралье. Соответственно, можно предположить наличие каких-либо связей между населением Прикамско-Приуральского региона, с одной стороны, и населением Согда и Хорезма – с другой.

Здесь обращает на себя внимание ассортимент Сасанидских монет, обнаруженных в Прикамье. В регионе отсутствуют монеты, чеканенные ранее времени правления в сасанидской Персии шаханшаха Пероза (456 – 486). Так, например, монеты чекана Пероза, характерны для погребений харинской стадии (конец V – VI вв.) ломоватовской культуры Верхнего Прикамья.⁴ В

¹ История Узбекской ССР. - Т. I. - Книга первая. - Ташкент, 1955. - С. 110.

² Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийцы в Центральной Азии // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент, 1990. - С. 10.

³ Вайнберг Б.И. Роль кочевников в развитии экономики и торговли Хорезма в древности // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. - Ургенч, 1991. - С. 30.

⁴ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 126.

погребениях агафоновской стадии (конец VI – первая половина VII вв.) ломоватовской культуры известны монеты Пероза (456 – 486), Кавада (488 – 531), Хосрова (531 – 579).¹ Монеты чекана Хосрова II (590 – 628) характерны для Деменковской стадии ломоватовской культуры.² Монеты Пероза и Кавада известны так же в погребениях памятников верхсаинской стадии (500 – 575 гг.) неволинской культуры Прикамья.³ Обращает на себя внимание синхронность монет, обнаруженных в погребениях Прикамья, и монет, известных нам на территории Средней Азии.

В то же время на Кавказе преобладают византийские монеты Ираклия и Константина (615–629 гг.) и сасанидские монеты Хормизда IV и Хосрова II (591–628 гг.).⁴ Здесь отсутствуют монеты чекана Пероза, Кавада I и Хосрова I, а из ранних монет, известны только монеты чекана Йездигерда I (399–420 гг.).⁵ Это обстоятельство является еще одним доказательством в пользу того, что в начальный период своего поступления восточный импорт двигался не по Волге из Закавказья, а степным путем из Средней Азии.

Сложно предположить, при каких обстоятельствах монеты Пероза, характерные для харинской стадии ломоватовской культуры и верхсаинской стадии неволинской культуры попадали в Прикамье, однако, по мнению Р.Д. Голдиной, распространены здесь они были уже на рубеже V – VI вв.⁶

Это можно объяснить массовым переселением полукочевых племен с территорий лесостепного Зауралья и Западной Сибири. В Приуралье переселенцы двигались по двум направлениям – на запад и северо-запад, и расселились в двух районах: в Кунгурско-Месягутовской лесостепи (неволинская культура), а затем – с конца VI в. – и в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой (кушнаренковская культура).

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 128.

² Там же. - С. 130.

³ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990. - С. 92.

⁴ Noonan Th. Russia, the Near East, and the Steppe... - P. 271 - 272.

⁵ Там же. - P. 271 – 272.

⁶ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 126.

Очевидно, еще до своего переселения на территорию Прикамья и Южного Приуралья носители неволинской и кушнаренковской культур составляли часть этнокультурного ареала культур лесостепного Зауралья и Западной Сибири, занимавшего во второй половине – конце I тыс. н.э. обширную территорию от Среднего Приобья на востоке, до Прикамья на западе. В недрах этого ареала (этнокультурной общности?), как считают современные исследователи, сформировалось несколько этнокультурных групп: петрогромская, потчевашская, бакальская, кушнаренковская.¹ Причину переселения «кушнаренковцев» в Приуралье Н.П. Матвеева, вслед за В.А. Могильниковым, видит в беспокойной военно-политической обстановке в лесостепи, обусловленной военным давлением со стороны Первого Тюркского каганата.²

Первоначально «кушнаренковцы» и «неволинцы» обитали где-то на этих территориях и, вероятно, были включены в систему контактов с населением Средней Азии в эфталитский период. Возможно, что среднеазиатские народы, входившие в состав государства эфталитов, были связаны торговыми отношениями с лесостепным и лесным населением Западной Сибири. В этой связи необходимо отметить, что уже в середине I тыс. н.э. лесостепное Зауралье и Западная Сибирь представляла собой ареал расселения племен саргатской (Обь-Иртышское междуречье) и гороховской (от Иртыша до восточных склонов Южного Урала) археологических культур, вместе составлявших угорско-самодийский этнокультурный ареал. Известно так же, что угры-самодийцы были тесно связаны с кочевниками сако-массагетского мира Казахстанских и Южносибирских степей, что нашло отражение в облике их материальной культуры (саргатская и гороховская археологические культуры).³ Кроме того, будучи вовлеченными в этнополитическую орбиту сако-массагетского мира, «саргатцы» и «гороховцы» познакомились с цивилиза-

¹ Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье. // *Ab Origine*. Проблемы генезиса культур Сибири. - Тюмень, 2007. - С. 63 - 75.

² Там же. - С. 74.

³ Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье.... - С. 408..

цией Средней Азии – Согдианой, Бактрией, и Хорезмом.¹ Известно так же, что еще в кангюйский период хорезмийцы наложили дань пушниной своих сефверных соседей – лесные племена янь, в которых С.П. Толстов видит лесное население Приуралья.²

Посредством среднеазиатских торговцев изделия средневековых восточных мастеров попадали в Сибирь. В этой связи необходимо упомянуть сообщения о находках на территории Западной Сибири золотых и серебряных изделий импортного производства, известных в остяцких и вогульских святилищах.³

До недавнего времени в науке изучались лишь находки восточного импорта, происходящие, преимущественно из районов Прикамья и Южного Приуралья. Однако, известное количество подобных находок известно и на территории Нижнего Приобья в святилищах ханты и манси.⁴ В массе своей это восточноиранские, согдийские, хорезмийские и пр. серебряные изделия, которые имеют достаточно широкий хронологический разброс – от VI до XII вв. Среди прочих находок на территории Сибири необходимо отметить серебряное блюдо, обнаруженное в июле 2001 г. у р. Сыня в ходе экспедиционных работ Приполярного этнографического отряда.⁵ На блюде изображена сцена охоты на быка. По мнению исследователей, на блюде изображен сасанидский шаханшах Йездигерд I (399 – 421); оно было изготовлено в Иране в начале V в.⁶ На обратной стороне блюда имеется надпись IX – X вв., выполненная курсивом арабскими буквами, видимо, «на новоперсидском языке одним из поздних среднеазиатских или иранских владельцев сосуда».⁷ Поздняя датировка надписи явно свидетельствует о том, что блюдо это попало в Си-

¹ Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закарье и Приуралье... - С. 408.

² Толстов С.П. По следам Древнехорезмийской цивилизации. - М. - Л., 1948. - С. 146.

³ Тревер К.В. Серебряное навершие сасанидского штандарта // Труды Отдела Востока. - Т. III. - Л., 1940. - С. 179.

⁴ Бауло А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. - Новосибирск, 2002. - С. 14.

⁵ Там же. - С. 26.

⁶ Там же. - С. 27.

⁷ Там же. - С. 27.

бирь не ранее IX в. Возможно, что какие-то связи между населением Средней Азии и Западной Сибири существовали в период раннего средневековья.

Согдийские и хорезмийские торговцы могли поставлять сасанидскую торевтику и монеты населению Западной Сибири в обмен на пушнину, которая пользовалась большой популярностью у среднеазиатских правителей. Поэтому носители неволинской и кушнаренковской археологических культур познакомились с произведениями сасанидского декоративно-прикладного искусства и монетами еще задолго до того, как в V – конце VI вв. они появились на территории Прикамья и Южного Приуралья. Серебряная посуда в угорской среде использовалась в ритуальных целях, и имела сакральное назначение и при переселении носители неволинской культуры принесли ее в Прикамье с собой. Поэтому, учитывая исторические обстоятельства, мы вполне правомерно можем предположить, что первоначально сасанидские сосуды впервые могли попасть в Прикамье в результате проникновения сюда неволинского населения. Этим же можно объяснить наличие раннесасанидских монет в памятниках верхсаинской стадии неволинской культуры и в памятниках синхронной ей харинской стадии ломоватовской культуры Прикамья, и отсутствие аналогичных монет в погребениях кушнаренковской культуры Южного Приуралья. Соответственно, нижняя хронологическая рамка времени начала проникновения сасанидской торевтики в Прикамско-Приуральский регион снижается до V в.

Массовое же поступление восточного импорта в Прикамско-Приуральский регион начинается во второй половине VII в., тогда, когда на южноуральских территориях обосновалось кушнаренковское население, а в Прикамье продолжали развиваться носители неволинской и ломоватовской археологических культур.

Агафоновская стадия ломоватовской культуры Прикамья синхронизируется с начальным этапом существования кушнаренковских племен в Башкирском Приуралье (КСП - 1, по В.А. Иванову). Общим признаком для них

является распространение поясов геральдического типа и произведений восточной торевтики. В памятниках кушнаренковской культуры отсутствуют сасанидские монеты, которые продолжали поступать к неволинскому и ломатовскому населению. Всего на территории Прикамья известно более 200 сасанидских драхм и около 300 византийских монет.¹ Как установил В.Ю. Морозов, в Прикамье монеты не использовались по своему прямому назначению, а входили в состав нагрудных украшений (из 122 исследованных монет – 96 имеют отверстия).² В силу того, что памятники кушнаренковской культуры дошли до нас в разграбленном состоянии, у нас нет возможности реконструировать в деталях все типы украшений, составляющих костюм угров-кушнаренковцев. Ярким признаком материальной культуры кушнаренковского населения является геральдическая поясная гарнитура. Об остальных типах украшений мы можем судить лишь по единичным находкам – арочным шумящим подвескам, подвескам-колокольчикам, пронизкам, характерным для культур Прикамья, каплевидным височным подвескам, аналогичным подвескам из памятников джетыясарской культуры Приаралья, зооморфным нашивкам, аналогии которым имеются в памятниках Кавказа и пр. Возможно, что серебряные монеты не были популярны у кушнаренковского населения, и они выменивали их на какие-либо более ценные для них изделия.

Отсутствие в погребениях кушнаренковской культуры сасанидских монет можно объяснить еще и тем, что в конце VI – VII вв. восточный импорт мог проникать в Прикамско-Приуральский регион разными путями, а именно – северо-восточным – путем миграции неволинских племен в Кунгурско-Месягутовскую лесостепь, и юго-восточным – путем миграции кушнаренковских племен в район среднего и нижнего течения р. Белой. Этим же объясняется и распространение в Прикамско-Приуральском регионе поясов

¹ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. - Ижевск, 1999. - С. 391.

² Морозов В.Ю. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // КЕС. – Самара, 1998. - С. 378 - 385.

геральдического типа, характерных так же и для западносибирских, алтайских и среднеазиатских памятников этого времени.

В целом, материальная культура кушнаренковского населения отличается своей синкретичностью, т.е. здесь встречаются вещи, находящие себе аналогии на достаточно обширном пространстве – от территории юга Восточной Европы и Крыма, с одной стороны, до территории Алтая и Средней Азии – с другой. Возможно, это связано с подвижным образом жизни «кушнаренковцев» и их причастностью к событиям, которые происходили на всем пространстве евразийской степи, начиная с эпохи Великого переселения народов.

После разгрома эфталитов, в систему политических и экономических отношений Византии, сасанидского Ирана и Китая включается Тюркский каганат, образовавшийся в конце 60-х гг. VI в. К этому времени тюрки овладели значительной частью Средней Азии, включая районы Семиречья, Приаралья и территории вдоль р. Сырдарья. Возможно тогда же сюзеренитет тюркского кагана признал и Хорезм¹. В 558 г. тюрки покорили Поволжье и Приуралье.

Первоначально между Тюркским каганатом и Персидским государством устанавливаются союзнические отношения, и они вместе действуют против эфталитов. Однако после разгрома эфталитского государства между недавними союзниками начинаются раздоры из-за раздела эфталитского наследства, которые вскоре переросли в открытый конфликт. Причины его носили экономический характер.

В VI в. в Средней Азии наблюдался экономический и культурный подъем, происходил расцвет городов, ремесла и торговли. С IV здесь было налажено производство шелка, в котором, наряду с китайским, в то время нуждались Западная Римская империя, Византия, и многие кочевые образования, находящиеся на всем пространстве Евразийской степи. Наряду с пер-

¹ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. - СПб, 1994. - С. 18.

сами, контролировавшими торговлю шелком на значительном отрезке Великого шелкового пути от Пайкенда до Сирии, согдийцы выступали в качестве посредников на его центрально – и – среднеазиатском участке. В конце VI в. тюрки включили под свой контроль и Согд, и стали хозяевами на значительном отрезке Великого шелкового пути.

В торговле шелком и контроле над Великим шелковым путем была заинтересована и Византия, из-за чего между ней и сасанидской Персией с конца V в., велись постоянные войны. Иран, стремившийся как можно более прочно укрепиться на занимаемой им территории, и Византия, пытавшаяся найти новые торговые пути в обход Ирана, в своей политике привлекали каждый на свою сторону сильных и надежных союзников из числа многочисленных кочевых племен, занимавших территорию Юго-Восточной Европы, Северного Кавказа и Средней Азии. Это племена аваров, сабиров, утригуров, болгар, аланов, и пр., в разное время занимавших ведущие позиции на политической арене Евразийской степи.

Со второй половины VI в. постоянным участником Ирано-Византийских войн становится Тюркский каганат, который распространил свою власть на всю Евразийскую степь – от Алтая до Нижней Волги, и от Средней Азии, до Западной Сибири. В своей политике в отношении Ирана и Византии тюрки использовали разные методы – как мирные дипломатические переговоры и посольства, сопровождавшиеся обменом даров, так и прямые военные столкновения на стороне той или иной державы, что, по аналогии с предшествующими временами, также способствовало накоплению и сасанидского, и византийского серебра в виде монет и торевтики в руках теперь уже тюркской знати.¹

Тюрки были заинтересованы в получении максимальной прибыли от торговли шелком. Поскольку, после присоединения Согдианы тюрки стали контролировать «Северную» трассу Великого шелкового пути, а Иран – зна-

¹ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс... - С. 132 и сл.

чительную часть «Средней», поэтому они неоднократно пытались наладить дружественные отношения со своим соседом и недавним союзником в войне с эфталитами – Ираном, в связи с чем, отправляли туда свои посольства. Однако персы не желали иметь дело с кочевниками. В этой ситуации тюрки пошли на контакт с Византией. В 568 г. состоялось тюрко-согдийское посольство во главе с Маниахом в Византию. Посольство двигалось из Средней Азии в обход Ирана, через северное побережье Каспийского моря, и далее – через Кавказские горы, в столицу Византии.¹ В результате этого посольства, между Византией и Первым Тюркским каганатом был заключен военный союз против Ирана. В 568 г. византийцы предприняли ответное посольство в страну тюрков, которое возглавил стратег восточных городов киликиец Зимарх. Целью этого посольства так же был антииранский союз с тюрками.

После этих событий тюрки перешли к военным действиям против Ирана, поводом для которых послужил отказ персов от уплаты тюркам той дани, которая раньше шла эфталитам. В 571 г. Между сасанидским Ираном и Тюркским каганатом был подписан мирный договор. В 572 г. против Персии выступила Византия. Отношения же между Византией и тюрками продолжают поддерживаться, в связи с чем, в период с 568 по 576 гг. к тюркскому кагану было совершено семь византийских посольств, к которым присоединялись согдийцы и хорезмийцы.² Основной их целью были как торговые интересы, так и заключение военного союза против сасанидского Ирана.

После договора 571 г. с Ираном, тюрки ведут военные действия за Волгой, результатом которых становится завоевание Северного Кавказа и подчинение племен алан и утигуров, проживавших на этих территориях.³

После длительного периода дружественных отношений, между тюрками и византийцами начинаются противоречия, по причине того, что Византия заключает мирный договор со своим соседом Аварским каганатом, кото-

¹ Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV – VI вв. - М. - Л., 1951. - С. 204.

² Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии... - С. 107 - 108.

³ Там же. - С. 21.

рый шел в разрез с условиями договора 568 г., заключенным с тюрками.¹ В этой связи в 576 г. византийцы отправляют очередное посольство во главе с Валентином к тюркам. Однако послы нашли здесь крайне недружелюбный прием, а кроме того, им пришлось изменить и свой маршрут. Если раньше все византийские посольства совершали свой путь в земли тюрков через Кавказ, чему содействовали их союзники аланы, то теперь посольство двигалось через Крым, поскольку тюрки сами перекрыли традиционную трассу, подчинив² племена аланов и утигуров, тем более, что их отношения с Византией стали напряженными. Однако в это время Тюркский каганат теряет свою целостность, и после смерти Истеми-кагана был поделен его сыновьями на восемь уделов. Одновременно с посольством византийцев владетель одного из уделов Тюркского каганата – Турксанф, захватил Боспор и вторгся в Крым, однако вскоре вынужден был покинуть полуостров.

В период с 581 по 593 гг. В Тюркском каганате ведется междоусобная война, которая завершилась в 603 г. окончательным распадом империи на два государства: Западнотюркский каганат, в состав территорий которого вошли Средняя Азия, вместе с Джунгарией, и часть Восточного Туркестана; и Восточнотюркский каганат – в Монголии.³ Одновременно тюрки продолжали вести войны против Ирана. В 588–589 г. состоялся их второй поход против персов, в котором им помогала Византия. Однако, для тюрков, он оказался неудачным, и персам в этой войне удалось одержать победу. В 593 г. на время было восстановлено единство Тюркского каганата, а уже в 598 г. был возобновлен традиционный союз хана с византийским императором. Мирный договор тюрки заключили и с Ираном, после чего вплоть до разгрома персов арабами, граница между ними и тюрками в средней Азии оставалась неиз-

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1993. - С. 48.

² Прокопенко Н.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. - Ставрополь, 1999. - С. 107 - 108.

³ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии... - С. 22.

менной, а все караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм и Поволжье.¹

С распадом в 603 г. Первого Тюркского каганата, из-под его власти освободилось большое количество кочевых племен на территории Евразийской степи – хазары, аланы, утигуры и пр. Распрями, 581 – 593 гг. в тюркском каганате воспользовались и, включенные в его систему племена Западной Сибири, которые откочевали в южноуральскую лесостепь – на территорию современного Башкортостана, оставившие впоследствии памятники кушнаренковского типа.

На территории Южного Приуралья «кушнаренковцы» заняли обширную территорию. В настоящее время археологические памятники кушнаренковской культуры известны достаточно широко: на территории Башкортостана (Манянский, Лагеревский, Береговский могильники), в Южной Удмуртии (Кузубаевское, Благодатское I городища), в Восточном Татарстане (Такталачукский, Иманлейский могильники, селища Меллятамакское, Русско-Шуганское и др.) и на территории Челябинской области.² На эти территории пришлые племена принесли новые типы украшений костюма, ранее в регионе неизвестные, прежде всего, – это геральдическая поясная гарнитура и некоторые элементы женских украшений – височные подвески, зооморфные нашивки и пр., известные в погребениях Восточной Европы, Крыма, Северного Кавказа, Средней Азии, Алтая. Скорее всего, они же, наряду с неволинцами, осевшими в Кунгурско-Месягутовской лесостепи, принесли с собой восточную и византийскую торевтику и геральдические пояса.

Находясь в зависимости от тюркских каганов, племена Зауралья и юга Западной Сибири были втянуты в систему ирано-византийских отношений, и вместе с тюрками являлись постоянными участниками войн с Ираном, во время которых познакомились с образцами торевтики. Кроме того, именно в период экспансии Тюркского каганата, когда велись активные войны в Кры-

¹ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии... - С. 22.

² Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье.... - С. 409.

му и на Кавказе, и тюрки распространили свою власть на северокавказские территории, геральдическая поясная гарнитура распространяется на обширном пространстве – от Восточной Европы, Крыма и Кавказа до Средней Азии и Алтая. Таким образом, именно тюрки в эпоху раннего средневековья являлись законодателями моды на геральдические поясные украшения на территориях, находящихся к востоку от Волги.

В этой связи, необходимо отметить, что пояс у средневекового кочевника выполнял не только утилитарную функцию, но и имел ярко выраженную военную и социальную символику.¹ Соответственно, вряд ли пояс мог быть предметом торговли.

Хронология поступления и распространения образцов восточного и южного импорта в Прикамье и Приуралье достаточно точно совпадает с основными вехами военно-политической истории в степях Евразии, основной ход которой во второй половине I тыс. н.э. определялся историей Тюркских каганатов. Распад в 603 г. н.э. Первого Тюркского каганата на Западный (Средняя Азия и часть Восточного Туркестана) и Восточный (Монголия)² вне сомнения способствовал усилению центробежных тенденций среди зависимых от него племен.

Следующий этап в формировании облика материальной культуры населения Прикамья и Приуралья датируется второй половиной VIII – IX вв. н.э. Это было время появления раннебулгарских могильников в Волго-Камье, распространение в Башкирском Приуралье памятников караякуповской культуры, урынской стадии ломоватовской культуры и сухоложской стадии неволинской культуры в Прикамье. Погребальные комплексы указанных культур характеризуются наличием височных подвесок с гроздевидными привесками, поясных наборов с щитовидными и сердцевидными накладками с прорезью в нижней части, цельнолитыми 8-образными пряжками, большим раз-

¹ Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 80.

² Кляшторный С.Г. Степная империя тюрков и ее наследники // История татар с древнейших времен. - Т. I. Народы степной Евразии в древности. - Казань, 2002. - С. 234 и сл.

нообразиям шумящих подвесок (коньковых, арочных, уточек, коробочек и пр.), распространением подвесок-ложечек, флаконовидных пронизок-игольников и др. Причем, в номенклатуре материальной культуры населения Прикамья и Приуралья VIII – IX вв. исследователи отчетливо выделяют несколько групп вещей, свидетельствующих о разнообразии культурных импульсов, оказавших влияние на формирование материальной культуры населения региона. Первая группа – шумящие коньковые и арочные подвески, подвески с изображением головы медведя, коробочки-медальоны, ложечки и флаконовидные подвески – местные, уходящие корнями в материальную культуру Прикамья предшествующего времени. Вторая – поясные наборы тюрко-сибирского типа, состоящие из крупных прямоугольных и полуовальных накладок и цельнолитых 8-образных пряжек. Третья – пояса, подвески с дополнительными привесками, браслеты, перстни с крупными щитками-«жуковинами», арочные стремяна и удила со стержневидными или S-видными псалиями салтово-маяцкого (алано-болгарского) типа. Каждая из перечисленных групп вещей имеет свою исходную территорию¹, а их появление в регионе также было обусловлено событиями военно-политической истории в Евразийских степях.

Середина VIII в. – время распада Второго Тюркского (Тюркешского) каганата, в первой половине столетия, пережившего несколько периодов взлета и падения.² Его окончательный распад (в 744 г.) «создал в степи политический вакуум»³, что, по мнению В.А. Иванова и Н.Б. Крыласовой, способствовало возникновению (возрождению) степного торгового пути, параллельного Волжскому и связывавшего Южный Урал и Прикамье со Средней Азией. По этому торговому пути, проходящему «из Средней Азии платом Усть-Урт, казахстанскими, оренбургскими, башкирскими степями, рекой Бе-

¹ Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). - Пермь, 2006. - С. 125 - 128.

² История Востока. - Москва, 1997 // Режим доступа-http://www.world-history.ru/countries_about/1809.html; Кляшторный С.Г. Степная империя тюрков и ее наследники... - С. 237 - 242.

³ Кляшторный С.Г. Степная империя тюрков и ее наследники... - С. 242.

лой до впадения р. Уфы, рекой Уфой на верховья рек Ирень и Сылта в район современной Перми»¹ в регион, вероятнее всего, попадали предметы, составлявшие еще одну группу из номенклатуры материальной культуры караякуповских, неволинских и ломоватовских племен – сасанидские серебряные сосуды.

Одним из факторов этнополитического порядка, обусловивших массовый отток сасанидского серебра из Средней Азии могло стать стремление арабов-мусульман, в сер. VIII в. установивших свою политическую гегемонию в регионе, избавиться от многочисленных изделий сасанидского декоративного искусства, идеологически чуждого исламу.²

Возникновение степного торгового пути можно трактовать, как реакцию торговой Азии на политические коллизии в Хазарском каганате, переживавшем во второй половине VIII – первой половине IX вв. период своего расцвета. Сама идея степного торгового пути основана на топографии находок куфических дирхемов и восточной посуды. У В.Ю. Морозова упомянуты находки куфических дирхемов в Башкирии, Репьевский и Мелькеньский клады сосудов.³ К этому следует добавить кружки и дирхемы из Стерлитамакского могильника, сосуды из Уфимского клада и комплект изделий согдийской торовтики из Аврюзтамакского клада, найденного в верховьях р. Дёма на территории Башкортостана. Судя по археологическим данным, материальная культура «караякуповцев» определяется среднеазиатским (согдийским) влиянием. На это указывают поясные наборы погребальных комплексов караякуповской культуры, аналогичные поясным наборам, производимых в согдийских мастерских.⁴

Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что и сами носители караякуповской культуры в общем контексте этнокультурной истории

¹ Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи... - С. 122 и сл.

² Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс... - С. 133.

³ Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественного изделий в Поволжье и Прикамье // КЕС. - Самара, 1996. - С. 155.

⁴ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. - Л., 1980. - С. 86 - 98.

Южного Урала и Приуралья выступают в качестве военно-политической альтернативы ранним болгарам. Это вытекает из, практически, полного отсутствия археологически фиксируемых следов болгаро-караякуповских этнокультурных контактов.¹ Из общего контекста, имеющегося в нашем распоряжении археологического материала следует, что именно волго-камские болгары как раз и выступали в роли связующего звена в товарообмене ранне-средневекового населения лесного Прикамья и Евразийской степи. Более того, в представлении современных исследователей, участок Волжского торгового пути от Приазовья, Северного Кавказа, Прикаспия и Нижнего Поволжья (территория Хазарского каганата) до г. Болгара являлся «зоной прохождения одного из основных путей – Великого Шелкового пути».² Но именно здесь мы и не находим следов прохождения таких ярких образцов восточного импорта, как восточная торевтика, тогда как на территории расселения «караякуповцев» эти следы присутствуют. Соответственно, мы с полным основанием можем говорить о существовании и активном функционировании Степного торгового пути, который так же являлся ответвлением Великого Шелкового пути и был альтернативой Волжскому торговому пути. Но функционирование степного пути, очевидно, было относительно недолгим. По крайней мере, не позже того времени, пока его южноуральская часть контролировалась носителями караякуповской культуры. Их массовый уход из Приуралья приходится на середину – вторую половину IX в.³, а в конце IX в. степи между Южным Уралом, Каспийским и Аральским морями, включая и плато Устюрт с его колодцами и караван-сараями, становятся ареной огузо-печенежских войн, победителями в которых вышли огузы.⁴

¹ Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. - Казань, 1990. - С. 23.

² Сайко Э.В. Контактные зоны в культурно-историческом пространстве обменных отношений «Великого Шелкового пути» (ВШП) // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в средневековья (тезисы докладов). - Донецк, 1992. - С. 58.

³ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. - М., 1992. - С. 248; Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История татар с древнейших времен. - Т. II. - Волжская Булгария и Великая Степь. - Казань, 2006. - С. 414.

⁴ Иванов В.А. Печенеги, гузы, торки // История татар с древнейших времен. - Т. II... - С. 455.

С этого времени заметно сокращается приток восточного импорта в регион Прикамья и Приуралья: клады с вещами позже IX в. составляют 13,5% от всех кладов, содержащих восточные изделия, в регионе.¹

Монополистом прикамско-приуральской торговли становится Волжская Булгария, вследствие чего характер поступающих в Прикамье изделий меняется – практически весь восточный импорт заменяется болгарскими изделиями, а византийский исчезает вообще.²

Подводя итог сказанному в данной главе, можно сделать следующие выводы. В середине I тыс. н.э. формирование материальной культуры населения Приуралья и Прикамья происходило под влиянием этнополитических факторов: приход в регион носителей именьковской, турбаслинской, неволинской (верх-саинская стадия) культур, или относящихся к позднесарматским племенам степей Восточной Европы, или имевших с ними прямые культурные контакты. Совершенно очевидно, что эти миграции были вызваны событиями Эпохи Великого переселения народов, следовательно, в рассматриваемое время этнополитический фактор являлся определяющим в процессе инновационных изменений в облике материальной культуры местного населения. Хотя археологических свидетельств «транзитной» роли мигрантов в распространении южных типов вещей среди населения лесного Прикамья и Приуралья известно немного.

Во второй половине I тыс. н.э. эти инновации определялись военно-политической историей Тюркских каганатов. В материальной культуре носителей кушнаренковской и неволинской культур явственно прослеживаются свидетельства их связей с югом – Средней Азией и Кавказом. Среди них наиболее выразительны и многочисленны – пояса т.н. «геральдических» типов, имевших широкое хождение на Северном Кавказе и в Причерноморье.

¹ Даркевич В.П. Художественный металл Востока... С. 154, табл. 51.

² Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. - Пермь, 2000. - С. 35 - 42; Белавин А.М. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. - Казань, 2001. - 140 - 143; Маршак Б.И. Серебро за меха...

Их распространение в Прикамье и Приуралье может быть рассмотрено, как результат этнополитических контактов древних тюрков с угорским населением юга Западной Сибири.¹

3.3. География предметов восточной торевтики в Прикамье и Приуралье в контексте внутренних миграций второй половины I тыс. н.э.

Основная проблема, которая решалась (и решалась не безуспешно) предшествующими исследователями, это проблема времени и путей поступления сасанидского серебра в Прикамье и Приуралье. И для XIX – первой половины XX вв. такой подход был вполне оправданным, поскольку сама идея этнической принадлежности археологических культур региона эпохи средневековья находилась тогда еще в самом начале своей разработки. Однако в последней четверти XX столетия вопрос о связях предметов сасанидского импорта с этнокультурной картой региона был поставлен: Р.Д. Голдиной, которая рассматривает клады, содержащие сасанидские и византийские сосуды и монеты, как одну из составляющих материальной культуры племен ломоватовской культуры Верхнего и Среднего Прикамья², и А.Г. Ивановым, связывающим начало поступления восточного импорта в регион «с процессом продвижения пришлых племен в V – VI вв. в Прикамье (харинские памятники)».³

Мы полагаем, что сейчас, когда этноисторические реконструкции Прикамья и Приуралья, с одной стороны, заметно продвинулись вперед, а с другой – усложнились, появилась возможность проследить более конкретную связь изделий восточного и византийского импорта (серебряной посуды) с основными компонентами этнокультурной карты региона.

Если исходить из времени поступления предметов восточного импорта в Прикамье и Приуралье, которого придерживаются большинство современных

¹ Барынина Т.В., Иванов В.А. Военно-политическая история Евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н.э. // КЕС. - Самара, 1998. - С. 232 - 242; Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников... - С. 131 - 133.

² Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 118 - 120.

³ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). - Ижевск, 1998. - С. 49 - 52.

исследователей – VI – VII вв. н.э. – то в природно-климатическом отношении лесная зона региона находилась в стадии гумидизации, пик которой приходился как раз на середину второй половины I тыс. н.э.¹ Применительно к рассматриваемой территории ситуацию красочно описал в свое время Л.Н.Гумилев: «...солнечная деятельность усилилась, ложбина циклонов сдвинулась к северу и проходит над Францией, Германией, Средней Россией и Сибирью. Тогда сохнут степи, мелеет Балхаш и Арал, набухает Каспийское море, Волга превращается в мутный бурный поток. В Волжско-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели; летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожай и болезни».² Описанную Л.Н. Гумилевым ситуацию в степи подтверждают данные почвоведов.³

Гумидизация лесов и аридизация степи, судя по описанию Л.Н. Гумилева, ничего хорошего их обитателям не несут. Поэтому формирование этнокультурной карты Прикамья и Приуралья в последней четверти I тыс. н.э. – есть результат миграций, происходивших в это время в регионе: население Верхнего Прикамья – носители ломоватовской и неволинской культур переселяются в низовья Камы и вливаются в состав формирующегося этноса ранних волжских болгар⁴; носители кушнаренковской и караякуповской культур переселяются из-за Урала в бассейн среднего и нижнего течения р. Белой (Приложение 4, табл. 6). В обоих случаях это было изменение ландшафтных зон формирования и первоначального обитания носителей перечисленных культур.

Естественно, что процесс этот происходил не за один раз, а постепенно и какая-то часть «ломоватовцев» и «неволинцев» продолжала оставаться на прежних местах. Хотя верхняя хронологическая граница этих культур – пер-

¹ Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи // Электронный ресурс www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf.

² Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии // Манягин В.Г. Хазары. Таинственный след в русской истории. - М, 2010. - С. 29.

³ Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII – XIV вв. н.э.). - М., 2007. - С. 195.

⁴ Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. - Казань, 2011. - С. 105; Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. - Ижевск, 1999. - С. 294.

вая половина – середина IX в. н.э.¹ говорит сама за себя и нам, безусловно, следует присоединиться к точке зрения Р.Д. Голдиной, считающей, что миграционный поток населения из лесных и таежных районов Верхнего и Среднего Прикамья на территорию ранней Волжской Булгарии во второй половине IX в. усиливается.² Что, соответственно, ведет к сокращению численности и плотности населения в более северных районах Прикамья.

Но в данном случае нас интересует географическое соотношение ареала первоначального расселения носителей указанных культур и ареала распространения кладов, содержащих образцы сасанидской художественной посуды, являющихся, по определению исследователей, одним из компонентов культуры неволинских и ломоватовских племен.

Распространение памятников ломоватовской культуры по территории Верхнего Прикамья неравномерно. Выделяются шесть локальных групп этих памятников, расположенные от верховьев Камы до устья реки Чусовой: первая – памятники по правому берегу верхнего течения р. Камы в северо-восточной части Верхне-Камской возвышенности; вторая – в междуречье Камы и Косы (правый приток р. Камы); третья – в Камско-Вишерском междуречье, в устье р. Вишера; четвертая – в низовьях р. Иньва (правый приток Камы) и пятая – в низовьях р. Обва (правый приток Камы); шестая – в приустьевых районах нижнего течения р. Чусовой (Приложение 4, табл. 6). Такая локализация ломоватовских памятников не является случайной, поскольку соответствует наиболее оптимальным для расселения возвышенным местам рельефа верхнего течения р. Камы, разделенным обширными, большей частью заболоченными низинами.³

Памятники неволинской культуры локализуются по левому и правому берегам р. Сылва в ее нижнем течении, у подножия западных склонов Среднего Урала (Приложение 4, табл. 6). В ландшафтном отношении это пограничная

¹ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 133; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990. - С. 94.

² Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа... - С. 294.

³ Напомним, что в рассматриваемое время данная территория находилась в стадии повышенного увлажнения.

территория между зоной темнохвойной тайги и широколиственно-хвойных лесов, представляющая собой северное звено в цепочке островных лесостепей Южного Приуралья: Кунгурской, Красноуфимской, Месягутовской.¹ Во второй половине I тыс. до н.э., в период аридизации лесной полосы Евразии и Приуральской степи, Кунгурско-Месягутовская лесостепь играла роль «основного «перевалочного пункта» на трансуральском пути, функционирование которого значительно повлияло на сложение этнокультурного облика лесостепной части Южного Приуралья и его ярко выраженную степную окраску».²

В рассматриваемый нами период второй половины I тыс. н.э., период гумидизации лесной полосы и аридизации степей региона³, означенная роль данной территории, по-видимому, сохранялась. Об этом может свидетельствовать география местонахождений отдельных экземпляров или кладов сасанидской посуды ранней хронологической группы VII – VIII вв. Их нами учтено 25, и география их в регионе такова: три из них – находки на территории г. Уфы, Алкино и Красная поляна – происходят с территории современного Башкортостана, из «степного языка» в Бельско-Демском междуречье, лежащем на трассе Степного торгового пути (Приложение 4, табл. 6). Остальные 22 местонахождения распределяются примерно поровну между территориями неволинской (на ее бартымской и неволинской стадиях) и ломоватовской (агафоновская и деменковская стадии) культур (Приложение 4, табл. 6). На территории ломоватовской культуры находки сасанидской торевтики оказываются «привязанными» к поселениям: найдены или рядом с ними, или непосредственно на них – Зародятское селище (Ковинский клад), Патраковский, Вереинский II клад⁴ (Приложение 4, табл. 6.). Следовательно, едва ли есть основания сомневаться в том, что на первой стадии своего распространения в Прикамье образцы восточной посуды представляли собой

¹ Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. - Уфа, 2007. - С. 24.

² Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа... - С. 39.

³ Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи // Электронный ресурс www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf.

⁴ Година Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье... - С. 118.

органичную часть материальной культуры ломоватовских племен. И конечно, вероятнее всего, правы именно те исследователи, которые считают, что использовалась эта посуда преимущественно в ритуальных целях.

Вместе с тем, отдельные находки сасанидских сосудов в погребениях неволинской культуры (Верх-Саинский могильник) заставляют принимать во внимание и точку зрения исследователей, предполагающих и социально-знаковое содержание этих предметов, как признак выделяющегося социального статуса владельца.¹

Степной путь, как основная магистраль поступления восточных изделий в регион в рассматриваемый период, представляется наиболее вероятным. Во-первых, на это указывает полное отсутствие подобных изделий (и сопутствующих им деталей геральдической поясной гарнитуры) в памятниках VII – VIII вв. в Поволжье – ареале расселения и миграции ранних булгар во второй половине VII – VIII вв.² при их наличии на территориях, прилегающих к «степному языку».

Во-вторых, перемещению товаров по Волжскому пути в рассматриваемое время едва ли могла способствовать военно-политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе в VIII веке: разгром арабами основных экономических центров в прикаспийской провинции Хазарии, антиарабское восстание в Дербенте в 762/763 гг., война хазар с арабами в 799/800 гг.³

В-третьих – угорские племена Зауралья и Западной Сибири (в состав которых входили носители кушнаренковской и караякуповской культур – древние мадьяры) до конца VI в. находились под политической зависимостью от правителей Тюркского каганата, что предполагает их участие в военно-политических акциях тюрок в Средней Азии в это время. То есть, угры

¹ Пастушенко И.Ю. Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2011. - № 1 (14). - С. 98 - 102.

² Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). - Самара, 1998. - С. 150 – 166; Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование // LAP LAMBERT Academic Publishing. - 2011. - С. 272 - 281.

³ Гмыря Л. Хазары на Кавказе // История татар с древнейших времен. - Т. I. - Народы степной Евразии в древности. - Казань, 2002. - С. 290 - 292.

знали, откуда и что можно получить. Данное обстоятельство вряд ли не было использовано ими после ослабления и распада Тюркского каганата, вследствие чего угры обрели независимость.

Конечным пунктом Степного торгового пути могло быть городище Уфа-II, расположенное в месте слияния трех рек: Белой, Уфы (правый приток Белой) и Демы (левый приток Белой). В керамике этого памятника фрагменты кушнаренковских и караякуповских сосудов составляют в общей сложности 13,5%. Именно отсюда территорию расселения ломоватовских и неволинских племен можно было достичь водным путем, сплавляясь по реке Белой и затем вверх по Каме, или по реке Уфе до Месягутовской лесостепи, на северной периферии которой и обитали «неволинцы». Или сухопутным путем на север до территории современного Пермского края. Не лишним будет напомнить, что в окрестностях городища Уфа-II известны два местонахождения сасанидских сосудов VII – VIII вв.: Уфимские и Алкинские находки (Приложение 4, табл. 6).

География находок образцов сасанидской торевтики на территории ломоватовской культуры рассматриваемого времени показывает, что из 13-ти местонахождений 8 найдены на памятниках, расположенных в непосредственной близости от р. Камы: Ковина, Луковка, Ильинское, Верхне-Березовский, Слудка, Майкор, Керчевая, Больше-Аниковский (Приложение 4, табл. 6). Это дает основание предполагать, что маршрут поступления сасанидских изделий в Прикамье мог быть следующим: «Степной коридор» в Бельско-Уфимском междуречье – устье р. Уфы (городище Уфа II) – вдоль р. Уфы – Месягутовско-Кунгурская лесостепь – р. Сытва – р. Кама (Приложение 4, табл. 5).

В известной степени этот маршрут подтверждается, во-первых, тем, что по нему же располагаются синхронные ранним образцам сасанидской торевтики элементы «геральдической» поясной гарнитуры, отсутствующие на Волге, во-вторых, тем, что именно в погребальных комплексах неволинской культуры найдены полные поясные наборы, состоящие из «геральдических»

элементов: Бартымский мог., п. 108; Неволинский мог., п. 153, 212; Верх-Саинский мог., п. 50.¹

Разнообразие типов поясной гарнитуры и их количественный разброс (от нескольких десятков до 1 – 3) внутри сравниваемых выборок очень велики, так же, как велика разница в объеме сравниваемых выборок. Ломоватовская культура: пряжки 139 экз.; накладки 937 экз.; наконечники ремней 42 экз.²; неволинская культура: пряжки 253 экз.; накладки 3204 экз.; наконечники ремней 200 экз.³; кушнаренковско-караякуповская культура: пряжки 121 экз.; накладки 275 экз.; наконечники ремней 71 экз. По данным табл. 1 мы можем установить, какие из указанных типов «геральдической» поясной гарнитуры в количественном отношении могут быть показательными в плане направления их распространения в регионе. То есть, по частоте их встречаемости в комплексе материальной культуры населения региона в VII – VIII вв. проследить вероятный маршрут их проникновения и распространения.

По разработанной в отечественной археологии методике для этого нужно, прежде всего, установить норму распределения признаков (в нашем случае элементов «геральдической» поясной гарнитуры) внутри рассматриваемых групп и их тенденцию для каждой из сравниваемых выборок (табл. 2). «Норма распределения» в данном случае – это **гипотетическая** частота встречаемости (средний %) того или иного типа «геральдической» поясной гарнитуры, как если бы она распространялась в регионе поровну и равномерно. «Тенденция» – археологически фиксируемое отклонение реальной частоты встречаемости типов в сравниваемых выборках (погребальных комплексах кушнаренковской, неволинской и ломоватовской культур) по сравнению с «нормой распределения» (то есть, во сколько раз процентный показатель

¹ Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск, 1990. - С. 141 и сл.

² Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск, 1989. – С. 63 – 65.

³ Там же.

частоты встречаемости того или иного элемента в сравниваемых комплексах отклоняется от условной «нормы»).¹

Таблица 1

Частота встречаемости элементов «геральдической» поясной гарнитуры в материальной культуре могильников конца VI–VIII вв. Прикамья и Приуралья (в % относительно общего количества вещей той или иной категории)²

Тип артефакта	К у л ь т у р а		
	Ломоватовская	Неволинская	Кушнаренк.-караякуповск.
Пряжки			
Б2	39,6	45,0	13,9
Б2д	4,3	2,7	3,2
Б2д (В-образная)	0,71	1,1	3,2
Б2м	-	0,4	4,9
Д4	0,71	-	2,4
Поясные накладки			
2	3,3	16,5	-
3г	0,85	1,1	7,4
7	0,96	10,3	2,2
11в	1,1	1,2	7,4
11ж	1,06	0,28	5,2
13а	7,2	0,53	4,4
13	2,7	0,28	2,2
14	2,4	1,2	3,7
17	1,06	17,3	2,2
24	0,53	1,9	-
34	7,1	-	5,9
36	-	0,21	-
Наконечники ремней			
А1	11,9	9,5	-
А2	9,5	11,5	-
Б1	7,1	9,5	
Б2	21,4	43	43,6
Б3	47,6	18,5	29,5
Б5	-	8,0	-

¹ Подробнее см.: Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). - Киев, 1990. - С. 84 - 87.

² Типы артефактов обозначены индексами, приведенными в монографиях: Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. - Иркутск, 1985. - С. 37 - 43; Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. - Свердловск, 1989. - С. 63 - 65; Голдина Р.Д., Водолага Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - С. 79 - 83.

Б6	-	2,0	
С антропо- и зооморфн. изображениями	-	0,5	4,2

Таблица 2

**Норма распределения и тенденция элементов поясной гарнитуры
ломоватовских, неволинских и кушнаренокских погребений
Прикамья и Южного Урала**

Тип артефакта	Норма распределения	Тенденция признака		
		Ломоватовская	Неволинская	Кушнаренок.- караякуповск.
Б2	32,8	1,2	1,37	0,42
Б2д	3,4	1,2	0,79	0,94
Б2д (В-образная)	1,67	0,42	0,65	1,9
Б2м	1,76	-	0,22	2,78
Д4	1,03	0,68	-	2,33
Поясные накладки				
2	6,6	0,5	2,5	-
3г	3,11	0,27	0,35	2,37
7	4,48	0,21	2,30	0,49
11в	3,23	0,34	0,37	2,29
11ж	2,18	0,48	0,12	2,38
13а	4,04	1,78	0,13	1,09
13	1,72	1,56	0,16	1,27
14	2,4	1,0	0,5	1,54
17	6,85	0,15	2,52	0,32
24	0,81	0,65	2,34	-
34	4,3	1,65	-	1,37
36		-	0,21	-
Фигурные («бутон»)		-	-	4,4
Наконечники ремней				
А1	7,1	1,67	1,33	-
А2	7,0	1,35	1,64	-
Б1	5,5	1,29	1,72	
Б2	36,0	0,59	1,19	1,21
Б3	31,8	1,49	0,58	0,92
Б5		-	8,0	-
Б6		-	2,0	
С антропо- и зооморфн. изображениями	1,56	-	0,32	2,69

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что отклонения от «нормы распределения» в сторону увеличения частоты встречаемости («тенденция») характерны для комплексов кушнаренковской и неволинской культур. Особенно наглядно это прослеживается на пряжках с В-образной рамкой и цельнолитых пряжках с прямоугольной рамкой и приостренным щитком (типы Б2м и Б2д), лировидных бесщитковых (тип Д 4) (Приложение 4, табл. 1, 1), фигурных поясных накладках с прорезями (тип 3г), круглых неорнаментированных (тип 11в) (Приложение 4, табл. 3: II, 42), круглых с тиснением в центре (тип 11ж) (Приложение 4, табл. 3: II, 16), Ж-образные (тип 17), в виде головы барана (тип 24) (Приложение 4, табл. 3, II, 3, 32) и т.д. Наконец, едва ли случайным можно считать и тот факт, что и ранние сасанидские сосуды, и предметы «геральдической» поясной гарнитуры сосредоточены в основном на памятниках, расположенных по берегам Камы или вблизи от них.

Приведенные данные с большой степенью вероятности позволяют ещё раз прочертить маршрут поступления восточной торевтики (в широком смысле этого понятия) в Прикамско-Приуральский регион: «Степной коридор» в междуречье Белой и Дёмы – территория кушнаренковской культуры – Месягутовская лесостепь – территория неволинской культуры – территория ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье, как конечный пункт массового распространения рассматриваемых изделий в регионе.

На фоне отсутствия «геральдической» поясной гарнитуры и ранней сасанидской металлической посуды у ранних волжских булгар и мари VI – VII вв. (при наличии у них же более поздних – X – XI вв. – образцов «дальнего импорта», включая и 8 экз. иранских чаш из Веселовского, Дубовского, Нижняя Стрелка могильников).¹

Вторую хронологическую группу восточных сосудов в Прикамье и Приуралье исследователи датируют VIII – IX вв. По времени это совпадает с деменковской и урынской стадиями ломоватовской культуры, неволинской

¹ Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. - Йошкар-Ола, 2004. - С. 61 и сл.

и сухоложской стадиями неволинской культуры и бытованием в Южном Приуралье и Зауралье носителей караякуповской культуры.

В интерпретации современных исследователей, для этнической истории рассматриваемого региона это было очень динамичное время: с одной стороны – предполагаемые военные набеги волжских булгар на районы Нижней и Средней Камы¹; с другой миграция неволинских и ломоватовских племен в юго-западном направлении, на территорию Волжской Булгарии². Последняя могла быть как результатом военной экспансии ранних волжских булгар в Прикамье, так и следствием ухудшения климатических условий – гумидизация лесов Восточной Европы – в регионе.

География распространения находок сасанидских сосудов IX в. в регионе Прикамья – практически все они находятся за пределами традиционных ареалов ломоватовской и неволинской культур – показывает возможный путь переселения этих племен в Волжскую Булгарию. Особенно показательны в этом отношении клады в междуречье Чепцы и Вятки (Вихарево, Рябиновская, Чуринская, Ягошур, Седьяр).

Им по времени сопутствует поясная гарнитура «тюркских» типов, состоящая из цельнолитых пряжек с полуовальными гладкими щитками или щитками-рамками, литых прямоугольных или полукруглых накладок с прямоугольными прорезями, фигурных накладок с подвижным кольцом-привеской (т.н. салтовского типа), наконечников с приостренным или полукруглым концом и т.п. (Приложение 4, табл. 2).

Здесь ситуация с частотой встречаемости поясной гарнитуры VIII – IX вв. несколько иная. 8-образные цельнолитые пряжки со щитком в виде прямоугольной рамки (тип Г 1) и треугольнорамчатые пряжки с зубчатым краем тенденцию повышенной встречаемости обнаруживают в комплексах караякуповской культуры. Там же повышенную тенденцию обнаруживают поясные накладки прямоугольной формы с прорезью (тип А5а), мелкие по-

¹ История Удмуртии. С древнейших времен до XV века. - Ижевск, 2007. - С. 242 и сл.; Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. - Пермь, 2000. - С. 38.

² Белавин А.М. Камский торговый путь.... - С.30.

луовальные (тип 25), полуовальные с прямоугольной прорезью (тип 26а), сердцевидные орнаментированные и сердцевидные рамчатые (табл. 3). Все они заведомо среднеазиатского (согдийского) происхождения.

**Норма распределения и тенденция элементов поясной гарнитуры
ломоватовских, неволинских и караякуповских погребений
Прикамья и Южного Урала**

Тип артефакта	Норма распределения	Тенденция признака		
		Ломоватовская	Неволинская	Кушнарenk.- караякуповск
Пряжки				
В1	6,4	0,11	1,1	1,78
В4		-	2,3	-
Г1	8,73	1,06	0,26	1,67
Г3	3,5	1,82	0,77	0,45
Г5	2,23	1,92	0,35	0,71
Д1	3,67	1,17	1,60	0,22
Д2	3,97	1,61	1,18	0,20
Д3	2,6	1,07	1,03	0,92
Треугольнорамчатые с зубчатым краем		-	-	6,5
Поясные накладки				
А5а	6,02	0,17	0,73	2,09
20	2,66	0,31	2,4	0,27
25	2,02	-	0,09	2,92
26а	5,21	0,67	0,06	2,26
27а,в	6,96	2,67	0,01	0,31
27д	1,9	0,15	0,11	2,73
28	6,3	2,76	-	0,23
29		0,8		
Сердцевидные с орнаментиров. поверхн.		-	-	4,4
Сердцевидные рамчатые		-	-	4,4
«Раскрытая книга»		-	-	4,4
Наконечники ремней				
А1	7,1	1,67	1,33	-
А2	7,0	1,35	1,64	-
Б1	5,5	1,29	1,72	
Б2	36,0	0,59	1,19	1,21
Б3	31,8	1,49	0,58	0,92
Б5		-	8,0	-
Б6		-	2,0	

В свою очередь, подобные им по форме 8-образные пряжки с рамкой, плавно переходящей в такой же рамчатый щиток-приемник (типы Г3, Г5) и бесщитковые пряжки с трапецевидной рамкой (отдел Д) – их происхождение, вероятнее всего, местное – обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости в комплексах ломоватовской и неволинской культур.

Равно как сердцевидные накладки (среди которых отчетливо прослеживаются накладки-личины) (тип 27, а, в) и накладки с кольцами-привесками (тип 28 – т.н. «салтовский») абсолютно доминируют в ломоватовских комплексах. С учетом того обстоятельства, что в неволинских комплексах VII – VIII вв. встречаются также пряжки со щитками, украшенными ажурным растительным орнаментом, и наконечники ремней, аналогичные деталям из поясных наборов ранних булгар (памятники новинковского типа)¹, можно предположить, что эти предметы могли попадать в лесное Прикамье и по Камскому ответвлению Волжского пути, поскольку на трассе Степного пути они отсутствуют.

Таким образом, подводя итог сказанному, мы можем сделать следующие выводы. Проникновение образцов сасанидской торевтики в Прикамье и Приуралье, вероятнее всего, осуществлялось степным путем вдоль западных склонов Уральского хребта, через территории, контролировавшиеся в VII – первой половине IX вв. кушнаренковскими и караякуповскими племенами. Миграция носителей ломоватовской и полемской культур – основных потребителей сасанидской посуды в Прикамье, к тому же содержавших в своем этническом составе выраженный угорский субстрат² – на территорию ранней Волжской Булгарии в начале-первой половине IX в., очевидно, была вынужденной. Поэтому сопровождалась специальным сокрытием драгоценной посуды (имевшей к тому же сакральное значение) в потаенных местах, вне пределов обжитой территории. Возможно, делалось и с расчетом на возвраще-

¹ Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге... - С. 93; Голдина Р.Д., Володого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... - Табл. XXVI.

² Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Прикамья и Приуралья в древности и средневековье. - Уфа, 2009. - С. 82 - 117.

ние. Но в любом случае владельцы этих сосудов принести их к волжским булгарам явно не стремились. Соответственно, ни в IX в., ни позже такого количества сасанидской посуды, как в Прикамье, на территории Волжской Булгарии не наблюдается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования материальной культуры населения Прикамья и Южного Приуралья во второй половине I тыс. н.э. достаточно сложный. В целом, I тыс. н.э. можно охарактеризовать как время калейдоскопической смены археологических культур (и несущих эти культуры этносов). Каждая из них имеет четкие хронологические, территориальные и морфологические параметры. Одним из основных морфологических признаков археологической культуры являются основные элементы материальной культуры. Именно они составляют основу хронологизации этноисторических процессов. А на материалах Южного Приуралья и Прикамья второй половины I тыс. н.э. выступают как явление спонтанное, не имеющее местных корней, и, соответственно, как индикатор динамики этнокультурных контактов населения в регионе и за его пределами.

На археологическом материале региона данный тезис иллюстрируется вполне наглядно. Хронологический период конца VI – первой половины VIII вв. можно определить как эпоху Тюркских каганатов. В лесостепном Приуралье в это время происходит, практически, полная смена этнокультурного состава. Это выразилось в распространении в среднем и нижнем течении р. Белой памятников кушнаренковской культуры. Для лесного Прикамья – это время становления ломоватовской культуры в ее агафоновской (конец VI – VII вв.) и деменковской (конец VII – VIII вв.) стадиях; дальнейшее развитие неволинской культуры в ее верх-саинской (VI в.), бартымской (конец VI – VII вв.), и неволинской (конец VII – VIII вв.) стадиях.

Характерным признаком материальной культуры памятников этого периода является, прежде всего, геральдическая поясная гарнитура, принадлежности конской сбруи, ранее в Уральском регионе не известные (например, стремена 8-образного типа или удила с S-видными и стержневыми псалями) и использование золотых и серебряных сасанидских и византийских

монет в качестве деталей украшений. Одной из отличительных черт, проявившейся в материальной культуре региона этого хронологического периода является проникновение восточной (сасанидской и византийской) посуды. Весь облик материальной культуры этого периода явно указывает на наличие культурных связей населения региона со своими восточными (в культурном плане) соседями – Византией, Сасанидским Ираном, Средней Азией (джетысарская культура). Картографирование памятников, содержащих в себе детали геральдической поясной гарнитуры выявило, что в общевразийском масштабе наиболее отчетливо выделяются три района, где данная категория материальной культуры представлена наиболее массово – эта территория лесостепного Приуралья и Прикамья, археологически представленная кушнаренковской, неволинской и полемско-чепецкой культурами, территория юга Восточной Европы и Северного Кавказа, и территория Приаралья.

Необходимо отметить, что в период конца VI – первой половины VIII вв. распространение деталей геральдической поясной гарнитуры наблюдается на протяжении всей Евразийской степи. Элементы «геральдики» происходят из погребений Западносибирских угров (памятники потчевашкой культуры конца VI – VII вв; релкинской культуры (VII – начало VIII вв.)) и алтайских тюрок (кудыргинский период). Но находки их не многочисленны.

Материалы кушнаренковских памятников показывают широкое разнообразие и типов, и вариантов геральдики, распространенной на всем этом пространстве. Анализ наиболее часто встречающихся в кушнаренковских погребениях предметов материальной культуры, показывает ее синкретичный характер, поскольку здесь встречаются материалы, имеющие аналогии в памятниках как юго-западных, так и юго-восточных районах. Детали геральдической поясной гарнитуры находят себе аналогии среди аварских древностей Юго-Восточной Европы, болгарских материалов Крыма и Прикубанья, аланских материалов Северного Кавказа. На наш взгляд, наибольшее сходство обнаруживается между кушнаренковской геральдикой и геральдикой, характер-

ной для памятников джетыясарской культуры Приаралья. Можно отметить, что материальная культура угров-кушнаренковцев формировалась под влиянием восточно-европейского, кавказского и крымского культурных импульсов, при доминирующем влиянии со стороны джетыясарской культуры Приаралья. Причем, вероятнее всего, что все предметы материальной культуры кушнаренковского населения импортного происхождения, поскольку, как известно, металлообрабатывающего производства оно не знало. Носители кушнаренковской культуры в Приуралье характеризуются подвижным образом жизни, в связи с чем можно предположить, что в Урало-Поволжском регионе в конце VI – VII вв. именно угры – кушнаренковцы, в силу своей подвижности, являлись проводниками евразийской моды на геральдические пояса.

Вторая половина VIII – IX вв. (применительно к истории Южного Урала и Прикамья этот период можно назвать раннеболгарским временем) – в лесостепном Волго-Камье в это время складывается государство ранних болгар с его синкретичной болгаро-ломоватовской материальной культурой; лесостепное Приуралье (территория современного Башкортостана) становится ареалом распространения угорских (древнемадьярских) племен, представленных памятниками караякуповской археологической культуры. В лесном Прикамье ломоватовская культура вступает в заключительную урынскую стадию своего развития, а на р. Сылве неволинская культура – в сухоложскую.

Материальная культура населения всего региона в это время представляет собой органичное сочетание тюрко-болгаро-салтовских (поясная гарнитура, принадлежности конской сбруи и некоторые типы женских украшений) и местных прикамско-приуральских (коньковые и арочные шумящие подвески, трапециевидные ажурные подвески, пронизки) элементов.

В этот период происходит заметное усиление связей местного прикамско-приуральского населения с территориями Алтая и Средней Азии, что проявляется здесь в распространении, так называемых поясов тюркского типа, восьмеркообразных стремян, витых кольчатых удил с 8-образным окон-

чанием грезел, массовое распространение восточной посуды (главным образом, среднеазиатской).

Одновременно с этим процессом, приблизительно с конца VIII – IX вв., наблюдается воздействие культуры юга Восточной Европы на культуру местного населения. В этот период в памятниках ломоватовской и полемско-чепецкой культур Прикамья широко распространяются пояса, типичные для салтово-маяцкой археологической культуры.

Все инновации в комплексе материальной культуры населения региона, имевшие место в рассматриваемый период, в определенной степени были связаны с притоком сюда новых этносов или этнических групп, представленных археологическими культурами, не связанными своим происхождением с Южным Уралом. Большую роль в развитии культуры населения Южного Урала и Прикамья в эпоху раннего средневековья сыграли события военно-политической истории Ирана и Византии, и на всем пространстве Великого пояса Евразийских степей.

Византия и Сасанидский Иран по площади, занимаемой ими территории, и по политическому статусу были равновеликими державами. Внешняя политика Сасанидской Персии развивалась преимущественно в двух направлениях: северо-западном и восточном.

Если на Западе постоянной соперницей сасанидской Персии была Византия, то в восточных её пределах мы такого постоянства не наблюдаем. С самого начала своего правления Сасаниды вели активную политику в отношении своих восточных и северо-восточных соседей, в результате которой, подчинили себе ранее независимые и полузависимые царства, в том числе и часть территорий, принадлежавших Кушанскому царству, впоследствии официально вошедшие в состав Ирана. Наиболее активные действия на восточных границах начались в конце 60-х годов IV в. Именно с этого момента внешняя политика Персии строится в отношении государственного объединения эфталитов, располагавшегося на значительной территории Средней

Азии. В этот период наблюдается определенное культурное влияние сасанидской Персии на культуру эфталитского государства, что проявляется в распространении на их территории сасанидских монет, сосудов, гемм и пр.

В середине VI в. на историческую арену вышел Тюркский каганат, который сразу же включился в систему политических и экономических отношений Ирана, Византии и Китая. Тюрки являлись непосредственными участниками ирано-византийских войн, как правило, на стороне Византии, и контролировали значительную часть «северной» трассы Великого шелкового пути. К этому времени тюрки распространили свою власть на всю евразийскую степь – от Алтая до нижней Волги, и от Средней Азии до Западной Сибири. Однако, победоносное наступление тюрков на западе закончилось уже в 582 г. вследствие начавшихся в I Тюркском каганате междоусобиц, приведших в 603 г. к окончательному распаду каганата на восточную и западную части.

Краткая хронология военно-политической истории Евразийских степей в VII в. выглядит следующим образом. В 626 г. авары потерпели поражение под стенами Константинополя. Следствием этого явилось окончательное освобождения кутригуров от власти аваров, в результате чего в 635 г. в Азовско-Северокавказских степях образовалось государство Великая Болгария хана Кубрата, просуществовавшая до смерти её создателя в 660 г. После этого происходит распад первого Болгарского государства и подчинение значительной части болгар хазарам, которые в первые десятилетия своей государственности были вплотную заняты отражением арабов на Кавказе (650 – 733).

Западные тюрки в первой половине VII в. выясняли отношения между двумя главенствующими родами – дуло и нушби, что в итоге привело к очередной гражданской войне внутри Западного каганата и его развалу в 657 г.

В этих условиях трудно было бы предполагать наличие какого-то регулярного товарообмена между степью и лесом. Во всяком случае, ни о каких прямых торговых связях между Ираном, Византией и Среднеазиатскими гос-

ударствами, с одной стороны, с населением Прикамья и Южного Приуралья с другой, в рассматриваемое время не может быть и речи.

К концу VI – VII вв. относится появление в Южном Приуралье памятников Кушнаренковской культуры, что, скорее всего, связано с распадом I Тюркского каганата и уходом части зауральско-западносибирских угров из под власти ослабевших тюркских каганов.

Практически, в это же время часть болгар после распада Великой Болгарии хана Кубрата переселяются с Северного Кавказа на Волгу, где их присутствие зафиксировано в памятниках новинковского типа.

С первой попытки болгарам не удалось закрепиться на Волге. Судя по известным археологическим памятникам, типа Больше-Тарханского могильника, только в середине – второй половине VIII в. процесс освоения болгарам Волго-Камья становится необратимым. Сопровождавшие этот процесс инновации в материальной культуре населения Южного Приуралья и Прикамья проявились в появлении в Прикамье комплекса вещей салтовского и северокавказского типов (поясная гарнитура, серьги-подвески, принадлежности конского снаряжения). Анализ поясной гарнитуры VIII – IX вв. выявляет отчетливую связь по линии Северный Кавказ – Поволжье – Прикамье. Территория современного Башкортостана (ареал караякуповской культуры) оказывается за пределами этой связи. Данное обстоятельство объясняется несколькими факторами: а) синкретичным болгаро-финно-пермским (или салтовско-поломско-ломоватовским) характером материальной культуры раннеболгарских памятников Волго-Камья, за которым исследователи усматривают синкретизм раннеболгарского этноса; б) расширением торговой экспансии ранних болгар в северном (прикамском) направлении; в) угорской (древнемадьярской) принадлежностью носителей караякуповской культуры, материальный облик которой, в отличие от раннеболгарской, определяется преобладанием тюркских (поясная гарнитура), прикамских (женские украшения) и в незначительной степени салтовских (конская сбруя) элементов.

Перечисленные факторы подтверждаются и данными по исследованию сасанидских, византийских и среднеазиатских сосудов, обнаруженных в Прикамье и Южном Приуралье, многочисленные образцы которых составляют неотъемлемую часть материальной культуры населения региона VII – VIII вв. По последним данным выявлено 115 образцов восточных сосудов сасанидского, византийского, среднеазиатского, эфталитского и тюркского происхождения, датированных III – IX вв., среди которых преобладают образцы изделий, изготовленных в различных областях Средней Азии, включая подражание более ранним сасанидским образцам. Картографирование кладов восточной посуды выявило существование с середины – второй половины VII в. степного торгового пути из Средней Азии, через плато Усть-Урт, приуральские степи и современный Башкортостан на Каму. По этому пути в Прикамье и Южное Приуралье попадали сасанидские монеты и восточная посуда. Идея степного торгового пути подтверждается не только находками монет и кладов с восточными сосудами, но и тем, что по археологическим данным, материальная культура караякуповского населения определяется среднеазиатским (согдийским) влиянием, на что, помимо всего прочего, указывают поясные наборы погребальных комплексов, аналогичные поясным наборам, производимым в согдийских мастерских. На активное действие степного торгового пути из Средней Азии указывают согдийские надписи VII – VIII вв. на ранних (III – V вв.) образцах сасанидских и византийских сосудов.

Следует учитывать и то обстоятельство, что и сами носители караякуповской культуры (древние угры-мадьяры) в общем контексте этнокультурной истории Южного Приуралья выступают в качестве военно-политической альтернативы ранним болгарам. Это, на наш взгляд, вытекает из практически полного отсутствия археологически фиксируемых следов болгаро-караякуповских этнокультурных контактов. Хотя именно волго-камские болгары, что опять-таки следует из общего контекста, имеющегося в нашем распоряжении археологического материала, выступали в роли связующего звена

в товарообмене раннесредневекового населения лесного Прикамья и Евразийской степи. Более того, в представлении современных исследователей, участок Волжского пути из Приазовья, Северного Кавказа, Прикаспия и Нижнего Поволжья (территория Хазарского каганата) до г. Болгара, являлся зоной прохождения одного из основных путей – Великого шелкового пути. Но именно здесь мы и не находим следов прохождения таких ярких образцов восточного импорта как серебряная посуда, тогда как на территории расселения угров-караякуповцев эти следы присутствуют. В этой связи нельзя обойти вниманием изображения, украшающие изделия восточной торевтики в Прикамье и Южном Приуралье, среди которых преобладают типичные сасанидские и среднеазиатские (согдийские) сюжеты: сцены охоты, инкарнации сасанидских божеств, хищные птицы и пр. На этом основании можно предположить, что приуральские угры, являясь связующим звеном в прикамско-среднеазиатском товарообмене, формировали ассортимент импортной торевтики в соответствии со своими эстетическими и мировоззренческими традициями. И это, надо полагать, имело адекватный отклик у соседних прикамских племен, среди которых также присутствовал угорский компонент.

Итак, из всей совокупности приведенных выше данных следует, что материальная культура населения Южного Приуралья и Прикамья эпохи раннего средневековья формировалась под мощным воздействием южного степного импульса, интенсивность которого, начиная с середины I тыс. н. э., неуклонно росла. Не исключено также, что в этом процессе большую роль играли торговые караваны из промежуточных центров Великого шелкового пути. Но вместе с тем, следует иметь в виду, что все инновации в материальной культуре населения региона сопровождались изменениями в этнокультурной карте, что достаточно чётко синхронизируется с основными коллизиями военно-политической истории Евразийской степи середины-второй половины I тыс. н.э.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы.

1. Спицын А.А. Подготовительные материалы ко второму (не опубликованному) выпуску «Древностей Оки и Камы» / А.А. Спицын // РО НА ИИМК РАН, рег. III – 1918.

Источники

1. Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака / Р.Б. Ахмеров // СА. – 1955. – XXII. – С. 153 – 176.
2. Ахмеров Р.Б. Серебряный кувшин из Башкирии / Р.Б. Ахмеров // СА. – 1963. – № 4. – С. 152 – 158.
3. Вощина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI – VII вв. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) / А.И. Вощина // СА. – 1953. – XVII. – С. 183 – 196.
4. Даркевич В.П. О так называемом сирийском блюде из Пермской области / В.П. Даркевич, Б.И. Маршак // СА. – 1974. – № 2. – С. 213 – 223.
5. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья / В.П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – 198 с.
6. Лещенко В.Ю. Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи / В.Ю. Лещенко // СА. – 1966. – №2. – С. 317 – 319.
7. Лещенко В.Ю. Новые находки восточного серебра в Прикамье / В.Ю. Лещенко, В.А. Оборин // СА – 1966. - № 3. – С. 241 – 244.
8. Лунегов И.А. Сасанидское блюдо из Прикамья / И.А. Лунегов // СА. – 1968. – №4. – С. 256 – 258.
9. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. / Н.А. Мажитов. – М.: Наука, 1981. – 162 с.; илл.

10. Орбели И.А. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы / И.А. Орбели, К.В., Тревер. – М. – Л.: Изд-во АCADEMIA, 1935. – 85 с. (с илл.).
11. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб: Тип. М-ва путей сообщения, 1890. – Вып. Третий. Древности времён переселения народов. – 158 с.: илл.
12. Смирнов А.П. Восточный сосуд из Молотовской области в собрании Государственного исторического музея / А.П. Смирнов // ВДИ. - 1941. - №1. - С.57 – 69.
13. Смирнов А.П. Новая находка восточного серебра в Приуралье / А.П. Смирнов. - М.: Советская Россия, 1957. – 32 с.
14. Смирнов А.П. Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области / А.П. Смирнов // КСИИМК. – М. – Л. - 1947. – С. 40 - 48.
15. Смирнов Я И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи / Я.И. Смирнов. – СПб, 1909. – 18 с., СXXX табл., 2 л. карт, 1 л. список.
16. Пастушенко И.Ю. Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника [Электронный ресурс] / И.Ю. Пастушенко // Вестник археологии, антропологии, этнографии. – Электрон. дан. – 2011. №1(14). – С. 98 – 102 // Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a14/98-102.pdf.
17. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых / А.А. Спицын // МАР. – СПб. - 1902. – №26 – С. 152 – 165.
18. Стасов В.В. Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа / В.В. Стасов // ЖМНП. - CCCLVII, январь. – СПб, 1905. – С. 76.
19. Теплоухов Ф.А. Древности Пермской Чуди из серебра и золота и ее торговые пути / Ф.А. Теплоухов // Пермский край. - Т. III. – Пермь, 1895. – С. 247 – 290.

- 20.Тревер К.В. Новые Сасанидские блюда из Эрмитажа / К.В. Тревер. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 41 с.: III таб.
- 21.Тревер К.В. Сасанидское серебро. Собрание государственного Эрмитажа / К.В. Тревер, В.Г. Луконин. – М.: «Искусство», 1987. – 155 с., иллюстрации.

Диссертации и авторефераты

- 22.Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья: Дис. ... канд. ист. наук / Н.Б. Крыласова. – Уфа, 2000. – 186 с.: прилож.
- 23.Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII – XIII вв. / В.Ю. Лещенко: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1971. – 22 с.
- 24.Маршак Б.И. История восточной торевтики III – XI вв. и проблемы культурной приемственности / Б.И. Маршак: Автореф. дис... д-ра ист. наук. – М., 1980. – С. 54.
- 25.Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата. Период формирования и расцвета (V – IX вв.) / С.А. Ромашов // Автореф. дисс... к.и.н. – М., 1992. – С. 19.

Литература

- 26.Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму / А.И. Айбабин // Древности эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука, 1985. – С. 164 – 170.
- 27.Акбулатов И.М. Погребения кочевников начала нашей эры из зоны Иштугановского водохранилища / И.М. Акбулатов, М.Ф. Обыденнов // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1984 – С. 46 – 54.
- 28.Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VII вв. / А.К. Амброз // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 15 – 25

29. Амброз А.К. Проблема раннесредневековой хронологии Восточной Европы / А.К. Амброз // СА. - 1997. – №3. – С. 106 – 134.
30. Амброз А.К. Рецензия на: Erdeily I., Ojtozi E., Gening W. Das Graberfeld von / А.К. Амброз // СА. - 1973. – № 2. – С. 290 – 295.
31. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V – VII вв. / А.К. Амброз – М.: Наука, 1989 – 134 с., илл.
32. Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
33. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар / М.И. Артамонов. – Л.: Изд-во Соцэкгиз, 1936. – 140 с.
34. Археология Южного Урала (курс лекций). – Стерлитамак: Изд-во Стерлитамакского гос. пед. ин-та, 1992 г. – 233 с.
35. Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV – VII вв. и их место в древней истории Башкирии / Р.Б. Ахмеров // Древности Башкирии. – М.: Наука, 1970. – С. 161 – 192.
36. Багаутдинов Р.С. Праболгары на Средней Волге (У истоков истории татар Волго-Камья) / Р.С. Багаутдинов, А.В. Богачев, С.Э. Зубов. – Самара: Изд-во Самарский региональный фонд «Полдень XXII век», 1998. – 286 с.
37. Бадер О.Н. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье (к последним находкам) / О.Н. Бадер // На Западном Урале. – Молотов: Изд-во: Молотовгиз, 1951. – С. 186 – 191.
38. Бадер О.Н. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение / О.Н. Бадер, А.П. Смирнов. – М.: Изд-во Гос. изд-во культпросвет. литературы, 1954. – 25 с. + 10 фототаблиц.
39. Байпаков Н.И. Таласская долина в системе Великого шелкового пути / Н.И. Байпаков // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 91 - 93.

40. Барынина Т.В. К вопросу об основании степного торгового пути в Приуралье и Прикамье / Т.В. Барынина // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья: 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. – Болгар: Изд-во Института истории АН РТ, 1998 г. – С. 12 – 15.
41. Барынина Т.В. Военно-политическая история Евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н. э. / Т.В. Барынина, В.А. Иванов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара: Изд-во самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. – С. 232 – 242.
42. Бауло А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров [Электронный ресурс] / А.В. Бауло // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Электрон. дан. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 17 – 27. // Электронный ресурс. Режим доступа <http://hmao.kaisa.ru/object/1808875994?lc=ru>.
43. Белавин А.М. Камский торговый путь как северное ответвление Великого Волжского пути / А.М. Белавин // Великий Волжский путь. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – С. 140-143.
44. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях / А.М. Белавин. – Пермь: Изд-во ПермГПУ, 2000. – 200 с.: с илл.
45. Белавин А.М. Угры Прикамья и Приуралья в древности и средневековье / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
46. Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тысячелетия н.э. / А.В. Богачев // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: Изд-во Самарского об-

- ластного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, 1998. – С. 151 – 166.
47. Богачёв А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV – VIII вв. Среднего Поволжья) / А.В. Богачев. – Самара: Изд-во Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1992. – 208 с.
48. Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование / А.В. Богачев // LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – С. 72 – 137.
49. Борзунов В.А. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями / В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Томского Ун-та, 2012. – С. 243 – 246.
50. Боталов С.Г. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праугро-самодийского единства) / С.Г. Боталов, В.А. Мосин // Finno-Ugrica. – 2007. - №10. – С. 36 – 38.
51. Буряков Ю.Ф. Лебедевский могильник и Шелковый путь / Ю.Ф. Буряков // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 52 - 54.
52. Вайнберг Б.И. Роль кочевников в развитии экономики и торговли Хорезма в древности / Б.И. Вайнберг // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. – Ургенч: Изд-во Ин-т археологии АН Узб. ССР, 1991. – С. 30 – 34.
53. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве / С.И. Вайнштейн // ТКАЭЭ. Т.2. – М. - Л.: АН СССР, 1966. – С. 292 – 347.

54. Валеев Р.М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII-X вв.) / Р.М. Валеев // Из истории ранних булгар. – Казань: Изд-во «Таткнигоиздат», 1981. – С. 83 – 96.
55. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова – М.: Наука, 1971. – 111 с.: I – XXXI табл.
56. Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с Щитовидной обоймой / И.О. Гавритухин // Пермский мир в раннее средневековье. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1999. – С. 160 – 209.
57. Гавритухин И.О., Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья / И.О. Гавритухин, А.Г. Иванов // Пермский мир в раннем средневековье. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1999. – С. 99 – 159.
58. Гавритухин И.О., Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины / И.О. Гавритухин, В.Ю. Малашев // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара: Изд-во Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, 1998. – С. 28 – 86.
59. Гавритухин И.О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / И.О. Гавритухин, А.М. Обломский // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 1996. – 296 с.
60. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа / В.Ф. Генинг // Труды Казанского филиала АН СССР. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Таткнигиздат», 1959. – С. 157 – 219.

61. Генинг В.Ф. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе / В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина // ВАУ. – Вып. 9. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1970. – С. 30 – 56.
62. Генинг В.Ф. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятин, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков. – Киев: Наукова думка, 1990. – 211 с.
63. Гмыря Л. Хазары на Кавказе / Л. Гмыря // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – С. 290 – 292.
64. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р.Д. Голдина. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. – 463 с.
65. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с., ил.
66. Голдина Р.Д. Могильники VII – IX вв. на Верхней Каме / Р.Д. Голдина // ВАУ. – Вып. 9. – Свердловск: УрГУ, 1970. – С. 57 – 113.
67. Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина // КСИА. – Вып. 158. М.: Наука, 1979. – С. 79 – 91.
68. Голдина Р.Д., Средневековые памятники верховьев Камы / Р.Д. Голдина, В.А. Кананин. – Свердловск: Изд-во: Урал. ун-та, 1989. – 215 с., [3] л. схем. ил. 25 см.
69. Голдина Р.Д., Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р.Д. Голдина, Н.В. Водолаго. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 176 с., ил.
70. Голдина Р.Д. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / Р.Д. Голдина, И.Ю. Пастушенко, Е.М. Черных // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. – Ижевск – Пермь, 2011. – С. 120 – 147.

71. Горбунова Н.Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племён и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности / Н.Г. Горбунова // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд, 1-6 октября 1990 г. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 33 – 35.
72. Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге / А.Д. Грач // ТКАЭЭ. Т. 2. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1966. – С. 81 – 107.
73. Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-Вана в Туве / А.Д. Грач // СЭ. – 1958. – № 4. – С. 18 – 34.
74. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. – М.: Изд-во «Товарищество "Клышников – Комаров и К"», 1993. – 528 с.
75. Гумилёв Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки / Л.Н. Гумилев // ВДИ. – 1967. – № 3. – С. 91 – 98.
76. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии / Л.Н. Гумилёв // Манягин В.Г. Хазары. Таинственный след в русской истории. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2010.
77. Даркевич В.П. Новое в изучении среднеазиатской торевтики (Афанасьевский клад) / В.П. Даркевич, В.Ф. Черников В.Ф. // КСИА. – М: Изд-во АН СССР – 1971. – Вып. 128. – С. 106 – 116.
78. Даркевич В.П. Пути средневековых мастеров / В.П. Даркевич – М.: Наука, 1972. – 192 с.
79. Даркевич В.П. Клад из эпохи Сасанидов / В.П. Даркевич // Родина. – 2001. – Май. – С. 9 – 15.
80. Дёмкин В.А. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества [Электронный ресурс] / В.А. Дёмкин, Т.С. Дёмкина // Археология восточно-европейской степи. – Электрон. дан. – Саратов: СГУ, 1991. Режим доступа www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf.

81. Дмитриев А.Н. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо / А.Н. Дмитриев // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII вв. – М.: Наука, 1985. – С. 97 – 112.
82. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии / В.Н. Добжанский. – Новосибирск: НГУ, 1990. – 164 с.
83. Дубов И.В. Великий Волжский путь / И.В. Дубов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 257 с.
84. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая / Л.А. Евтюхова // ТГИМ. В. XVI. – М.: ГИМ, 1941. – С. 119 – 134.
85. Заднепровский Ю.А. Фергана на Великом шелковом пути / Ю.А. Заднепровский // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 95 - 98.
86. Заднепровский Ю.А. Трансазиатский степной путь – ветвь шелкового пути по археологическим данным / Ю.А. Заднепровский // Древние номады в Центральной Азии. – СПб: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – С. 79 – 90.
87. Зайковский Б.В. Из монетной летописи Нижне-Волжского края / Б.В. Зайковский // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. – Саратов: Изд-во Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, 1926. – С. 41 – 49.
88. Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя / И.П. Засецкая // Материалы и исследования по археологии СССР. – Л.: Изд-во «Искусство», 1990. – С. 97 – 107.
89. Ибн Фадлан о народах Восточной Европы // Из глубины столетий. – Казань: Изд-во «Таткнигиздат», 2000. – С. 69 – 88.
90. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII

- в. / А.Г. Иванов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН», 1997. – 309 с.; илл.
91. Иванов В.А. Археологические культуры Южного Урала второй половины I тыс. н.э. в контексте концепции об уральской прародине древних мадьяр / В.А. Иванов // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.) – Екатеринбург - Сургут: Магеллан, 2007. – С. 245 – 247.
92. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе / В.А. Иванов. – Уфа: Изд-во «Гилем», 1999. – 123 с.
93. Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья / В.А. Иванов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: КФАН СССР, 1990. – С. 108.
94. Иванов В.А. Путь к «Каменному поясу» / В.А. Иванов // Бельские просторы. – 2002. – № 1.
95. Иванов В.А. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье / В.А. Иванов // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Рухият, 2006. – С. 723.
96. Иванов В.А. Печенеги, гузы, торки / В.А. Иванов // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Рухият, 2006. – С. 723.
97. Иванов В.А. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма) / В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова. – Пермь: ПФ Института истории и археологии УрО РАН, 2006. – 162 с.: ил. 39. + 8 цв. вкл.
98. Иванов В.А. Современная мифология ранних этапов этногенеза башкир / В.А. Иванов // Актуальные проблемы исторической науки. Сборник научных трудов первых международных Усмановских чтений. – Уфа – «Гилем» – 2011. С.257 – 261.

99. Иерусалимская А.А. К интерпретации главных трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии / А.А. Иерусалимская // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд, 1-6 октября 1990 г. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 58 – 60.
100. Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном / А.А. Йессен // СА. – 1952. – № XVI. – С. 209 – 216.
101. История Востока. В 6 т. Т.2. Восток в средние века. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2002. – 716 с.: карты.
102. История Востока. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва, 1997. Режим доступа – http://www.world-history.ru/countries_about/1809.html.
103. История Удмуртии. С древнейших времен до XV века / под ред. М.Г. Ивановой, Р.Д. Голдиной. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2007. – 300, [3] с.
104. История Узбекской ССР. Т.1. Книга первая. – Ташкент, 1955. - 534 с.
105. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов / Е.П. Казаков // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1998. – С. 97 – 150.
106. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии / Е.П. Казаков. – М.: Изд-во «Наука», 1992. – 335 с.
107. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия / Е.П. Казаков. – Казань: Изд-во «Институт истории АН РТ», 2007. – 208 с.

108. Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье / Е.П. Казаков // *Finno-Ugrica*. – Казань: Изд-во «Ин-т истории АН РТ», 2011, № 12 – 13. – С. 16 – 21.
109. Кляшторный С.Г. Степная империя тюрков и ее наследники / С.Г. Кляшторный // *История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности*. – Казань: Рухият», 2002. – с илл.
110. Кляшторный С.Г. Согдийцы в Центральной Азии / С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц // *Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье*. – Ташкент: Наука, 1990. – С. 10 – 13.
111. Кляшторный С.Г., Степные империи Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб: Изд-во «Фарн», 1994. – 163 с. с илл.
112. Кляшторный С.Г. Праславянские племена в Поволжье / С.Г. Кляшторный, П.Н. Старостин // *История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности* – Казань: Изд-во «Рухият», 2002. – С. 211 – 220.
113. Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи в IV – IX вв. (по материалам поясных наборов) / В.Б. Ковалевская // *Проблемы археологии и древней истории угров*. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – С. 95 – 117.
114. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки / В.Б. Ковалевская. – Свод археологических источников. Вып. Е1-2. – М.: Наука, 1979. – 112 с.
115. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности / В.Б. Ковалевская // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М.: Наука, 1981. – С. 83 – 188.
116. Кропоткин В.В. Византийский сосуд из Южного Приуралья / В.В. Кропоткин // *Славяно-русские древности*. – М.: Наука, 1962. – С. 65 – 67.

117. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР / В.В. Кропоткин // САИ. – Вып. Е 4-4. – М.: Изд-во Наука, 1962. – 93 с.: илл.
118. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе / В.В. Кропоткин // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. – М.: Наука, 1971. – С. 76 – 98.
119. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры / В.В. Кропоткин. – М.: Изд-во Наука, 1967. – 135 с.
120. Круглов Е.А. Византийский импорт в Приуралье / Е.А. Круглов, Обыденнов М.Ф. // Вестник Башкирского Университета. – Уфа: Изд-во «Башкирский государственный университет». – 1996. – №1.
121. Круглов Е.А. Урал и антично-византийская цивилизация / Е.А. Круглов, М.Ф. Обыденнов. – Уфа: Изд-во «БЭК», 1998. – 34 с. (с илл.).
122. Круглов Е.А. Сокровища и клады Восточной России / Е.А. Круглов, М.Ф. Обыденнов. - Уфа, : Изд-во «БЭК», 1998. – 113 с.: илл.
123. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 260 с.
124. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1984. – 232 с.
125. Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур / Л.Р. Кызласов // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – С. 52 – 54.
126. Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов / В.П. Левашова // МИА. – М: Изд-во АН СССР, 1952. – С.121 – 136.
127. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. / Л.М. Левина – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 396 с.: илл.

128. Левина Л.М. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приуралья / Л.М. Левина, А.Б. Никитин // ВДИ. - 1991. - № 4. – С. 53 – 65.
129. Лещенко В.Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья / В.Ю. Лещенко // СА. – М.: Изд-во «Института археологии АН СССР», 1970. – № 3. – С. 146.
130. Ливишиц В.А. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах / В.А. Ливишиц, В.Г. Луконин // ВДИ. – 1964. - 33. – С. 155 – 176.
131. Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран III – VIII вв. Очерки истории культуры / В.Г. Луконин. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – 240 с.
132. Львова З.А. Вещи византийского и местного производства, предназначенные для кочевнической знати, и иранские вещи / З.А. Львова, Б.И. Маршак // Сокровища хана Кубрата. – С-Пб.: Изд-во «АО «Славия», 1997. – С. 3 – 33.
133. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата / М.Г. Магомедов. – М.: Наука, 1983. – 225 с.
134. Мажитов Н.А. К вопросу о «Большой Венгрии» на Южном Урале / Н.А. Мажитов // Проблемы востоковедения. – Уфа: Изд-во АН РБ. – 2011, №4 (54). – С. 41 – 49.
135. Маршак Б.И. Чилекские чаши / Б.И. Маршак, Я.К. Крикс // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1969. – Т. X. Культура и искусство народов Востока. Вып. 7. – С. 174.
136. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики / Б.И. Маршак. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 191 с. с илл.
137. Маршак Б.И. Серебро за меха [Эл. ресурс] / Б.И. Маршак // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Пелеологов. – Электрон.

- дан. – СПб, 2006. – С. 72 – 82. // Электронный ресурс. Режим доступа marshak-bi-2006.htm.
138. Массон В.М. История Афганистана. В двух томах. Том 1. С древнейших времён до начала XVI века / В.М. Массон, В.А. Ромодин. – М.: Наука, 1964. – 464 с.
139. Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии / М.Е. Массон // История Иранского государства и культуры. – М.: Наука, 1971. – С 212 – 229.
140. Матвеева Г.И. Кармалинское городище / Г.И. Матвеева, В.Ю. Морозов // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара: Изд-во СГУ, 1991. – С. 112 – 129.
141. Матвеева Н. П. Формирование кушнарниковских комплексов в Зауралье / Н.П Матвеева // AbOrigine. Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Изд-во «Тюменский Дом печати», 2007. – С. 63 – 75.
142. Матвеева Н.П. О формировании раннесредневекового населения в лесостепном Зауралье / Н.П. Матвеева // II-й Международный Мадыарский симпозиум 13-15 августа 2013 г. Сборник научных трудов. Челябинск: Изд-во ООО ЦИКР «Рифей», 2013. – С. 7 – 14.
143. Мацулевич Л. А. Византийский антик в Прикамье / Л.А. Мацулевич // МИА. – 1940. – № 1. - С. 139 – 158.
144. Могильников В.А. О культурах лесной зоны Западной Сибири во второй половине I тысячелетия н.э. / В.А. Могильников // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во «Наука». – С. 18 – 21.
145. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири / В.А. Могильников // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: «Наука», 1987. – С. 163 – 235.

146. Морозов В.Ю. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья / В.Ю. Морозов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1998. – С. 378 – 386.
147. Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественного изделий в Поволжье и Прикамье / В.Ю. Морозов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1996. – С. 148 – 164.
148. Мошкова М.Г. Лебедевский могильник и Великий шелковый путь / М.Г. Мошкова М.Г. // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. - Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 35 – 37.
149. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV вв. / А.Г. Мухамадиев. – М.: Изд-во Наука, 1983. – 192 с.
150. Никитин В.В. К истокам марийского искусства / В.В. Никитин, Т.Б. Никитина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 152 с. ил.
151. Обыденнов М.Ф. Сокровища и клады Восточной России / М.Ф. Обыденнов, Е.А. Круглов. – Уфа: Изд-во «БЭК», 1998 – 164 с. (с илл.).
152. Овсянников В.В. Развитие вооружения в лесостепном Приуралье во второй половине I тысячелетия н.э. / В.В. Овсянников // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1998. – С. 295 – 302.
153. Останина Т.И. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник / Т.И. Останина, О.М. Канунникова, В.П. Степанов, А.Б. Никитин. – Ижевск: Изд-во Удмуртия, 2011. – 215 с.

154. Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв. / Н.В Пигулевская. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 170 с.
155. Плетнёва С.А. На хазаро-славянском пограничье / С.А. Плетнёва. – М.: Изд-во «Наука», 1989. – 285 с.
156. Плетнёва С.А. От кочевий к городам / С.А. Плетнёва. – М.: Изд-во «Наука», 1967. – 209 с.
157. Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XIв. н. э. / Ю.А. Прокопенко. – Ставрополь: СГУ, 1999. – 139 с.
158. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда / В.И. Распопова. – Л.: Изд-во «Наука», 1980. – 138 с.
159. Распопова В.И. Поясной набор Согда VII – VIII вв. / В.И. Распопова // СА. – 1965. - № 4. – С. 52 – 64.
160. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области / М.И. Ростовцев // МАР № 37. – СПб, 1918. – С. 78.
161. Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа / Н.С. Савельев. – Уфа: Изд-во «Гилем», 2007. – 257 с.
162. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала / Д.Г. Савинов // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1982. – С. 102 – 122.
163. Сайко Э.В. Контактные зоны в культурно-историческом пространстве обменных отношений «Великого Шелкового пути» (ВШП) / Э.В. Сайко // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в средневековье (тезисы докладов). – Донецк: Ашина, 1992. – С. 101.
164. Сверчков Л.М. Единая трасса Великого шелкового пути / Л.М. Сверчков // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов

- международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд, 1-6 октября 1990 г. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 70 – 71.
165. Сиротин С.В. Погребения с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II. // С.В. Сиротин, М.Ю. Трейстер // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Нследие», 2014. – 268 с. – С. 207 – 217.
166. Смагулов Е.А. Находки Сасанидских гемм В Отрарском оазисе / Е.А. Смагулов // Археологические памятники на Великом шелковом пути. – Алматы: Изд-во Алм. ГУ им. Абая, 1993. – С. 163 - 167.
167. Советский энциклопедический словарь / Под ред. Прохорова А. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989. – 1632 с.
168. Ставинский Б.Я. Великий шелковый путь – первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями / Б.Я. Ставинский // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 19 – 20.
169. Спицин А.А. Предуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / А.А. Спицин // МАВГР. – М., 1893. Вып. 1. – 136 с.
170. Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) / Д.А. Сташенков // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара: Изд-во Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, 1996. – С. 213 – 231.
171. Степанов П.Д. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н.э. / П.Д. Степанов // Древности Восточной Европы. – М.: Изд-во «Наука», 1969.

172. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.) / Ф.А. Сунгатов. – Уфа: Изд-во «Гилем». – 1998 – 168 с.
173. Тарабукин Н.М. Очерки по истории костюма. – М.: ГИТИС, 1994. – 155, [2] с. ил. 24 см
174. Толстов С.П. Древний Хорезм / С.П. Толстов. – М.: МГУ, 1948. – 440 с.
175. Толстов С.П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит / С.П. Толстов // ВДИ, № 4. – 1938. – С. 36 – 48.
176. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации /С.П. Толстов. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 328 с.
177. Тревер К.В. Серебрянное навершие Сасанидского штандарта / К.В. Тревер // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока. СГЭ. – Л., 1940. – С. 179 – 184.
178. Тревер К.В. История народов Узбекистана: В 2 т. / К.В. Тревер, А.Ю. Якубовский, М.Э. Воронеж. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – Т. I. – 474 с.
179. Фасмер Р.Р. Завалишинский клад куфических монет VIII – IX вв. / Р.Р. Фасмер // ИГАИМК. – М. – Л., 1931. – VII.2. – 20 с.
180. Фасмер Р.Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе / Р.Р. Фасмер // Известия АН СССР, отделение общественных наук, № 6 – 7. – Л., 1933. – С. 473 - 484.
181. Филанович М.И. Ташкентский микрооазис и формирование транскультурных и торговых контактов в древности и средневековье / М.И. Филанович // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1990. – С. 44 - 48.
182. Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья VI – VIII вв. / В.С. Флеров. – М.: Полимедия, 2000. – 164 с.

183. Фрай Р. Наследие Ирана / Р. Фрай. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – 388 с.; 136 илл.
184. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII - VI вв. до н.э. / А.Х. Халиков // М.: Изд-во «Наука», 1977.
185. Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) / А.Х. Халиков // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1984. – С. 122 – 133.
186. Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом / А.Х. Халиков // Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей. - Уфа: БНЦ УрО АН СССР. – 1988. – С. 67 - 78
187. Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья / А.Х. Халиков. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 236 с.
188. Харитонов Д.Е. Монеты Прикамья // Календарь – справочник Пермской области на 1964 г. / Д.Е. Харитонов. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1963. – С.185 – 186.
189. Хвольсон Д.А., Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае / Д.А. Хвольсон, Н.В. Покровский, Я.И. Смирнов // Материалы по археологии России. Издание Императорской археологической комиссии. - СПб, 1899. – С. 18., 30 табл.
190. Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье / М.Г. Худяков // Из истории докапиталистических формаций. - Вып. 100. – М. – Л., 1933. – С. 251 – 279.
191. Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье / В.Н. Чернецов. – ТИЭ. – Новая серия. - Т. 1. - М. – Л.: Изд-во АН СССР. – 1947. – С.113 – 134.
192. Шер Я.А. Погребения с конем в Чуйской долине / Я.А. Шер // СА. – 1961. - № 1. – С. 24 – 31.

193. Якимов А.С. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII - XIV вв. н.э.) / А.С. Якимов, В.А. Дёмкин, А.О. Алексеев. – М.: НИИ – Природа, фонд «Инфосфера», 2007. – 227 с.
194. Chalikova E.A. Altungarn an der Kama und im Ural. Das Graberfeld von Bolshie Tigani / E.A. Chalikova, A.H Chalikov. – Budapest, 1981.
195. Erdman K. Die sasanidischen Jagdschalen / K. Erdman // – Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, 57. – Berlin, 1936.
196. Fodor I. Magyarország története 1. Őstörténet és honfoglalás. Budapest / I. Fodor . – Kossuth Kiadó – P. 38 – 47.
197. Goldina R.D. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the region of Perm, the Kama-Urals area / R.D. Goldina, A.B. Nikitin // Studies in Silk Road coins and culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. – Kamakura, 1997.
198. Noonan Th. S. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval period: an examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama – Urals area / Noonan Th. S. // Archivum Eurasia Med II Aevi. – Wiesbaden, 1982. II. – P. 269 – 302.
199. Noonan Th. S. Khwarazmian coins of the eight century from Eastern Europe: the post – sasanian interlude in the relations between Central Asia and European Russia / Noonan Th. S. // Archivum Eurasia Med II Aevi. – Wiesbaden, 1985 [1987], VI. – P. 243 – 257.
200. Orbeli I. Sasanian and Early Islamic Metalwork / I. Orbeli // A Survey of Persian Art. – I, IV. – London – New – York, 1938. - V.1. – P 716 – 770.
201. The ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. – Budapest, 1996.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ВДИ – Вестник древней истории.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.

КЕС – Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.

КСИА – Краткие сообщения института археологии.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России.

МАР – Материалы по археологии России.

МИА – Материалы и исследования по археологии.

РО НА ИИМК РАН - Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР

ТГИМ – Труды Государственного исторического музея.

ТКАЭЭ – Труды Камской Археолого-Этнографической экспедиции.

СЭ – Советская этнография.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СОСТАВ КЛАДОВ

I. Вихаревский клад

1. Кружка с растительным орнаментом (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Средняя Азия.

II. Ягошурский клад

2. Серебряный кувшин (VIII в.). Восточные районы Средней Азии (Фергана?).

III. Седьярский клад

3. Серебряный кувшин (VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

IV. Чурицкий клад

4. Сасанидское серебряное блюдо с изображением фазана (VI – VII вв.).

5. Блюдо с изображением богини с оленем (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

V. Турушевский клад

6. Сасанидское серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II (309 – 379 гг.).

7. Серебряное блюдо с изображением Бахрам Гура и Азадэ (конец VI – первая половина VII вв.).

8. Византийское серебряное блюдо с розеткой в центре (629/630 – 641 гг.).

9. Византийское серебряное блюдо с черневым крестом в венке из плюща (641 – 651 гг.).

10. Ведро серебряное с вычеканенной на дне розеткой (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

11. Серебряный светильник с изображением животных (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Средняя Азия.

12. Серебряный светильник с изображением слона (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии (или Восточный Туркестан).

VI. Карасевский клад

13. Византийское серебряное блюдо с волнистым бортиком без орнамента (VII в.).

14. Серебряное ведро (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

VII. Находка у деревни Шудьякар, Кировской области

15. Серебряное блюдо с сердцевидными фестонами и изображением льва в центре (IV – V вв.).

VIII. Репьевский клад

16. Блюдо с изображением оленя (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

17. Серебряное блюдо с изображением водоплавающей птицы (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

18. Серебряное блюдо с лепестковым орнаментом (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

IX. Стерлитамакский клад. Башкортостан

19. Серебряная кружка с растительным орнаментом (вторая половина VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

X. Уфимский клад. Башкортостан

20. Серебряное блюдо с изображением царя, охотящегося на горных козлов (первая половина VII в.).

21. Серебряная чаша с изображением орла с газелью в когтях (VII – VIII вв.). Иран.

XI. Аврюз – Тамакский клад. Башкортостан

22. Серебряное блюдо, обрамлённое по краю растительными мотивами. В центре – медальон с изображением всадника в обрамлении растительного орнамента (VII в.).

23. Серебряная миска с изображением горного козла с ошейником (VIII в.)

XII. Находка у деревни Асламбаево, Аургазинского района. Башкортостан

24. Большое серебряное блюдо с охотничьим сюжетом.

XIII. Находка у деревни Анненково, Покровского района. Башкортостан

25, 26. Два больших серебряных блюда со сценой охоты.

XIV. Находка близ Алкино, Чишминского района. Башкортостан

27. Серебряный сосуд с изображением сцены пиршества.

28. Серебряное византийское блюдце (629/630 – 641).

XV. Шахаровский клад

29. Серебряная чаша без изображений.

30. Серебряная чаша без изображений с согдийской надписью (VII – VIII вв.).

31. Серебряное сасанидское блюдо с изображением охоты Шапура III (383 – 388) с персидской и согдийской надписями (согдийская надпись – VII – VIII вв.).

32. Серебряное сасанидское блюдо с изображением богини на пантере и зверей в медальонах (70-е гг. III в.).

33. Чаша с изображением всадника (VII – начало VIII вв.). Хорезм.

XVI. Кошелевский клад

34. Сасанидский серебряный кувшинчик с изображением птиц в кругах из перлов (VI – VII вв.).

35. Серебряная кружка (VIII – IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

XVII. Бартымский клад

36. Чаша с изображением оссуария, стоящего на львах (первая половина VIII в.). Хорезм.

37. Серебряная чаша с изображением четырёхрукой богини (первая половина VIII в.). Хорезм.

38. Серебряная чаша с изображением четырёхрукой богини (первая половина VIII в.). Хорезм.

XVIII. Комаровский клад

39. Серебряное блюдо с изображением льва, терзающего быка (VII – VIII вв.). Иран.

XIX. Ковинский клад

40. Серебряная чаша с изображением четырёхрукой (?) богини (VII – начало VIII вв.). Хорезм.

XX. Слудский клад

41. Серебряное блюдо с изображением горного козла (VIII в.). Восточный Иран.

XXI. Находка у деревни Оношат Пермской губернии

42. Серебряное блюдо с изображением львицы со львятами (VIII в.). Иран.

XXII. Гутовский клад

43. Серебряная кружка с изображением горных козлов (вторая половина VIII в.). Восточный Иран.

44. Серебряная чаша с изображением розетки (VII – начало VIII вв.). Хорезм.

XXIII. Находка у деревни Стан, Пермской области

45. Серебряная чашка с лепестковым орнаментом (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

XXIV. Пешнигортский клад (1853 г.)

46 – 50. Пять серебряных сосудов «тюркских» форм (VIII – IX вв.).

XXV. Климовский клад

51. Византийское серебряное блюдо с изображением пастуха среди стада (527 – 565 гг.).

52. Византийское серебряное блюдо с изображением креста в венке (602 – 610 гг.).

53. Византийское серебряное блюдо с черневым изображением креста в венке (VII в.).

54. Сасанидское серебряное блюдо с изображением тигрицы (первая половина VII в.).

55. Иранское серебряное блюдо с изображением колесницы, Солнца и Луны. (VII – VIII вв.). Подражание более раннему образцу.

56. Серебряное ведро (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

57. Серебряное блюдо с розеткой на дне (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

XXVI. Мальцевский клад

58. Серебряное блюдо с изображением царской охоты на тигров (первая половина VII в.; блюдо является подражанием оригиналу IV в. с Шапуrom II).

59. Византийское серебряное блюдо с изображением Селена и Менады (613 – 629/630 гг.).

60. Византийское серебряное блюдо с черневым изображением креста в венке (613 – 629/630 гг.).

61. Фрагмент серебряного блюда с изображением креста в венке (613 – 629/630 гг.).

62. Серебряный кувшин с изображением крылатых верблюдов (конец VII – первая половина VIII вв.). Согд.

63. Серебряное блюдо с изображением орла, когтящего животное (VIII в.). Иран.

XXVII. Вереинский клад

64. Серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II (? – 379 г.).

65. Серебряное блюдо с изображением двух баранов у дерева (VII в.).

66. Серебряная чаша, украшенная снаружи рельефными фигурами всадников, охотящихся на львов (IV – V вв.). Афганистан и Северо – Западная Индия.

XXVIII. Куриловская находка

67. Серебряная бутылка с изображением орла и газели в овалах (VI – VII вв.).

XXIX. Находка у деревни Стрелки, Пермской губернии

68. Серебряное блюдо с изображением Хосрова II и четырёх вельмож (? – 628 г.).

XXX. Усть – Кишертьский клад

69. Византийское серебряное пышно орнаментированное блюдце (вторая четверть VI в.).

XXXI. Находка у деревни Половодово, Соликамского уезда, Пермской губернии

70. Серебряное блюдо с изображением льва, когтящего лань (VIII в.). Восточный Иран.

XXXII. Редикорский клад

71. Серебряное ведро (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

XXXIII. Мартыновский клад

72. Византийское серебряное блюдо с фестончатыми краями (651 – 668 гг.).

73. Серебряная чаша с изображением розетки (вторая половина VIII – первая половина IX в.). Восточные районы Средней Азии.

74. Серебряное блюдо с растительным орнаментом (VIII – IX вв.). Средняя Азия.

XXXIV. Кайгородская находка

75. Серебряное блюдце с орнаментом из пальметт (VIII – IX вв.). Средняя Азия.

XXXV. Афанасьевский клад

76. Серебряное ведро с изображением цапель (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

77. Серебряная кружка с изображением джейранов и оленей (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

78. Серебряная кружка с растительным орнаментом (вторая половина VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

79. Серебряная чашка с растительным орнаментом (вторая половина VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

80. Серебряная чашка с розеткой на дне (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

81. Серебряная кружка (VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

82. Серебряный кувшин (VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

XXXVI. Кытмановская находка

83. Серебряное блюдо с изображением Сенмурва (VIII в.). Восточный Иран.

XXXVII. Томызский клад

84. Сасанидское серебряное блюдо с изображением флейтистки на сказочном звере (первая половина VII в.).

85. Византийское серебряное блюдо с геометрическим орнаментом (613 – 629/630 гг.).

86. Серебряное блюдо с изображением горного козла (VIII в.). Восточный Иран.

87. Серебряная чаша с изображением розетки (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

88. Серебряная чаша с изображением виноградной лозы (вторая половина VIII – IX вв.). Средняя Азия.

89. Серебряная кружка с растительным орнаментом (вторая половина VIII – начало IX вв.). Средняя Азия.

90. Серебряная кружка с растительным орнаментом (вторая половина VIII – начало IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

91. Серебряная кружка с изображением птиц и растений (вторая половина VIII – начало IX вв.). Восточные районы Средней Азии или Восточный Туркестан.

92. Фрагменты серебряного ведёрка с лепестковым орнаментом (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии.

XXXVIII. Керчевский клад

93. Серебряное сасанидское блюдо с изображением охоты Варахрана (390 – 420).

XXXIX. Квацпилеевский клад

94. Серебряная бутылка с изображением пяти женских фигур (V – VI вв.).

95. Серебряное блюдо с изображением коней (IV – VI вв.). Афганистан и Северо – Западная Индия.

XI. Чердынская находка

96. Византийский серебряный ковш с изображением ниломера (491 – 518 гг.).

ХLI. Находка у села Пятигорье Чердынского района

97. Византийское серебряное блюдо с изображением креста в венке (первая половина VI в.).

ХLII. Аниковский клад

98. Сасанидское серебряное блюдо с изображением Пероза на охоте.

99. Сасанидское серебряное блюдо с изображением орла, несущего женщину (первая половина VII в.).

100. Серебряная ложчатая чаша с изображением оленя у дерева (VII в.).
Средняя Азия.

ХLIII. Находка у деревни Луковка Пермской губернии

101. Серебряное блюдо с изображением царя на тахте среди музыкантов и слуг (начало VIII в.). Иран.

ХLIV. Находка из Оренбургской губернии

102. Сасанидское серебряное блюдо с изображением Бахрам Гура и Азадэ (конец VI – первая половина VII вв.).

ХLV. Находки из Прикамья без точной локализации

103. Серебряное блюдо с изображением царя, охотящегося на львов (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточный Иран.

104. Серебряное блюдо со сценой царского пира (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточный Иран.

105. Серебряный кувшин с изображением музыкантов (вторая половина VIII – IX вв.). Восточный Иран.

106. Серебряное блюдо с растительным орнаментом (VIII в.). Восточные районы Средней Азии (?).

ХLVI. Клад из Коми – Пермского национального округа

107. Серебряная кружка (VIII в.). Восточные районы Средней Азии.

108. Серебряная кружка с изображением джейрана (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии или Восточный Туркестан.

109. Серебряная кружка с растительным орнаментом (вторая половина VIII – IX вв.). Восточные районы средней Азии или Восточный Туркестан.

110. Серебряный светильник с растительным орнаментом (вторая половина VIII – первая половина IX вв.). Восточные районы Средней Азии или Восточный Туркестан.

111. Серебряная чаша с изображением четырёхрукой богини (первая половина VIII в.). Хорезм.

XLVII. Покупка блюда в Пермской губернии

112. Сасанидское серебряное блюдо с изображением Шапура III и онагра (383 – 388 гг.).

XLVIII. Находка серебряного сосуда в погребении 154 Верх-Саинского могильника в Березовском районе Пермского края

113. Серебряная чаша, украшенная ложчатым орнаментом с медальоном с девятилучевой розеткой на дне (вторая половина VII – начало VIII в.). Хорезм.

XLIX. Находка в Прикамье на «Березовых островах»

114. Византийское блюдо со сценой поклонения кресту (VI в.).

L. Находка блюда у села Пешнигорт Пермской губернии (1913 г.)

115. Серебряное блюдо с изображением птиц в медальонах (VII – VIII вв.). Имеет руническую надпись.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. САСАНИДСКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ СОСУДЫ

Наименование клада	Сасанидская торевтика	Византийская торевтика	Надписи на сосудах
1	2	3	4
1. Слудский клад		Серебряное блюдо с изображением сцены спора из-за оружия Ахилла (VII в.)	
		Серебряное блюдо с изображением коня (526 – 527 гг.)	
2. Вереинский клад	Серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II (309 – 379)		
	Серебряное блюдо с изображением двух баранов у дерева (VII в.)		
3. Куриловская находка	Серебряная бутылка с изображением орла и газели в овалах (VI – VII вв.)		Среднеперсидская надпись
4. Мальцевский клад	Серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II (первая половина VII в.)		Среднеперсидская надпись (VII – VIII вв.)
		Серебряное блюдо с изображением Силена и Менады (613 – 629/630 гг.)	
		Серебряное блюдо с изображением креста в венке (613 – 629/630 гг.)	
		Серебряное блюдо с изображением креста в венке (фрагмент) (613 – 629/630 гг.)	
5. Шахаровский клад	Серебряное блюдо с изображением богини на пантере и зверей в медальонах (70-е гг. III в.)		Самаркандская надпись
	Серебряное блюдо с изображением Шапура III, охотящегося на кабанов (383 – 388 гг.)		Среднеперсидская и согдийская надписи (дата согдийской – VII – VIII вв.)

1	2	3	4
6. Чурицкий клад	Серебряное блюдо с изображением фазана (первая половина VII в.)		Среднеперсидская надпись
7. Керчевский клад	Серебряное блюдо с изображением Варахрана на охоте (390 – 420 гг.)		Согдийская надпись самаркандским письмом
8. Томыцкий клад	Серебряное блюдо с изображением флейтистки на сказочном звере (первая половина VII в.)		Среднеперсидская надпись
		Серебряное блюдо с геометрическим орнаментом (613 – 629/630 гг.)	
9. Квацпилевский клад	Серебряная бутылка с изображением пяти женских фигур (V – VI вв.)		
10. Кошелевский клад	Серебряная бутылка с изображением птиц в кругах (VI – VII вв.)		Среднеперсидская надпись
	Серебряное блюдо с изображением Шапура III (383 – 388 гг.)		Согдийская надпись самаркандским письмом
	Серебряное блюдо с изображением часов Хосрова (VII в.)		
	Серебряное блюдо с изображением тигрицы у дерева (первая половина VII в.)		
11. Климовский клад		Серебряное блюдо с изображением пастуха среди стада (527 – 565 гг.)	
		Блюдо с изображением креста в венке (602 – 610 гг.)	
		Блюдо с крестом (VIII в.)	
12. Находка у д. Стрелки Пермской губернии	Серебряное блюдо с изображением Хосрова II и четырех вельмож (591 – 628 гг.)		Эфталитская надпись

1	2	3	4
13. Турушевский клад	Серебряное блюдо с изображением охоты Шапура II на львов (309 – 379 гг.)		
	Серебряное блюдо с изображением Бахрама Гура и Азадэ (конец VI – первая половина VII вв.)		Среднеперсидская надпись
		Серебряное блюдо с розеткой (629/630 – 641 гг.)	
		Серебряное блюдо с крестом в венке (641 – 651 гг.)	
Аниковский клад	Серебряное блюдо с изображением царя Пероза на охоте (458 – 484 гг.)		
	Серебряное блюдо с изображением орла, несущего женщину (первая половина VII в.)		
15. Уфимский клад	Серебряное блюдо с изображением царя, охотящегося на горных козлов (первая половина VII в.)		
16. Находка в Пермской губернии	Кувшинчик с изображением жриц с культовыми предметами в руках (VI – VII вв.)		Среднеперсидская надпись
17. Находка из Оренбургской губернии	Серебряное блюдо с изображением Бахрама Гура и Азадэ (конец VI – первая половина VII вв.)		Среднеперсидская надпись
18. Карасёвский клад	Серебряное блюдо с волнистым бортиком без орнамента (середина VII в.)		
19. Мартыновский клад		Серебряное блюдо с фестончатым краем (651 – 668 гг.)	
20. Чердынская находка		Серебряный ковш с изображением ниломера (491 – 518 гг.)	

1	2	3	4
21. Находка у с. Пятигорье Чердынского района		Серебряное блюдо с изображением креста в венке (первая половина VI в.)	
22. Усть-Кишертьский клад		Серебряное пышноорнаментированное блюдо (вторая четверть VI в.)	
23. Прикамье, "Берёзовые острова"		Серебряное блюдо со сценой поклонения кресту (VI в.)	
24. Находка у д. Асламбаево Аургазинского района Башкирской АССР	Большое серебряное блюдо с охотничьим сюжетом.8		
25. Сообщение о находке у дер. Анненково Покровского района БАССР	Два больших серебряных блюда со сценой охоты		
26. Находка близ Алкино, Чишминского района Башкирской АССР	Серебряный сосуд с изображением сцены пиршества (III – IV вв.)	Серебряное блюдо (629/630 – 641)	
27. Находка у д. Шудьякар, Кировской области	Серебряное блюдо с сердцевидными фестонами и изображением льва в центре (IV – V вв.)		
28. Блюдо, купленное в Пермской губернии	Серебряное блюдо с изображением Шапура III и онагра (383 – 388 гг.)		Среднеперсидская надпись
29. Сообщение о находке близ д. Асламбаево Аургазинского района БАССР	Фрагмент серебряного блюда с изображением всадника и бегущего безрогого зверя		

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВОСТОЧНЫЕ СОСУДЫ

Рис. 1. Серебряное блюдо VII в. в составе Вереинского клада, Пермской губернии (находка 1872 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 2. Серебряная бутылка VI – VII вв.
Находка у деревни Куриловой Пермской губернии. Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин
В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 3. Серебряное блюдо (70-е гг. III в.) в составе Шахаровского клада Пермской губернии (1866 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 4. Серебряное сасанидское блюдо с изображением Шапура III (383 – 388 гг.) в составе Шахаровского клада Пермской губернии (1866 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 5. Серебряное блюдо (первая половина VII в.) в составе Чуриного клада Вятской губернии (1887 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 6. Серебряное сасанидское блюдо с изображением Варахрана (390 – 420 гг.) в составе Керчевского клада Пермской губернии (1893 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 7. Серебряное блюдо первая половины VII в. из Томызского клада Вятской губернии (1893 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М., 1976.

Рис. 8. Серебряная бутылка V – VI вв. Находка у деревни Квацпилеево
Прмской губернии (1896 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское се-
ребро. – М., 1987.

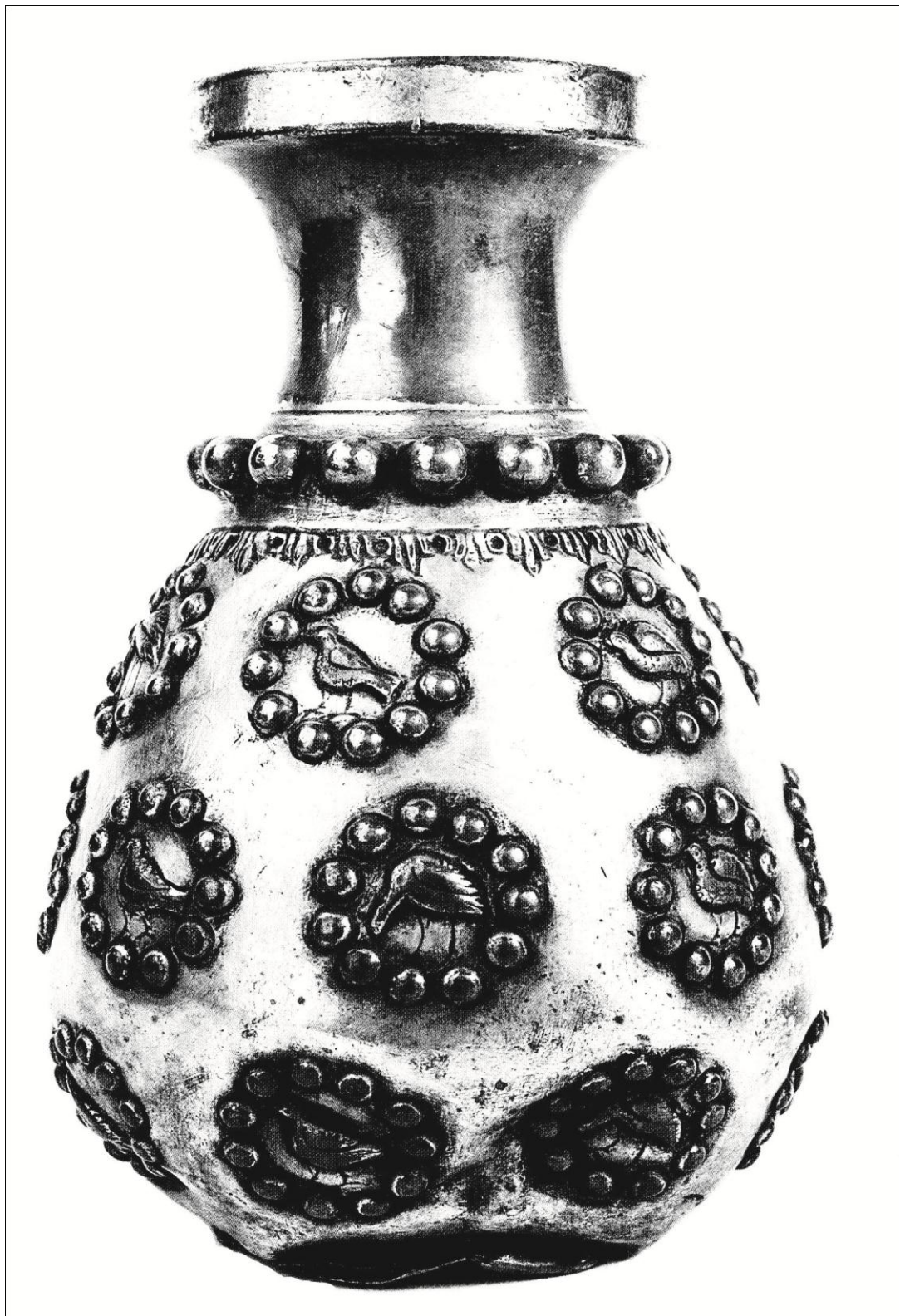

Рис. 9. Серебряная бутылка VI – VII вв. из Кошелевского клада Пермской губернии (1890 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987

Рис. 10. Серебряное блюдо VII в. из Климовского клада Пермской губернии (1907 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 11. Серебряное блюдо первой половины VII в. из Климовского клада Пермской губернии (1907 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 12. Серебряное блюдо с изображением Хосрова II (591 – 628 гг.). Находка блюда у деревни Стрелка Пермской губернии (1908 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. – М., 1987.

Рис. 13. Серебряное блюдо с изображением Шапура II (309 – 379 гг.) из Турушевского клада Вятской губернии (1927 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 14. Серебряное блюдо с изображением Бахрама Гура и Азадэ конца VI – первой половины VII вв. из Турушевского клада Вятской губернии (1927 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 15. Серебряное блюдо с изображением шаханшаха Пероза (458 – 484 гг.) из Аниковского клада Пермской области (1936 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 16. Серебряное блюдо первой половины VII в. из Аниковского клада Пермской области (1936 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 17. Серебряное блюдо первой половины VII в. из Уфимского клада Башкирской АССР (1941 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.

Рис. 18. Серебряное блюдо с изображением Шапура III (383 – 388 гг.).
Куплено в Пермской губернии (1870 г.). Иллюстрация по Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. – М., 1987.

Рис. 19. Медальон в центре серебряного блюда VIII в. из Томызского клада. Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. — М., 1976.

Рис. 20. Медальон в центре серебряного блюда VIII в.
Находка у с. Половодово Пермской губернии (70 – 80-е гг. XIX в.). Иллюстрация по Дар-
кевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 21. Серебряная кружка второй половины VIII в. из Гутовского клада Пермской губернии (1891 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 22. серебряная кружка второй половины VIII – начала IX вв. из Томызского клада Глазовского уезда Пермской губернии (1893 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 23. Серебряная кружка второй половины VIII – первой половины IX вв. из Вихаревского клада Пермской губернии. Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 24. Серебряная кружка второй половины VIII – начала IX вв. из Томызского клада Глазовского уезда Пермской губернии (1893 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 25. Серебряная кружка второй половины VIII – начало IX вв. в составе Томызского клада Глазовского уезда Пермской губернии (1893 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 26. Серебряная кружка (Восточные районы Средней Азии. VIII – IX вв.) в составе Кошелевского клада Красноуфимского уезда Пермской губернии (1899 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 27. Серебряное блюдо (Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII – первая половина IX вв.) в составе Климовского клада Кудымкарской волости Соликамского уезда Пермской губернии (1907 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 28. Серебряная чаша в составе Мартыновского клада (Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII – первая половина IX вв.) Кочевского района Коми-Пермяцкого национального округа (1957 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 29. Серебряное блюдо (Средняя Азия. VIII – IX вв.). Найдено до 1890 г. Находилось в церковной ризнице с. Кайгородское Слободского уезда Вятской губернии. Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 30. Серебряная чаша (Хорезм. VIII – начало IX вв.) в составе Шахаровского клада. Златоустовской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии (1886 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

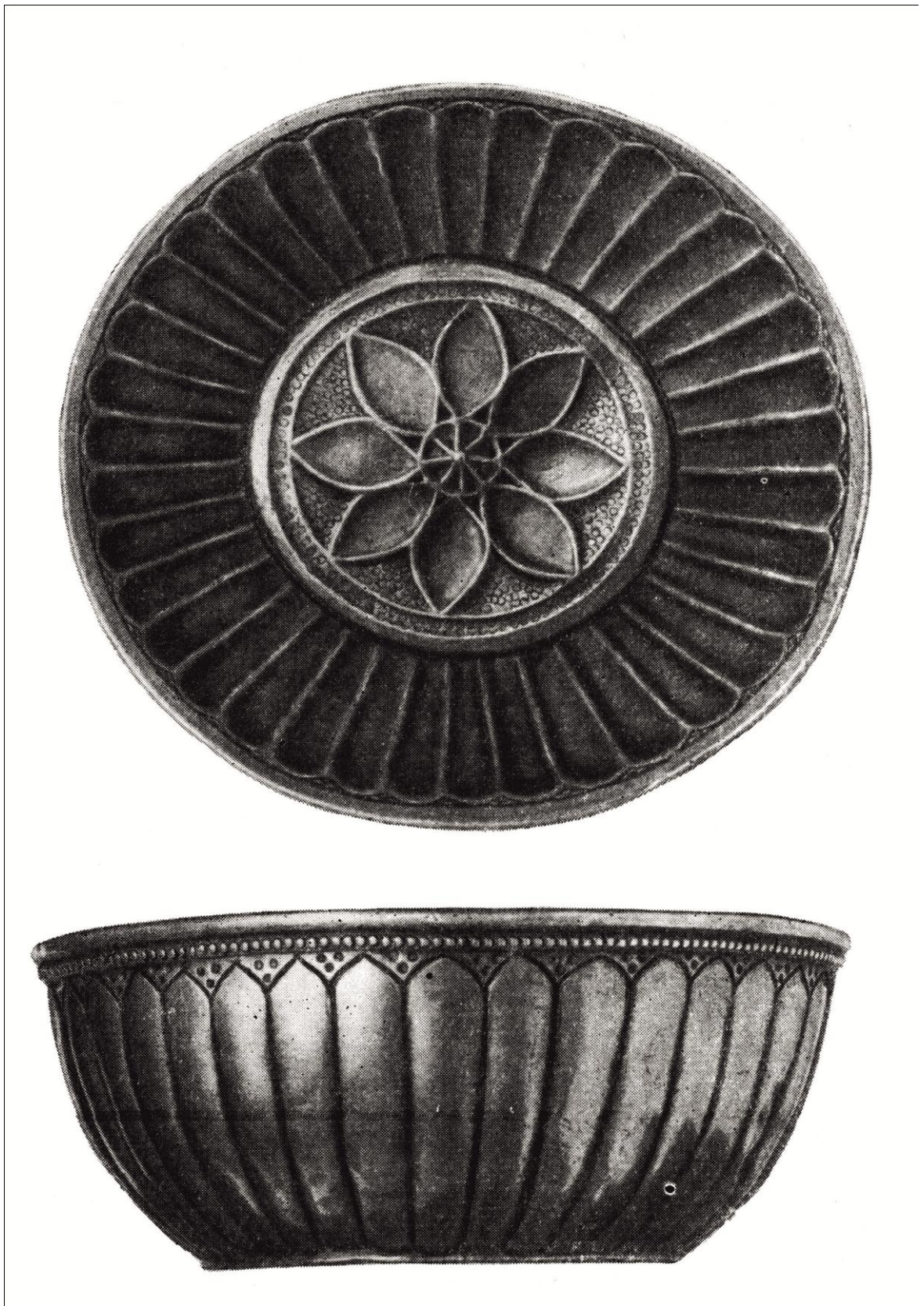

Рис. 31. Серебряная чаша в составе Гутовского клада (Хорезм. VII – начало VIII вв.). Кизивинской волости Оханского уезда Пермской губернии (1891 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 32. Серебряная чаша (Средняя Азия. Вторая половина VIII – IX вв.) в составе Томызского клада Глазовского уезда Пермской губернии (1893 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

Рис. 33. Серебряное блюдо (Восточные районы Средней Азии. Вторая половина VIII – первая половина IX вв.) в составе Чуринаского клада Ключевской волости, Глазовского уезда Вятской губернии (1887 г.). Иллюстрация по Даркевич В.П. Художественный металл востока. – М., 1976.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

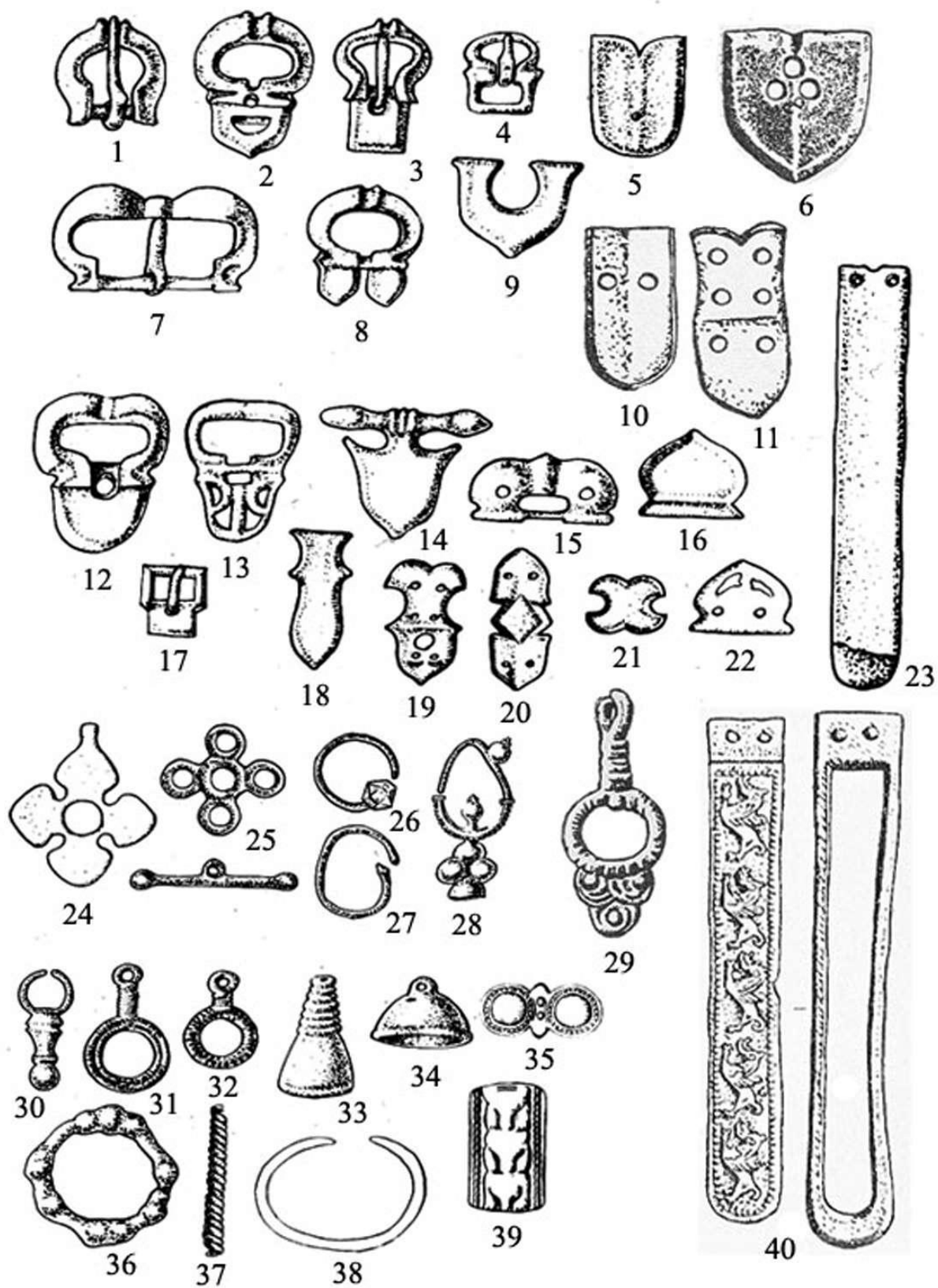

Таблица 1. Металлические украшения костюма населения кушнаренковской культуры.
(по материалам Манякского и Лагеревского могильников)

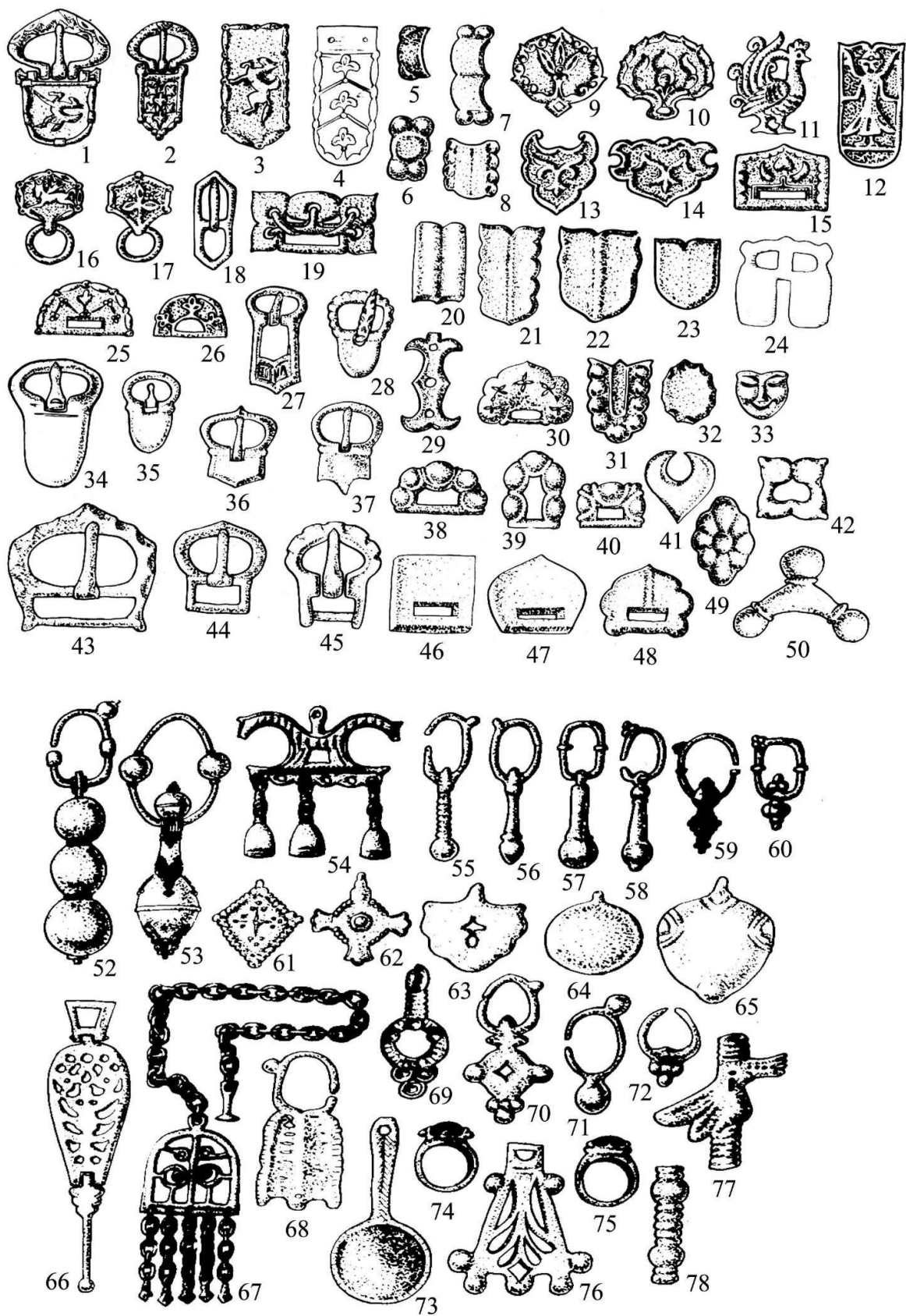

Таблица 2. Металлические украшения костюма караякуповской культуры, (по материалам Бекешевского I.П., Ямаши-Таусского, Стерлитамакского, Лагеревского, Хусаиновского могильников)

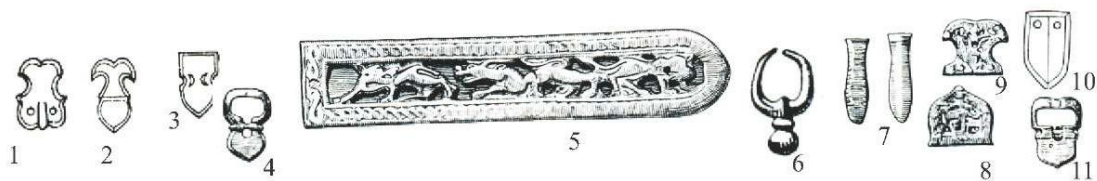
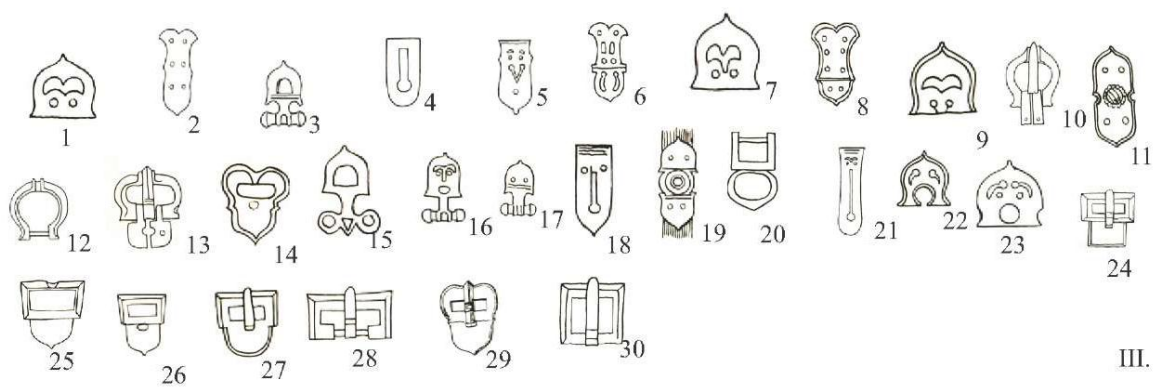
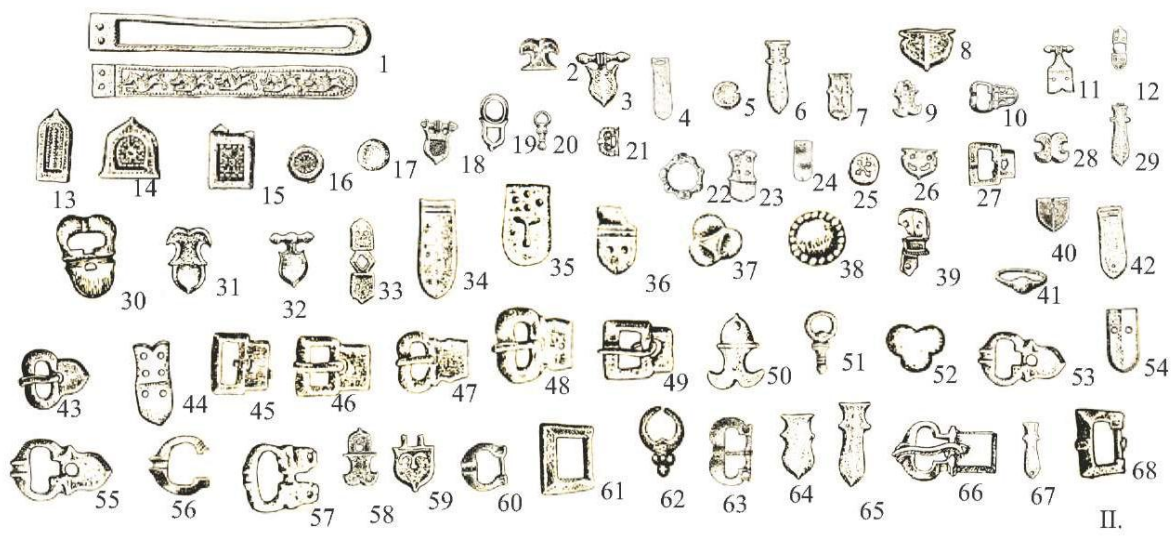
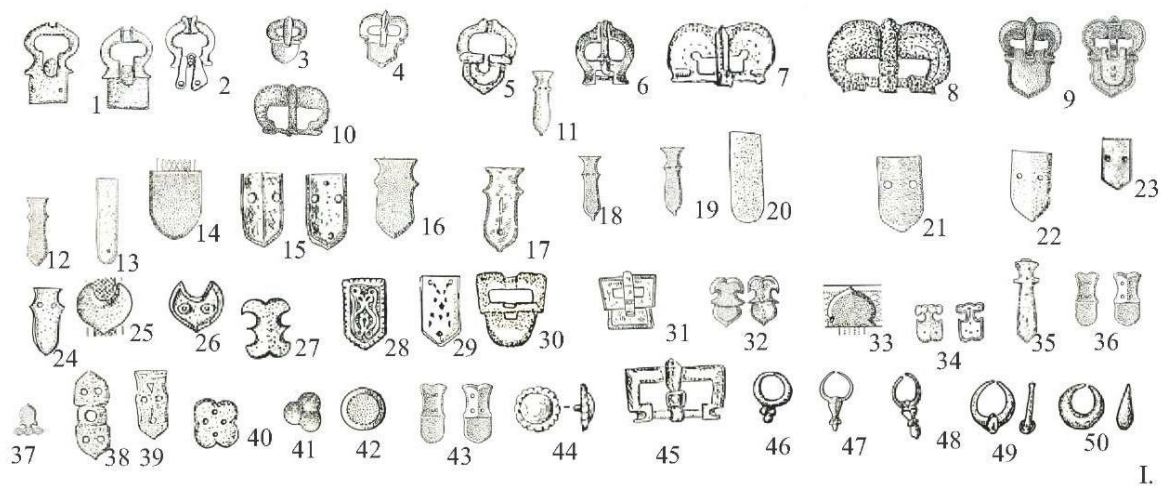
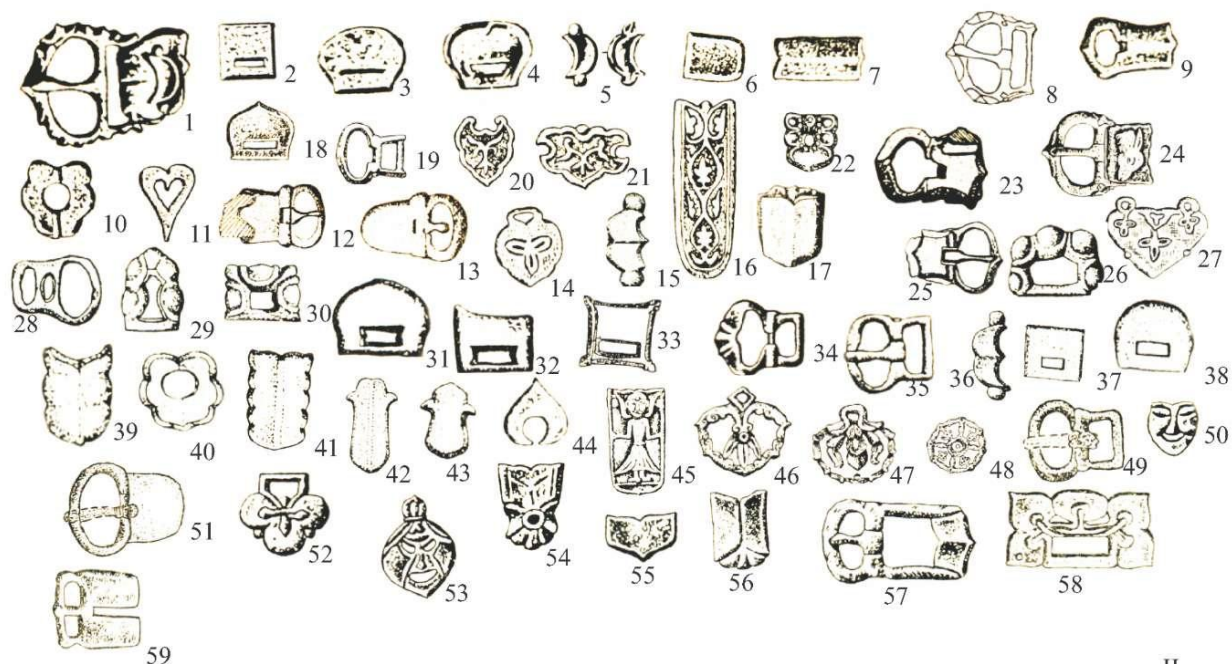

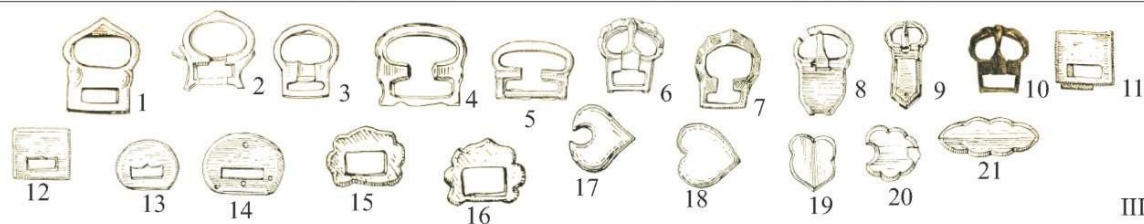
Таблица 3. Металлические украшения VI – VII вв. I. Материалы из памятников дже-
тысарской культуры. II. Материалы из памятников кушнаренковской культуры.
III. Материалы из памятников Северного Кавказа. IV. Материалы кудыргинского
этапа алтае-телеских тюрков

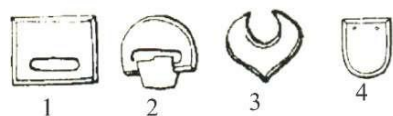
I.

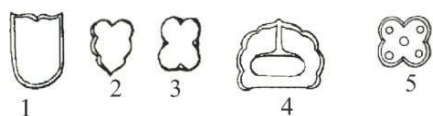
II.

III.

IV.

V.

Таблица 4. Металлические украшения конца VII – середины IX вв.
 I. Материалы из памятников джетыясарской культуры..
 II. Материалы из памятников караякуповской культуры.
 III Материалы из памятников раннесредневекового Согда.
 IV. Материалы из памятников Катандинского этапа алтае-телеских тюрков.
 V. Материалы из памятников туэктинского этапа алтае-телеских тюрков

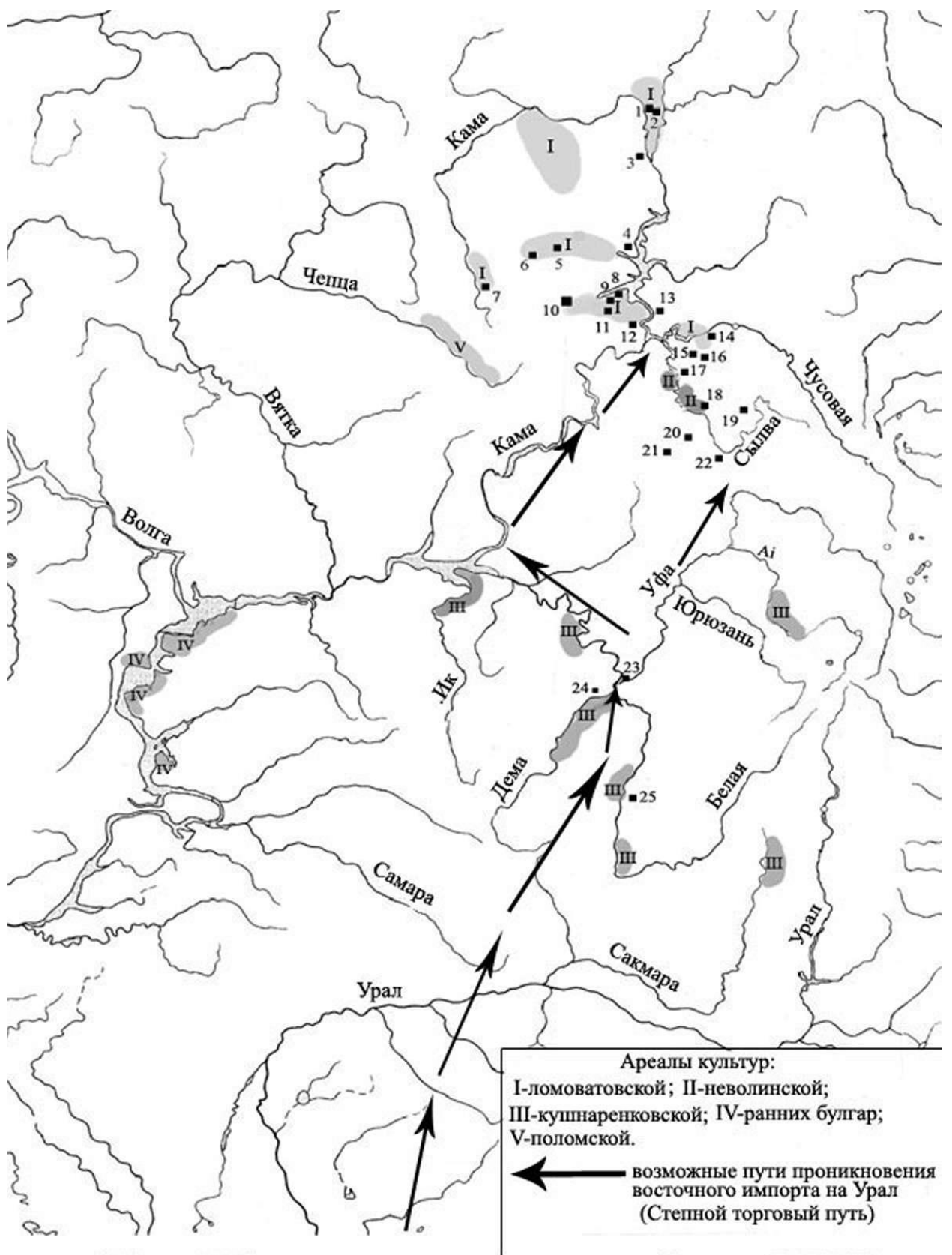

Таблица 5. Карта распространения сасанидской посуды VII – VIII вв.
 в Приуралье

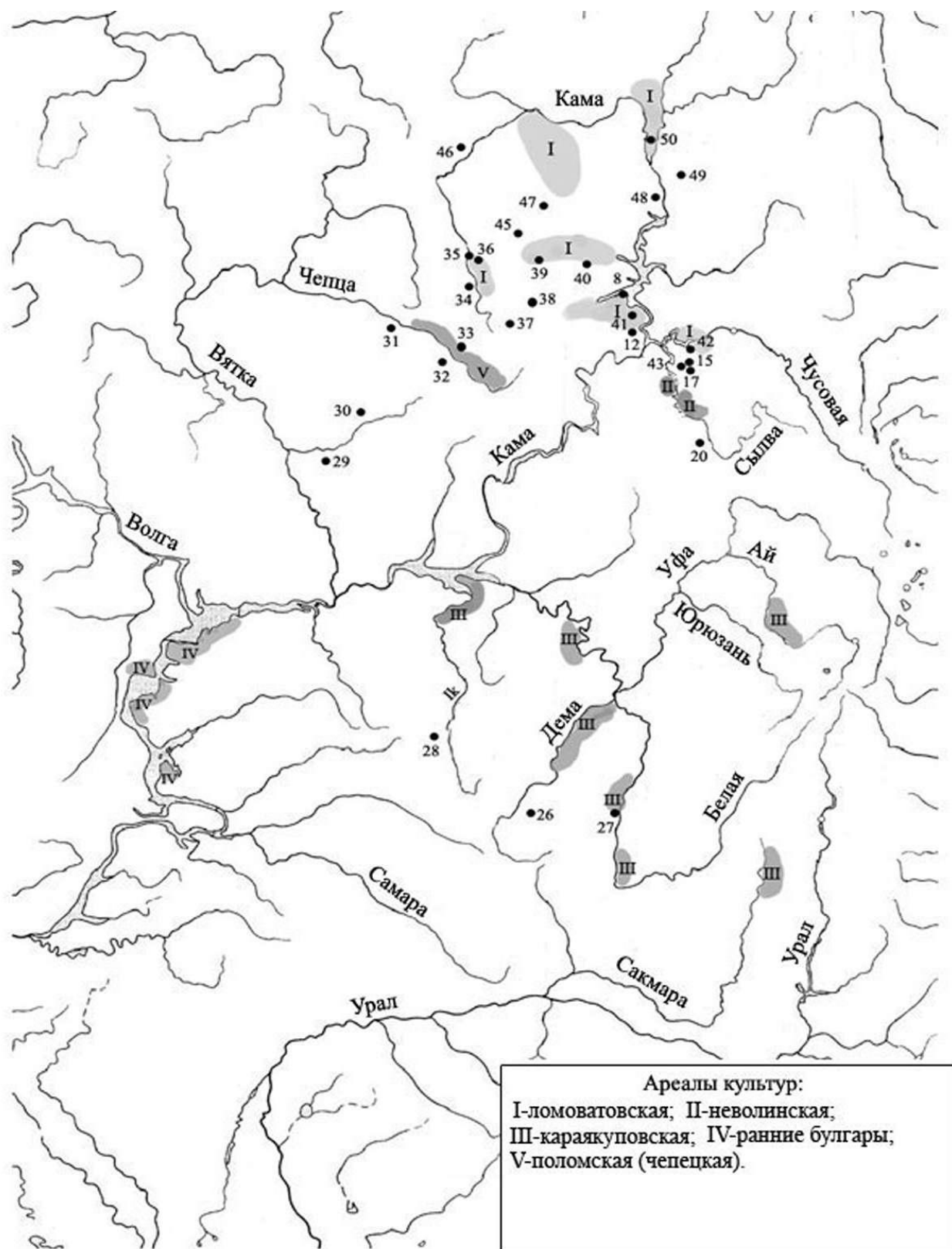
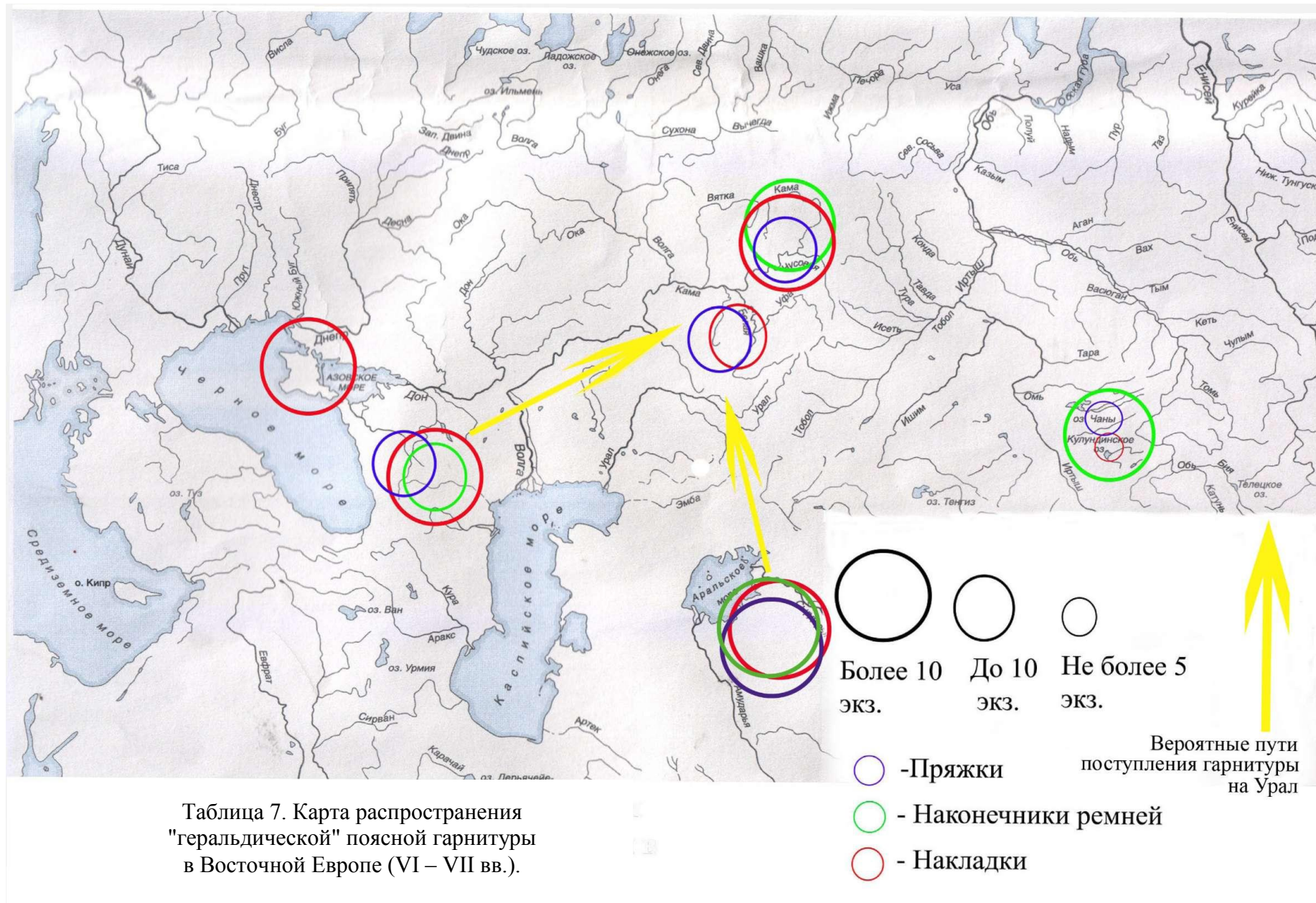

Таблица 6. Распространение сасанидских сосудов VIII – IX вв. в Приуралье

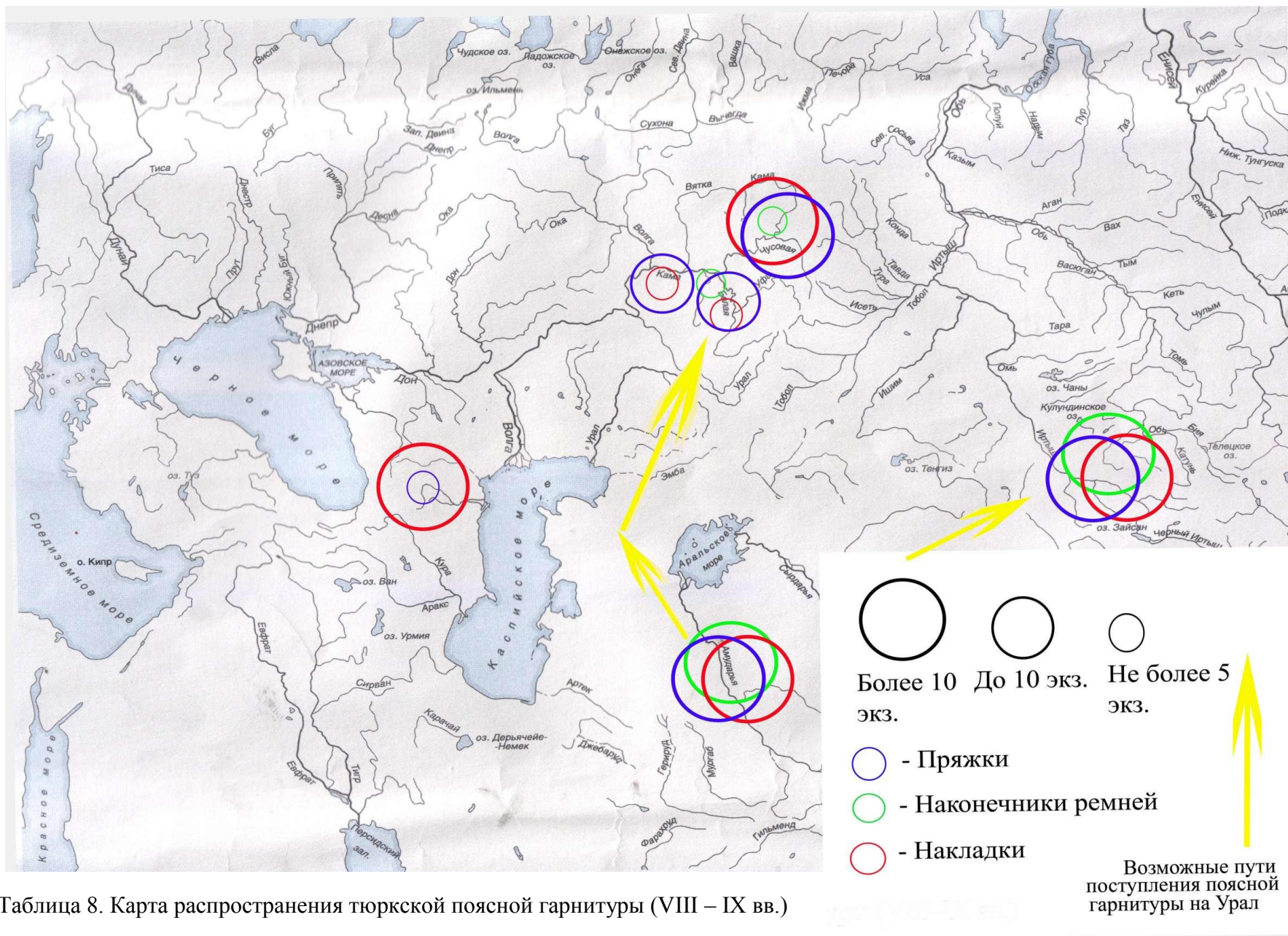

Таблица 8. Карта распространения тюркской поясной гарнитуры (VIII – IX вв.)